

ИОСИФ Сталин

Борис Соколов

БЕСПОЩАДНЫЙ СОЗИДАТЕЛЬ

Тираны. Величайшие злодеи XX века

Борис Соколов

**Иосиф Сталин –
беспощадный создатель**

«Яуза»

2014

Соколов Б. В.

Иосиф Сталин – беспощадный создатель / Б. В. Соколов —
«Яуза», 2014 — (Тираны. Величайшие злодеи XX века)

Сталин до сих пор «живее всех живых», и отношение к нему как к действующему политику – крайне пристрастное, черно-белое, без полутонов. Его либо проклинают – либо превозносят до небес, либо изображают дьяволом во плоти – либо молятся как на божество. Эта книга идет против течения, оценивая Отца народов объективно и беспристрастно, не замалчивая его достижений и побед, не скрывая провалов, преступлений и потерь. В этом историческом расследовании Сталин предстает не иконой и не карикатурой – но беспощадно-эффективным строителем Сверх-Державы, готовым ради власти на любые свершения и жертвы, бессмертным символом героической и кровавой эпохи, по праву названной его именем. Эта книга доказывает: Сталин был не просто тираном – но величайшим из тиранов XX века!

© Соколов Б. В., 2014

© Яуза, 2014

Содержание

Введение	5
Детство и юность	11
Начало революционной деятельности	17
Путешествия по ссылкам	27
В водовороте революции	40
В огне гражданской войны	46
На пути к абсолютной власти	55
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Борис Соколов

Иосиф Сталин – беспощадный созидатель

Введение

Гитлер, как известно, проявил удивительное постоянство в своих идеях, от конца Первой мировой войны и до собственного самоубийства в финале Второй мировой. Но мало кто на свете, кроме маргиналов неонацистов, помянет его за это добрым словом. А вот Сталину верность убеждениям многие историки, не стесняясь, ставят в заслугу. Вот что, например, пишет Ю.В. Емельянов: «Будучи выходцем из народа, носителем богатств народной традиции и древней духовной культуры, Сталин своей жизнью и деятельностью показал, как важно руководителю страны сохранять близость к народу, понимать народ, уметь говорить языком, понятным народу, поощрять народные таланты, создавая максимум благоприятных условий для образования и движения вперед наиболее способных и талантливых выходцев из народа. В то же время Сталин является примером исключительной требовательности к себе как в личной жизни, так и в работе, примером полнейшей самоотдачи во имя осуществления великого и благородного народного идеала – создания общества социального равенства и процветания. Будучи образцом стойкости в своих идейно-политических взглядах, Сталин не побоялся пойти на решительный отказ от ряда положений учения, в которое он свято верил, для того, чтобы добиться перелома в общественном сознании людей и воспитания у них гордости за свою страну, ее достижения не только в настоящем, но и за великие деяния прошлого. Сын Грузии, он стал великим русским патриотом, отстаивавшим интересы русского народа... Создав СССР и управляя этим Союзом, Сталин поощрял условия для долговременного межнационального мира в нашей стране на основе прочной дружбы народов... При этом он не поступался принципами, которыми он руководствовался всю сознательную жизнь, и сохранял верность многим из духовных ценностей, обретенных им в течение своего сложного жизненного пути».

Читается это как пародия и иных чувств, кроме искреннего смеха, не вызывает. Подобный житийный панегирик в стиле «Повести о пламенном коммунисте» заставляет вспомнить то место из булгаковского «Ивана Васильевича», где царица обращается к Бунше-Грозному, пьянице и бабнику, силою обстоятельств вынужденному играть роль царя и рассуждающему на «интереснейшую тему об учреждении жактов»: «И все-то ты в трудах, все в трудах, великий государь...»

Давайте подумаем, ради чего всю жизнь самоотверженно трудился Сталин, ради какой великой цели пренебрегал личным бытом и отдыхом, ради создания общества социальной справедливости или ради укрепления и расширения собственной единоличной власти, сначала над Советским Союзом, а потом и над всем миром? И главное: в какую цену обошлась сталинская власть народам СССР и остального мира, если даже считать эту цену в одних только человеческих жизнях?

Если национал-патриоты уподобляют Сталина Ивану Грозному, понимаемому как положительный герой русской истории, то многие либералы и сторонники «социализма с человеческим лицом» стремятся опустить генералиссимуса до уровня Бунши, по принципу: «Какой он царь, он управдом!» Вот что, например, пишет Л.М. Баткин: «Входила ли в драматургический замысел советской истории с середины 20-х годов потребность в таком исполнителе главной роли, которого отличали бы необычность, яркость, блеск личности? Есть ли основания поставить Сталина в один ряд с Цезарем, Наполеоном, Петром I или, по крайней мере, Иваном Грозным? Обладал ли он личной значительностью хотя бы таких политиков, как Бисмарк,

Столыпин, или де Голль, или Рузвельт? Был бы этот человек с трубкой интересен и на острове Св. Елены – то есть лишившись власти, в качестве частного лица и собеседника?»

И историк так отвечает на этот вопрос: «Из объедков, из старого идеологического жаргона он мог изжарить даже как бы «теорию», мог глядеться большим шкафом по части «марксизма» на фоне сереньких, как мыши, Молотова, Жданова, Берии или Ворошилова. Он определенно был умнее их всех, значительнее их всех, потому что был самым гениальным выражением их принципиальной серости и бездарности... «Паханом» нового партаппарата он стал заслуженно».

Насчет того, что Сталин был никаким теоретиком, уважаемый историк вполне прав. И на острове Святой Елены с ним не о чем было бы разговаривать. Вне власти он был неинтересен. И определение «пахан» вполне уместно по отношению к Иосифу Виссарионовичу. Ибо власть большевиков была нелегитимна в своей основе, а ее носители принципиально отрицали принципы христианской или любой другой религиозной морали. В своих взаимоотношениях большевистские руководители следовали кодексу партийной морали, а он не отличается от мафиозной омерты – беспрекословное подчинение вождю, культ вождя, партия превыше всего (у мафии – «семья» превыше всего), в том числе семьи, беспощадная расправа с отступниками, вход в руководящую шайку – рубль, а выход – сто. При Сталине же выйти из системы нельзя было и за миллион. Отставка влекла за собой рано или поздно насильственную смерть.

Сталин имел в жизни только одну страсть – власть, и в этом была его сила. В своих действиях он не был ограничен ни моральными, ни прагматическими соображениями.

Но вот тактиком внутрипартийной борьбы, мастером политической интриги Сталин был выдающимся. Это никак нельзя отрицать. Ведь Коба легко одолел во внутрипартийной борьбе таких интеллектуалов-теоретиков, как Троцкий и Зиновьев, Бухарин и Каменев. И не так много нашлось бы в мире людей, которые бы проделали это с таким изяществом и мастерством. И еще Сталин умел заставить людей работать на себя, беспрекословно выполнять его распоряжения. И здесь дело не только в страхе, который он нагнал террором. Ведь партийный аппарат был всецело послушен его воле еще с начала 20-х годов, когда о терроре против «своих», партийцев, речи не шло.

Вот построенный по принципу от противного портрет Сталина, литературного, фантастического Сталина, продолжающего жить в 1954 году, из романа Владимира Сорокина «Голубое сало»: «Вождь был высокого роста, хорошо сложенным, с открытым, умным, словно выточенным из слоновой кости лицом; черные, коротко подстриженные волосы его были с проседью, высокий лоб плавно переходил в залысины, красивые черные брови плавно изгибались над живыми, пронизательными карими глазами; небольшая горбинка не портила носа, волевые большие губы выступали над небольшим, но упрямым раздвоенным подбородком; гладкие щеки были слегка впалы. На вид Сталину было лет пятьдесят. Он был одет в белую шелковую косоворотку, подпоясанную серебряным поясом, и узкие брюки белого бархата, заправленные в белые лаковые полусапожки с серебряным шитьем».

А вот, для сравнения, портрет Кобы из бесстрастного полицейского протокола: «Приметы: рост – 2 аршина 4,5 вершка (164 см. – Б. С.), телосложения посредственного, производит впечатление обыкновенного человека, волосы на голове темно-каштановые, на усах и бороде каштановые, вид волос прямой, без пробора, глаза темно-карие, средней величины, склад головы обыкновенный, лоб прямой, невысокий, нос прямой, длинный. Лицо длинное, смуглое, покрытое рябинками от оспы, на правой стороне нижней челюсти отсутствует передний коренной зуб, рост умеренный, подбородок острый, голос тихий, уши средние, походка обыкновенная, на левом ухе родинка, на левой ноге второй и третий пальцы сросшиеся».

Сорокинский Сталин, несомненно, колоритнее и симпатичнее. Реальный же Сталин, согласимся, обладал вполне заурядной, можно сказать, невзрачной внешностью. Недаром в полицейской ориентировке всячески подчеркивается его обыкновенность. Необычное здесь,

пожалуй, только сросшиеся пальцы на ноге – по народным поверьям, примета дьявола. Но полицейские чины были люди трезвомыслящие, в мистику не верили и особого значения этому врожденному дефекту не придавали. Разве что вдруг кому-то из агентов посчастливится оказаться со Сталиным в бане, и он его по этой примете опознает. Или заставит подозреваемого снять сапоги. В советское же время это уродство, равно как и сухость левой руки, тщательно скрывались. А вот на фотографиях с помощью ретуши и на официальных портретах дефектную руку делали больше, чем она была на самом деле, и выбирали соответствующий ракурс, чтобы ее отличие от здоровой правой руки не так бросалось в глаза. Но даже парадные портреты вождя не впечатляют, не остаются в памяти как нечто эстетически значимое, достойное запоминания. Чего уж тут говорить о вполне объективных, без тени ретуши полицейских фотографиях.

Произведения Сорокина, и особенно «Голубое сало», можно рассматривать как мощнейшую реакцию на Великий Сталинский проект. Его суть очень хорошо вскрыл искусствовед Борис Гройс: «Творчество становится, по меньшей мере, невозможным, поскольку различие между искусством и неискусством исчезает: вся реальность преобразуется, становится искусством, превращается в музей, где ничего нельзя более изменить. Отсюда, в частности, тотальная тавтология искусства сталинского времени. Поскольку вся советская жизнь была пронизана единым произведением искусства, автором которого являлись Сталин и партия, инновационный обмен между искусством и реальностью стал невозможным – и новое исчезло, сменившись вечным возвращением прошлого». Сорокин расщепляет тоталитарный поток смыслов, демонстрирует воочию ту гниль, что таится за высокими словами и лозунгами Великого Проекта преобразования человека и природы. Гной «Голубого сала» – символ воплощения «русской национальной мечты» в фантастическом Советском Союзе 1954 года, где Сталин благополучно синтезировал коммунизм с «русской идеей». Как настаивает писатель, «гниль и мед в этой стране – близнецы братья». В романе мотив гноя, гниения – один из основных. Здесь писатель создал пародийно-фантастическое прошедшее будущее сталинского культурного проекта, который и в состоянии гниения и распада на путях соединения коммунизма с национализмом остается величественен и в своей гибели.

Плоды сталинского культурно-политического проекта воспринимались и продолжают восприниматься на Западе как нечто оригинальное и величественное благодаря монументальности форм и грандиозности замысла. Здесь еще и то очевидное преимущество сталинского проекта, что, в отличие от гитлеровского и муссолиниевского, он успел в основных чертах воплотиться в жизнь.

А многие произведения, посвященные Сталину, выставляют его в карикатурном виде, как смешного, нелепого, злобного и глупого диктатора, который лез в те вопросы, в решении которых был совсем не компетентен, всегда только мешал настоящим специалистам-профессионалам. И у власти оставался дуриком, и к победе в войне никакого отношения не имел. Правда, при ближайшем рассмотрении нередко выясняется, что специалисты, с которыми спорил Сталин, будь то военные или гражданские, по западным меркам, были не такими уж профессионалами. Да и созданной Сталиным системе, за редким исключением, касавшемся, главным образом, выдающихся ученых, а также мастеров культуры, получивших всемирное признание, высококлассные профессионалы были не нужны. Она обходилась простыми исполнителями. Ведь основные решения все равно принимал один человек.

В сочинениях сталинистов, например того же Юрия Жукова, при их полной научной безграмотности, порой находятся не публиковавшиеся ранее архивные документы (в доступе к некоторым весьма закрытым по сей день архивам историки-сталинисты имеют гораздо более свободный доступ, чем историки-антисталинисты). Эти документы непредвзятому историку могут дать хороший материал для анализа советского общества. Беда, однако, в том, что все документы сталинисты, как профессиональные историки, так и публицисты, сроду в архивах

не работавшие, тракуют только для того, чтобы сделать единственный, с их точки зрения, верный вывод. Сталин был великий человек, народ его любил, и вождь платил ему тем же, оставив после себя в наследство великую империю. Да, он массами уничтожал врагов народа, наверное, когда-то здесь бывали и ошибки, но в тех ошибках больше повинен не вождь, а разного рода окружавшие его соратники-супостаты, всякие там ягоды, ежовы, кагановичи, хрущевы. Берию обычно в этот ряд не включают, как творца ядерного оружия. Он, дескать, мог бы спасти СССР, да умучили его злодеи Хрущев с Маленковым. В целом же вывод такой: без репрессий, без отхода от демократии, без создания могучей империи, попрания прав других народов мы бы не только не победили в Великой Отечественной, но и вообще не уцелели бы как независимое государство, которое всегда мечтали растерзать хищники как с Запада, так и с Востока. Последняя, имперская составляющая сталинизма находит полное понимание и сочувствие у нынешней российской власти, в чем и заключается одна из причин ее терпимости к пропаганде сталинизма. Империя – это хорошо, а репрессии – это так, мелочи, небольшие тени на светлом лице генералиссимуса. И народу приятнее жить в империи, чем без нее, поскольку с Советской империей он связывает былую стабильность и, как тогда казалось, относительное житейское благополучие.

Сталин и советская культура второй половины 20-х – начала 50-х годов – это если и не сиамские близнецы, то, по крайней мере, два общественных феномена, тесно связанных друг с другом. Безусловно, определяющим в этой связке было влияние Иосифа Виссарионовича, с конца 20-х годов ставшего безраздельным диктатором обширной Советской страны. Но, в свою очередь, произведения новой послеоктябрьской культуры и личности их творцов также влияли на Сталина и порой подсказывали ему те или иные ходы во внешней и внутренней политике. «Великий кормчий» считал себядемиургом не только нового общества, но и новой культуры, но и сам, в свою очередь, во многом был их порождением.

Сталин так или иначе, по телефону лично либо путем взаимной переписки общался со многими представителями советской культуры. Сразу вспоминаются Максим Горький и Демьян Бедный, Михаил Булгаков и Михаил Зощенко, Борис Пильняк и Борис Пастернак. Список можно без труда продлить. Иосиф Виссарионович так или иначе повлиял на трагические судьбы Исаака Бабеля, Всеволода Мейерхольда, Михаила Кольцова... Но еще более существенно он повлиял на судьбы советской культуры с середины 20-х и до начала 50-х годов, постепенно приведя ее к монументально-мертвому стилю и в литературе, и в живописи, и в архитектуре, и в музыке. Вождь лично вершил судьбу не только авторов, но и их произведений, и целых культурных явлений. Сталин верил, что великой коммунистической империи должна сопутствовать великая культура, которой предстоит стать первой в мире. Она прошла быструю эволюцию от порожденного революцией нигилизма к старой культуре и претензий на рождение всемирной культуры пролетариата до строго государственной советской культуры, больше всего напоминающей классицизм Российской империи XVIII века. В своем законченном варианте классическая советская культура существовала лишь последнее десятилетие жизни Сталина. Затем она все больше отходила от канона «борьбы хорошего с отличным» и от классической завершенности псевдореалистических форм, где точность деталей прикрывала жизненную неправду.

Приведение деятелей культуры к единому идеологическому знаменателю шло бок о бок с политическими репрессиями. Но известных писателей, артистов, художников, режиссеров сажали и расстреливали значительно реже, чем политиков или военных. И чаще всего поводом для репрессий людей литературы и искусства служила не их творческая деятельность сама по себе, а близость к кому-то из впавших в опалу политических функционеров. В некоторых случаях, как, например, с Бабелем и Кольцовым, политика и культура оказывались тесно переплетены между собой.

Ту же роль, которую в отношении политиков и военных, а также «классово чуждых» элементов играли репрессии, в отношении людей культуры играли цензурные запреты и идеологические проработочные кампании против тех или иных писателей, композиторов, режиссеров. Их достаточно было отлучить от читателя или зрителя. «Изъятие» же кого-то из международно признанных культурных авторитетов оказывало весьма негативное влияние на левонастроенную зарубежную интеллигенцию, и на это шли только в крайнем случае. Ведь для громких процессов деятели культуры не годились. И отнюдь не потому, что проявляли необыкновенную стойкость в застенках. Скорее наоборот, для творческих, ранимых натур часто даже не физические пытки, а сама мысль о них была мощнейшим стимулом к тому, чтобы согласиться со всеми злобещими фантазиями следователей. Особенно это касалось тех, кто еще на воле был достаточно хорошо осведомлен, какими методами добывают признания в НКВД. Главной причиной, почему не было ни одного процесса с участием писателей или артистов, композиторов или художников, было то, что подобное судилище могло иметь лишь негативный для Сталина и коммунистической власти эффект. В случае с Троцким, Бухариным, Зиновьевым, Тухачевским и другими политиками и военными все их мнимые заговоры и даже столь же мнимую шпионскую деятельность как обыватель, так и интеллигент, что в СССР, что на Западе, мог объяснить себе банальным стремлением к власти. А вот зачем писатель или режиссер, вроде бы принявшие, и порой с энтузиазмом, Советскую власть, вдруг решили против нее бороться, толково объяснить широкой публике не было никакой возможности. Получилось бы, что Советская власть действительно стесняет свободу творчества, раз творцы восстают против нее. Сталин был достаточно умен, чтобы не разрушать подобными процессами положительный имидж Страны Советов. А уж на роль шпионов артисты и писатели не годились, поскольку, что было очевидно даже для рядового обывателя, никакими секретами не обладали.

При Сталине перед политиками, хозяйственниками, военными, деятелями культуры, равно как и просто перед рядовыми рабочими, крестьянами, интеллигентами стоял страшный выбор – приспособиться или погибнуть. Отказ от приспособленчества часто вел к физической гибели, особенно если человек не обладал широкой известностью или не вызвал, по каким-то необъяснимым порой причинам, личной симпатии со стороны Сталина. Личная же ненависть вождя была почти стопроцентной гарантией гибели. Но и те, кто приспособился, чаще всего тоже платили за это смертью, не физической, но духовной. Уделом Шолохова, Фадеева, отчасти Алексея Толстого, многих других стало творческое бесплодие, неспособность даже отдаленно приблизиться к своим прежним высоким достижениям. Горько звучат предсмертные слова Фадеева, обращенные к Хрущеву, но во многом применимые и к предшествующей эпохе: «Не вижу возможности дальше жить, так как искусство, которому я отдал жизнь свою, загублено самоуверенно-невежественным руководством партии и теперь уже не может быть поправлено... Литература – эта святая святых – отдана на растерзание бюрократам и самым отсталым элементам народа... Самодовольство нуворишей от великого ленинского учения... привело к полному недоверию к ним с моей стороны, ибо от них можно ждать еще худшего, чем от сатрапа Сталина. Тот был хоть образован, а эти – невежды».

Уделом уцелевших военных и хозяйственников было превратиться в простые винтики системы, лишённые самостоятельности. Потому-то, например, нельзя считать настоящими полководцами ни Жукова, ни других советских маршалов. Они были лишены главного, что делает полководца великим полководцем – свободы воли в принятии решений. Поэтому в Великой Отечественной войне мог быть только один Сталин, но для того, чтобы быть хорошим полководцем, ему не доставало военного опыта и образования и природных полководческих способностей. И, что еще важнее, его полководческий инструмент – Красная Армия, по выражению Иосифа Бродского, была мечом, который «вражьи тупей». И солдаты, и командиры этой армии были плохо обучены и не умели действовать самостоятельно. Поэтому, в частности, командиры фатально запаздывали с принятием решений на всех уровнях. Побеж-

дать Красная Армия, представлявшая собой фактически плохо обученное ополчение, могла только очень большой кровью. Но хорошо подготовленная, профессиональная армия Сталину была не нужна. В такой армии он видел угрозу своей власти, так как она могла послужить опорой для «бонапартистского переворота».

При Сталине бюрократы, столь же активно вмешивающиеся в сферу прекрасного, были все же сильнейшим образом ограничены эстетическими и человеческими предпочтениями вождя. Ценой за то, что не угадал истинное намерение Сталина, могла быть жизнь нерадивого исполнителя. Хрущев же потакал самым примитивным народным вкусам, поскольку сам в эстетическом плане над ними нисколько не поднимался. Неслучайно любимым поэтом Никиты Сергеевича был Демьян Бедный. Главное же, Хрущев полностью отдал искусство на откуп бюрократов, над которыми уже не висел дамоклов меч репрессий. Такая же разница была и в экономике. При Сталине директора боялись репрессий и потому беспрекословно выполняли указания сверху. При Хрущеве же, когда самой страшной угрозой стало снятие с работы и перевод на нижестоящую должность, они позволили себе расслабиться.

И еще замечу, что проведению сталинской политики как в искусстве, так и в стране очень помогала зависть одних номенклатурных деятелей к другим, их соперничество за доступ к государственной кормушке. Ее дух отлично передает фрагмент из донесения Секретно-политического отдела ГУГБ НКВД от 3 июня 1937 года о реакции артистов Большого театра на награждение орденами и присвоение почетных званий: «Мелик-Пашаев, дирижер ГАБТа, заслуженный деятель искусств: «Нет границ моему счастью. Я передать свой восторг не в состоянии. Я счастлив еще потому, что Небольсин (дирижер ГАБТа) получил меньше моего». А.Ш. Мелик-Пашаев, кроме звания заслуженного деятеля искусств РСФСР, получил орден Трудового Красного Знамени, а В.В. Небольсин – только орден Знак Почета.

Очень бы хотелось предложить апологетам Сталина совершить мысленное путешествие в прошлое лет так на шестьдесят-семьдесят и представить себе такую картину: их самих, господ кремлевых, жуковых, мухиных, пыхаловых, которых так любят все, brave ребята в фуражках с синим верхом заталкивают в черный воронок, чтобы доставить до ближайшей стенки, а Берия или Абакумов ласково утешают плачущих родных и близких: «Время у нас сейчас такое, нельзя нам без сирот». И, кстати сказать, без сирот российское государство никогда не обходилось.

Я не собираюсь писать икону, пародию или карикатуру. Не парадный портрет, а по возможности объективный, хотя и не беспристрастный. Ибо свершения моего героя очень красноречивы и без труда поддаются вполне однозначной оценке, если убрать с них романтический имперский глянец. Недаром в рейтингах самых знаменитых злодеев XX века, выводимых в Северной Америке и Европе, за пределами России, Сталин устойчиво делит с Гитлером первое-второе места.

Детство и юность

6(18) декабря 1878 года в городе Гори Тифлисской губернии в семье сапожника Виссариона Джугашвили и его жены Екатерины родился сын Иосиф. Об этом была сделана соответствующая запись в метрической книге местного Успенского собора. Крестили новорожденного 17/29 декабря. Восприемником при крещении стал некий Михаил Цихитатришвили. В то время было принято праздновать не день рождения, а день ангела, т. е. день того святого, в чью честь человек был окрещен. Поэтому люди далеко не всегда помнили точную дату своего рождения. А в семьях простонародья нередко забывали и год своего появления на свет. Сталин в этом отношении не был исключением, колебался в выборе года рождения между 1878 и 1879-м, и в дальнейшем изобрел условную дату своего рождения – 9 (21) декабря 1879 года (хотя в первых своих анкетах и указывал 1878 год как год своего рождения). Впервые она была отмечена как государственный праздник в 1929 году, в качестве 50-летнего юбилея вождя. Подлинная же дата сталинского рождения была обнародована только в 1990 году историком Л.М. Спириным.

Фамилия Джугашвили упоминается в документах селения Диди Лило в 1819 году. Существует несколько версий ее происхождения. По наиболее вероятной из них, прапрадед Сталина жил в горах Мтиулетии (нынешняя Южная Осетия) и был очень хорошим пастухом. За это односельчане прозвали его «Джогисшвили», что значит «сын стада». Позднее «Джогисшвили» трансформировалось в «Джугашвили». По воспоминаниям матери Сталина, первоначальная фамилия предков ее мужа была Берошвили.

Прапрадед Сталина жил в Мтиулетии в конце XVIII века, когда в этой местности шла ожесточенная борьба между грузинами и осетинами. К какой из этнических групп принадлежал Джогисшвили, точно неизвестно. Однако, учитывая, что в дальнейшем его потомки селились в селениях, основанных осетинами, можно предположить, что он тоже был осетином. Кстати, по одной из версий, слово «джуга» в одном из диалектов осетинского языка означает «железо», и будто бы поэтому Иосиф Виссарионович в дальнейшем взял псевдоним «Сталин».

Первый Джугашвили, чье имя – Заза, точно известно, до того, как осесть в Диди Лило, жил в селении Гери в северной части Горийского уезда, недалеко от села Мерети. Его имя упоминается в показаниях священника селения Мерети Иосифа Пурцеладзе, данных им 8 декабря 1805 года после подавления антирусского восстания во главе с князем Элизбаром Эристави: «Я знаю и видел, что к сыну кулар агаси Элизбару хаживали осетины, жившие по ту и сю сторону... Элизбаром посылаемые люди были Джукашвили Заза и Таури-хата, но Заза чаще хаживал днем и приводил осетин по ночам». Замечу, что тот факт, что Заза Джугашвили князь использовал для связи именно с осетинами, косвенно указывает на его осетинскую национальность.

Между 1812 и 1819 годами Заза Джугашвили (или его сын Иван) перебрался из селения Гери, принадлежавшего князьям Мачабели (в 1869 году оно насчитывало лишь 341 жителя – все осетины), в другое, более крупное осетинское село – Диди Лило, также пожалованное роду Мачабели. Здесь в 1850 году у Ивана (Ванно) родился сын Виссарион – отец Сталина. Он занимался сапожным ремеслом. После того как отец умер, а брата Георгия, владельца харчевни, убили разбойники, Виссарион во второй половине 1860-х годов подался в Цинандали, а потом в Тифлис. По преданию, распространенному среди односельчан, Бесо бежал от долгов и налогов, душивших ремесленников. В начале 1870-х годов он приехал в Гори для работы на обувной фабрике местного армянского купца Иосифа Барамова (Барамянца). Для своих 20 лет Виссарион Джугашвили был довольно-таки образован, по сравнению с другими ремесленниками. Он не только был грамотным, каковых в Тифлисской губернии было только 16 % населения, но и, кроме родного грузинского, говорил еще на русском, армянском и тюркском

(азербайджанском). Отец Сталина живо интересовался поэзией и на память цитировал обширные фрагменты «Витязя в тигровой шкуре». У его сына наследственное увлечение проявилось в юности в стихотворчестве, но в зрелые годы он не только оставил писать стихи, но и, как кажется, утратил интерес к поэзии, которая превратилась для него в не более чем средство агитации.

Характерно, что Бесо уже, безусловно, считал себя грузином и лишь помнил о своем осетинском происхождении. Сосед Сталина Нико Тлашидзе так описал его отца: «Он был среднего роста, смуглый, с большими черными усами и длинными бровями, выражение лица у него было строгое, он всегда ходил мрачный... носил короткий карачогельский архалук и длинную карачогельскую черкеску, опоясывался узким кожаным поясом, надевал сапоги, заправляя шаровары в голенища, шапку носил с козырьком». Другой сосед, Давид Папиташвили, оставил такой портрет Бесо Джугашвили: «Был выше среднего роста и худощав. Волосы у него были черные, носил усы и бороду... У него не было ни одного седого волоса. В молодости наш вождь внешне очень походил на своего отца. Черты характера и внешность Иосиф, действительно, унаследовал у Бесо. И в юные годы носил и усы, и бороду, очевидно, для солидности, и лишь позднее сохранил одни усы.

Мать Сталина Екатерина (Кеке) была дочерью крепостных крестьян князей Амилахвари. Ее отца звали Георгий (Глах, Габриэль) Геладзе (Гелашвили). Он был выходцем из района Казбеги в Южной Осетии и жил в селении Свенети вблизи Гори, а затем переселился в предместье Гори Гамбареули. По профессии Глах был то ли гончаром, то ли кирпичником, а в Гамбареули переквалифицировался в садовники. Его жена, бабка Сталина, Мелания Хомезурашвили, также была крепостной князей Амилахвари. В Гамбареули в 1856 году родилась Екатерина Геладзе. В 1864 году она вместе с семьей переселилась в Гори. Родители вскоре умерли, и Екатерина вместе с другими детьми воспитывалась в семье брата матери, Петра Хомезурашвили. Там познакомилась с Виссарионом Джугашвили и в 1874 году вышла за него замуж. К тому времени отец Сталина уже успел открыть собственную мастерскую. Отец и мать сознавали себя грузинами, и грузинами сознавали себя и их дети, в том числе и Иосиф.

Бесо и Кеке поженились 17 мая 1874 года, а первый ребенок Михаил родился 14 февраля 1875 года. Очевидно, он был зачат сразу после свадьбы. Первенец прожил лишь неделю и скончался 21 февраля. Его воспитателем (крестным отцом) стал Шалва Мачабели, крестьянин, очевидно, из бывших крепостных князей Мачабели.

Второй сын у Бесо и Кеке Джугашвили появился на свет 24 декабря 1876 года. Его называли Георгием. Крестным отцом был горийский виноторговец Яков Эгнатошвили. Георгий прожил недолго и 19 июня 1877 года скончался от кори.

Третий сын, Иосиф, родился 6/18 декабря 1878 года и остался единственным ребенком у своих родителей.

По воспоминаниям ученика Виссариона Джугашвили Давида Гаситашвили, «среди людей нашего ремесла Бесо жил лучше всех. Масло дома у него было всегда. Продажу вещей он считал позором». Это было около 1880 года. Но уже через 5–6 лет взгляды и образ жизни Бесо сильно изменились. Он стал страдать запоями.

Можно предположить, что между родителями Сталина произошел какой-то серьезный конфликт где-то около 1883 года. Возможно, Виссарион встретил другую женщину и не стал перевозить жену и сына в столицу Закавказья. Предполагают и другие причины разрыва: увлечение Бесо вином или увлечение Кеке другим мужчиной. Кроме того, жизнь в Тифлисе была значительно дороже, чем в Гори, и у Бесо могло не быть достаточно денег, чтобы содержать семью в Тифлисе. Из-за отъезда мужа в Тифлис Кеке с сыном в 1883–1893 годах вынуждена была сменить не менее десяти адресов. У семьи явно не хватало денег на то, чтобы снять более или менее приличную квартиру.

Во второй половине 80-х годов Бесо пил уже очень крепко, и супруге не раз приходилось искать дома пятый угол. А вот сына, похоже, он никогда не бил. Во всяком случае, Сталин утверждал впоследствии, что отец всегда относился к нему хорошо. По воспоминанию Котэ Чарквиани, сына священника Христофора Чарквиани, у которого семья Джугашвили снимала квартиру в 1886–1887 годах, «дядя Бесо с каждым днем сворачивал с пути, начал пить, бывали неприятности с тетей Кеке. Бедная тетя Кеке! Входила, бывало, к нам и изливала душу с бабушкой. Жаловалась, что дядя Бесо уже не содержит семью».

В шестилетнем возрасте из-за ушиба у Сосо случилось гнойное воспаление локтевого сустава левой руки. В результате локтевой и плечевой сустав атрофировались. Сухорукость не позволяла Сталину играть во многие детские игры, ограничивала его общение со сверстниками, что он болезненно переживал.

Эта детская травма закрыла Иосифу путь к труду крестьянина, ремесленника или рабочего. Мальчик рано должен был осознать, что без образования он никак не сможет преуспеть в жизни.

Кеке была прачкой. Зарабатывала она мало, а после того, как они расстались с Бесо, матери в одиночку приходилось содержать Иосифа. Тем не менее Кеке делала все, чтобы Иосиф мог учиться. Между Кеке и Бесо существовали серьезные разногласия насчет образования сына. Отец видел в сыне будущего сапожника, а мать – лицо духовного звания. Бесо возмущался: «Ты хочешь, чтобы мой сын стал митрополитом? Ты никогда не доживешь до этого! Я – сапожник, и мой сын тоже должен стать сапожником, да и все равно будет он сапожником!» Но Кеке понимала, что сапожное ремесло – не для человека, у которого одна рука – сухая. Она поступила по-своему. В 1888 году мать отдала сына в местное духовное училище. Сперва он два года учил русский язык, а затем уже поступил в первый класс. Конечно, мать никогда и не думала, что Иосиф станет не то что митрополитом, а человеком, перед которым не только митрополиты, а сам патриарх по струнке ходить будет.

Принимая во внимание тяжелое материальное положение и отличную учебу, Иосифу Джугашвили назначили стипендию – три рубля в месяц. Зимой он ходил в школу в войлочной шляпе, в серых вязаных рукавицах, синем пальто и в широком красном шарфе, с которым гармонировала сумка из красного ситца. Осенью он одевался в сапоги с высокими голенищами и в черную суконную фуражку с лакированным козырьком.

По воспоминаниям соседей и товарищей по детским играм, Иосиф был с виду худой, но крепкий мальчик. Он отличался жизнерадостностью, был весьма общителен, имел много товарищей. Как не похож был юный Джугашвили на зрелого Сталина, который в обществе говорил мало. В ту пору он мог разговаривать лишь в узком кругу соратников, но там дело сводилось в основном к сталинским монологам. И право на шутки принадлежало всецело ему. Собеседники шутить не рисковали. И друзей у Иосифа Виссарионовича не осталось. Кого расстрелял, как Бухарина, кого довел до самоубийства, как Орджоникидзе, кого запугал, как Ворошилова и Молотова. Остались только прихлебатели, трясущиеся от страха, что станут следующими в списке репрессированных.

Между тем, в начале 1890-х годов между родителями Сосо произошел разрыв. 6 января 1890 года Иосиф попал под фаэтон. Отец отвез его в тифлисскую лечебницу и навсегда остался в этом городе, намереваясь оставить сына у себя. Кеке направилась за ними в Тифлис, жила там несколько месяцев и в конце концов вернула сына в Гори. С этим эпизодом был связан вынужденный перерыв в учебе, поэтому Сосо окончил духовное училище на год позже, чем должен был. Бесо же уехал в Тифлис работать на большой обувной фабрике купца Адельханова. Он периодически навещался в Гори, пытался помириться с Кеке, но неудачно. В 1891 году Иосифа исключили из первого класса, так как отец отказался внести 25 рублей за обучение, а у матери таких денег не нашлось. Правда, очень скоро его не только восстановили в училище, но и перевели во второй класс, назначив стипендию 3 рубля в месяц, а к концу обу-

чения повысив ее до 7 рублей. Вероятно, дирекция училища сочла необходимым поддержать подающего надежды ученика.

В 1892 году родители Сосо окончательно расстались. По воспоминаниям Котэ Чарквиани, когда Сосо учился во втором классе, «дядя Бесо бросил семью и уехал в Тифлис». Хотя формально они и не развелись, поскольку расторжение церковного брака было трудной и дорогостоящей процедурой. Он отказался платить за учебу сына. 28 августа 1895 года Иосиф писал в заявлении на имя ректора Тифлисской духовной семинарии: «Отец мой уже три года не оказывает мне отцовского попечения в наказание того, что я не по его желанию продолжил образование» (Бесо думал, что сыну достаточно уметь читать и писать да иметь некоторые познания в арифметике, чтобы стать хорошим сапожником). Мать теперь целиком содержала себя и сына. В добавление к обязанностям прачки и прислуги она освоила искусство кройки и шитья, и это дало верный кусок хлеба.

В духовном училище Сосо учился очень хорошо. 2, 3-й и 4-й классы окончил по первому разряду первым и получил похвальный лист. Его рекомендовали в Тифлисскую духовную семинарию, куда он и поступил в 1894 году. А вот здесь уже начались проблемы. Среди первых учеников Иосиф не был, и его зачислили не полным пансионером, целиком обеспечивавшимся на казенный счет, а только полупансионером, вынужденным частично оплачивать свое пребывание в семинарии. От платы за учебу – 40 рублей в год и за наем квартиры освобождались только дети священнослужителей, а Иосиф к ним не принадлежал. Ему пришлось платить за учебу и за обмундирование, бесплатно он только питался и жил в общежитии.

В семинарии Иосиф увлекся марксистской литературой, прочел первый том «Капитала». Читал и художественную литературу, грузинскую – романтическую, русскую – реалистическую. Сталину нравились «Господа Головлевы» Салтыкова-Щедрина, «Мертвые души» Гоголя, «Ярмарка тщеславия» Уильяма Теккерея. Из грузинской прозы он увлекся романами о разбойниках Александра Казбеги (в честь одного из героев он взял позднее свой революционный псевдоним «Коба»). Из грузинской поэзии с увлечением читал поэму Ильи Чавчавадзе «Разбойник Како». Особенно ему нравился эпизод, когда Како убивал помещика, до этого избившего его старого отца. Сталин также знал наизусть многие стихи «Витязя в тигровой шкуре», вечно живого творения Шоты Руставели. И стихи Ильи Чавчавадзе и Важи Пшавелы.

Начитавшись родной поэзии, Иосиф Джугашвили сам начал писать стихи. К числу шедевров их вроде бы не отнесешь. Тем не менее, стихотворение «Утро» вошло в изданную в 1916 году хрестоматию грузинской литературы.

Большинству эти стихотворения доступны только в русских переводах, по которым трудно заключить, что они обладают какими-либо выдающимися поэтическими достоинствами. Вот как, например, начинается «Утро»:

Раскрылся розовый бутон,
Прильнул к фиалке голубой,
И, легким ветром пробужден,
Склонился ландыш над травой.
Пел жаворонок в синеве, и т. д.

Все эпитеты здесь предсказуемые, давно уже превратившиеся в штамп. Может быть, грузинский оригинал несколько живее, но в целом можно предположить, что сталинское произведение было включено в хрестоматию только как образец грамматически правильно построенной и соответствующей романтическому канону поэтической речи. И сегодня никто бы этих стихов не вспоминал, если бы их автор не стал властителем второй по своей мощи державы мира.

Наверное, более замечательно другое его стихотворение – о певце, который нес людям «великую правду», чистую, как солнечный блеск, и у многих разбудил разум и сердце. В ответ же получил от «людей своей земли» чашу с ядом, как Сократ, со словами: «И песня твоя чужда нам, и правда твоя не нужна!» Сталин, возможно, уже тогда надеялся стать пророком в своем отечестве. И верил, что знает правду, которую будет нести людям. Хотя не факт, что тогда юный Иосиф уже мечтал о политической власти. Скорее он воображал себя лишь духовным наставником и утешался, что слова правды чаще всего встречаются в лучшем случае насмешками, а в худшем – камнями, пулями или ядом. Марксизм показался юному семинаристу новой правдой. А в итоге жизни ему удалось совместить роль политического властителя и единственного духовного наставника на территории в одну шестую часть суши.

Пока же Иосифу приходилось испытывать судьбу героя своего будущего стихотворения. В 1896 году на уроке в семинарии у Иосифа конфисковали романы Виктора Гюго «Девяносто третий год» и «Труженики моря» – как произведения запрещенной к чтению светской литературы. Семинариста наказали карцером. Изъяли у Джугашвили и абонементный лист Тифлисской Дешевой библиотеки: воспитанникам семинарии запрещалось читать иные книги, кроме тех, что имелись в семинарской библиотеке.

В 1898 году Иосиф удостоился карцера за то, что активно протестовал против обысков, периодически устраивавшихся инспекцией в комнатах семинаристов. Помощник инспектора А. Ржавенский докладывал: «Джугашвили Иосиф заявил при этом, что-де ни в одной семинарии подобных обысков не производится. Ученик Джугашвили вообще непочтителен и груб в обращении с начальствующими лицами, систематически не кланяется одному из преподавателей (С.А. Мураховскому) ...» До чаши цикуты, разумеется, дело не дошло. Джугашвили в конце концов просто исключили из семинарии.

Успеваемость Иосифа постоянно деградировала. Если первый класс он закончил по 1-му разряду со средним балом 4,5, то в третьем не получил ни одной годовой пятерки, а по церковной истории и Священному Писанию имел тройки. В четвертом классе Джугашвили удостоился тройки по поведению, по Священному Писанию заработал двойку, а единственную четверку имел только по церковнославянскому пению. Весной 1899 года он отказался сдавать экзамены за пятый класс. По всем предметам он тогда имел тройки.

Манкировать учебой Иосиф стал после того, как с осени 1896 года он начал посещать нелегальный ученический кружок. Члены кружка читали легальную, но светскую литературу, что семинаристам было категорически запрещено.

Дальше пошли дела посерьезнее. В 1897–1898 годах Сосо установил контакты с тифлисскими социал-демократами. Он впервые познакомился с «Капиталом» и другими работами Маркса и Энгельса. Джугашвили так увлекся новым учением, что собирался выучить немецкий, чтобы познакомиться с трудами основоположников марксизма в оригинале. Правда, успехи в иностранных языках у него всю жизнь были весьма скромные и дальше чтения со словарем ни в немецком, ни в иных наречиях он не продвинулся. Да еще, когда ездил в Европу, выучил несколько немецких фраз из разговорника.

В августе 1898 года Джугашвили приняли в члены тифлисской организации грузинской социал-демократической организации «Месаме-даси», возникшей в 1893 году, а позднее влившейся в РСДРП. В 1926 году Сталин так рассказывал об этом: «Я вспоминаю 1898 год, когда я впервые получил кружок из рабочих железнодорожных мастерских... На квартире у Стуруа в присутствии Сильвестра Джигладзе (он был тогда одним из моих учителей), Закро Чодришвили, Михо Бочоришвили, Нинуа и других передовых рабочих Тифлиса получил уроки практической работы. В сравнении с этими товарищами я был тогда молокососом. Может быть, я был тогда немного больше начитан. Но, как практический работник, я был тогда, безусловно, начинающим. Здесь, в кругу этих товарищей, я получил тогда первое свое боевое, революционное крещение».

В мае 1898 года прежний руководитель семинарского кружка Сеид Девдориани закончил семинарию и поступил в Юрьевский университет. Теперь кружок возглавил Джугашвили, быстро переориентировавший его с просветительских на общественно-политические цели.

С осени 1898 года Иосиф сделался завсегдатаем карцера. Его наказывали за отсутствие или неподобающее поведение на молитве, дерзость преподавателям, самовольный уход со всеобщей и т. п. К тому времени он порой выступал пропагандистом и в рабочих кружках.

29 мая 1899 года Иосиф Джугашвили был исключен из пятого класса семинарии «за неявку на экзамены при неизвестной причине». За несдачу экзамена семинарист лишился казенного содержания. Можно предположить, что начальство решило избавиться от строптивого семинариста, лишив его казенного содержания. Было заранее известно, что платить за обучение Джугашвили не в состоянии и потому вынужден будет уйти. Заполняя формуляр в батумской тюрьме 13 июля 1902 года, Иосиф указал: «До пятого класса воспитывался на казенный счет, после была потребована плата за обучение и за содержание как не из духовного звания, за неимением средств вышел из училища». В 1932 году Сталин излагал причину своего исключения несколько иначе: «Вышиблен из православной духовной семинарии за пропаганду марксизма». В принципе оба объяснения не противоречат друг другу. Семинарское начальство могло узнать, что Джугашвили причастен к нелегальным марксистским кружкам, в частности, о его участии в тифлисской маевке 19 апреля 1899 года. И решило оформить исключение, так сказать, по экономическим причинам, чтобы не раздувать политический скандал. Характерно, что в свидетельстве, выданном на руки исключенному семинаристу, об окончании четырех классов семинарии (полный курс состоял из шести классов), по поведению фигурирует пятерка, хотя в последние два года пребывания в семинарии Джугашвили имел по поведению только тройки. Но эта тройка в тогдашних условиях была равносильна «волчьему билету» и закрывала пути для продолжения образования. Семинарское начальство тоже были не звери. Ректор смилиостивился и пошел на небольшую подтасовку в пользу ученика, от которого не чаял как избавиться.

После 1927 года Сталин четверть века не возвращался к вопросу о своей отставке. Как мы увидим дальше, только в октябре 1952 года, за несколько месяцев до смерти, Иосиф Виссарионович попросил ЦК отпустить его на покой. Но тогда цели были уже другие.

В личном листке Всесоюзной переписи населения 1926 года Сталин указал в пункте «На каких языках читает и пишет» – «на русском, грузинском», а в пункте «или только читает» – «немецком и английском». Но на практике Сталин ни немецкого, ни английского не знал и литературу на этих языках не читал. В его произведениях ссылки на англоязычные или немецкоязычные издания отсутствуют. Это обстоятельство существенно ограничивало возможности самообразования Сталина, который мог читать литературу только на русском языке и лишь те произведения зарубежных авторов, которые были переведены на русский.

Даже в детстве и юности, еще до его прихода в революцию, Сталина очень трудно представить обыкновенным юношей, дружащим со сверстниками, ухаживающим за девушками (правда, последнее в условиях семинарии сделать было непросто). Да и воспоминаний о детской дружбе с ним что-то не осталось. Если мемуары и писали, то больше товарищи по революционному подполью. Чувствуется, что Сталин с ранних лет проявлял себя человеком эгоистичным и твердо верящим в свою исключительную миссию. Это мешало ему сближаться со сверстниками. Ведь Сосо был глубоко убежден, что выше их.

Начало революционной деятельности

После исключения Джугашвили вернулся в Гори. Мать была потрясена, что сына исключили из семинарии. Она надеялась, что он станет священником, получит почет, уважение и верный кусок хлеба. По воспоминаниям соседей, Кеке так разгневалась, что Сталину пришлось несколько дней прятаться в садах селения Гамбареули, куда товарищи приносили ему пищу. Затем некоторое время Иосиф провел в Цроми у товарища по кружку Михи Давиташвили и усиленно занимался самообразованием, а затем возвратился в Гори. Мать его уже простила. В конце сентября он приехал в Тифлис, где 2 октября 1899 года получил свидетельство об окончании 4 классов семинарии. Оценки в нем были существенно завышены не только по поведению, но и по другим предметам – в основном это были четверки. Такой либерализм объяснялся просто. Бывшему семинаристу требовалось поступить на службу по духовному ведомству или учителем в начальные народные школы. Иначе он обязан был вернуть около 680 рублей казенных денег, затраченных на его обучение и содержание. А с плохими оценками шансов устроиться на работу было гораздо меньше, чем с более или менее сносными. Надежды же, что Джугашвили вернет такую огромную сумму, все равно не было. Вот в семинарии и постарались притушить остроту проблемы, рассчитывая, что Джугашвили приткнется куда-нибудь учителем, и голова о нем болеть у семинарского начальства не будет.

Ни в учителя, ни в сотрудники духовного ведомства Джугашвили не пошел. Гораздо интереснее ему было делать революцию. Иосиф перебивался случайными заработками в каких-то конторах, иногда давал уроки в качестве репетитора. До конца 1899 года Иосиф жил на квартире Д.Е. Каландарашвили на Михайловском проспекте, 102.

28 декабря 1899 года Сосо был зачислен в Тифлисскую физическую обсерваторию, где начал работать в качестве наблюдателя-метеоролога. Там он поселился в комнатке флигеля, примыкавшего к двухэтажному зданию обсерватории. Устроил Джугашвили в лабораторию его товарищ по семинарии и по «Месаме-даси» Ваню Кецохели. Зарплата наблюдателя составляла 20 рублей в месяц, после полугода службы полагалась 5-рублевая надбавка.

В «Месаме-даси» Сталин принадлежал к радикальному меньшинству и резко критиковал лидера организации Ноя Жорданию и других будущих меньшевиков за отказ от решительных методов борьбы вроде демонстраций и политических забастовок.

В самом начале своей работы в обсерватории, в январе 1900 года Сталин подвергся первому в своей жизни кратковременному аресту. Причины его не ясны до сих пор. По одной из версий, с Иосифа требовали вернуть долг отца Диди-Лиловскому сельскому правлению, к которому тот был приписан. Долг уплатили товарищи по партии, и Иосиф вышел на свободу. Местожительство отца, очевидно, в тот момент было неизвестно, почему долг и требовали с сына.

На рубеже XIX и XX веков активизировалось социал-демократическое движение в Российской империи, в том числе и в Закавказье. В декабре 1900 года в Лейпциге вышел первый номер газеты «Искра». В ряде городов готовились широко отпраздновать 1 мая 1901 года. В связи с этим Тифлиское Главное жандармское управление подготовило обзор деятельности Тифлисской организации РСДРП. В списке из 29 ее предполагаемых членов Иосиф Джугашвили значился под номером 2. Это, вероятно, можно расценить как признак его влияния. Жандармы так описывали будущего диктатора: «Иосиф Джугашвили, наблюдатель в Физической обсерватории, где и квартирует. По агентурным сведениям, Джугашвили социал-демократ и ведет сношения с рабочими. Наблюдение показало, что он держит себя весьма осторожно, на ходу постоянно оглядывается; из числа его знакомых выяснены: Василий Цабадзе и Северин Джугели; кроме того нужно думать, что и Сильвестр Джибладзе заходил в обсерваторию именно к Джугашвили».

По списку, содержащемуся в обзоре, стали проводить обыски и аресты. 21 марта 1901 года добрались и до обсерватории. Джугашвили дома не застали и сначала подвергли обыску его квартиру. На подходе к дому Иосиф заметил жандармов и повернул обратно к объектам обсерватории. Однако в конце концов его обнаружили и подвергли личному обыску. Ничего компрометирующего найдено не было, и задерживать его не стали, но после обыска Джугашвили предпочел от греха подальше перейти на нелегальное положение. У него изъяли книгу С.Н. Прокоповича «Рабочее движение на Западе», которую трактовали в качестве нелегальной литературы. Было решено привлечь Джугашвили к дознанию в качестве обвиняемого по делу тифлисской социал-демократической организации. Однако вскоре выяснилось, что книга Прокоповича была легально издана в Петербурге в 1899 году, и дело Джугашвили окончательно развалилось.

Уйдя в подполье, Сталин стал активно готовить первомайскую демонстрацию. Всего в ней участвовало 2–3 тыс. человек. Они собрались у Солдатского базара небольшими группами и подняли красный флаг. Тут на них набросились прятавшиеся в соседних улочках солдаты и полицейские. Демонстрацию разогнали, часть участников арестовали. Сразу же появилась листовка «Долой тиранию! Да здравствует свобода!», подготовленная социал-демократами. В Тифлисе в тот момент победила линия Сталина на политизацию движения и сочетание легальных и нелегальных методов борьбы.

Весной и летом 1901 года почти все руководители тифлиских социал-демократов, оставшиеся на легальном положении, были либо арестованы, либо взяты под плотное наблюдение. В этих условиях Джугашвили стал играть значительно большую роль в координации действий организации. 11 ноября 1901 года на общегородской партийной конференции он был избран одним из четырех руководителей. Вскоре после конференции Джугашвили был направлен в Батум для пропаганды среди местных рабочих. Отъезд был связан также с тем, что в Тифлисе ему угрожал арест.

Джугашвили, по признанию, содержащемуся в жандармских сводках, удалось активизировать деятельность батумской организации. Соратникам по Батуму он запомнился как молодой человек в черной рубаше, летнем длиннополом пальто и мягкой черной шляпе. Джугашвили стал одним из организаторов забастовки на заводе Манташева в январе 1903 года. Рабочим разъяснили их право на выходной день, и они потребовали не только предоставления им еженедельного воскресного отдыха, но и запрещения ночных работ, а также вежливого обращения со стороны администрации. В феврале их требования были удовлетворены. Джугашвили также устроил в Батуме нелегальную типографию.

Кульминацией батумского периода в революционной деятельности Джугашвили стала забастовка на заводе Ротшильда и устроенная в связи с ней рабочая демонстрация. Забастовка состоялась в январе 1902 года вскоре после пожара, случившегося на складе досок 3 января. Кстати, на этом складе работал Джугашвили с окладом 35 рублей в месяц. Рабочие требовали отмены работы в выходные дни и выплаты премии всем участвовавшим в тушении, а не только мастерам и бригадирам. Инициатором забастовки был Джугашвили. Новый управляющий завода Франц Гьюн удовлетворил все требования бастующих, выдав всем участникам ликвидации пожара по два рубля. Но вскоре начались аресты. 15 февраля жандармы арестовали 4 членов Тифлисского комитета РСДРП, собравшихся на заседание в доме З. Чодришвили, и захватили типографию. Той же ночью были арестованы еще 13 человек, но Джугашвили удалось скрыться. Он уехал в Тифлис, и почти сразу после этого, 26 февраля, на заводе Ротшильда был объявлен локаут. Увольнению подлежали почти 400 из 900 рабочих. 28 февраля «товарищ Сосо», как его называли соратники, срочно вернулся из Тифлиса и возглавил новую забастовку с требованием восстановления на работе жертв локаута. 3 марта власти в лице кутаисского военного губернатора генерал-майора Смагина и начальника губернского жандармского управления собрали рабочих (пришло не более 400 человек) и потребовали прекратить заба-

стовку, заявив, что требования бастующих незаконны. В ночь с 7 на 8 марта были арестованы 30 рабочих, объявленных зачинщиками забастовки. Тогда 8 марта 350 рабочих явились с требованием либо выпустить задержанных, либо взять их самих под стражу. В ответ их тоже арестовали.

И вот 9 марта по решению Джугашвили у стен пересыльной тюрьмы состоялась новая демонстрация 400 рабочих, требовавших освобождения своих товарищей. Однако власти узнали о демонстрации и подтянули к тюрьме войска. 37 лет спустя, работая над пьесой «Батум», Михаил Булгаков в изданной в 1937 году книге «Батумская демонстрация 1937 года» подчеркнул следующие во многом саморазоблачительные слова Сталина, обращенные к демонстрантам: «Солдаты в нас стрелять не будут, а их командиров не бойтесь. Бейте их прямо по головам...» Такие провокационные призывы в значительной мере и вызвали кровавую расправу войск над батумской демонстрацией. Когда демонстранты пошли на штурм тюрьмы, а арестованные, взломав двери, вырвались на свободу, солдаты получили приказ стрелять. 13 рабочих было убито, 20 – ранено. Как раз в эти дни Джугашвили наладил работу подпольной типографии и успел выпустить две листовки, посвященных расстрелу демонстрации.

5 апреля 1902 года на квартире Д. Дарахвелидзе наш герой был арестован по делам о забастовке на заводе Ротшильда и батумской демонстрации 9 марта. Ничего компрометирующего при аресте обнаружить не удалось, но 8 апреля охрана тюрьмы перехватила записки, написанные Иосифом. На допросах он утверждал, что во все время батумских событий, вплоть до середины марта, жил в Гори у матери. В записках Джугашвили просил информировать мать о своем аресте, чтобы она подтвердила, что с лета 1902 года он безвыездно жил в Гори. Батумские жандармы стали догадываться о важной роли Джугашвили в батумских событиях и запросили о нем данные из Тифлиса. В результате стало известно, что Джугашвили, по агентурным данным, является членом Тифлисского комитета РСДРП. В заключении прокурора Тифлисской судебной палаты говорилось: «Что же касается проявления преступной деятельности Джугашвили в г. Батуме, то хотя в этом отношении в произведенном помощником начальника Кутаисского ГЖУ по Батумскому округу дознании имеются некоторые указания на то, что Иосиф Джугашвили был причастен к рабочему движению, возбуждал рабочие беспорядки, устраивал сходки и разбрасывал противоправительственные воззвания, – но все эти указания лишь вероятны и допустимы; никаких же точных и определенных фактов по сему предмету дознанием не установлено и указание на участие Джугашвили на сходках и на распространение им по г. Батуму революционных воззваний основывается единственно на предположениях, слухах или возбуждающих сомнение в достоверности подслушанных отрывочных разговорах. При таком положении дела характер деятельности Иосифа Джугашвили за время пребывания его в Батуме подлежит считать невыясненным». Ничего не дало и следствие о возможной причастности Джугашвили к Тифлисскому комитету.

23 ноября 1902 года Джугашвили обратился с «нижайшим прошением» к главному управлению гражданской частью на Кавказе князю Г.С. Голицыну: «Все усиливающийся удушливый кашель и беспомощное положение состарившейся матери моей, оставленной мужем вот уже 12 лет и видящей во мне единственную опору в жизни, заставляет меня... обратиться к Канцелярии главноначальствующего с нижайшей просьбой освобождения из-под ареста под надзор полиции. Умоляю Канцелярию главноначальствующего не оставить меня без внимания и ответить на мое прошение». Просьба была оставлена без ответа, хотя об освобождении также просила мать узника.

Джугашвили оставался в батумской тюрьме вплоть до 19 апреля 1903 года, когда его перевели в кутаисскую тюрьму. Это стало следствием организованной им демонстрации заключенных против экзарха Грузии, посетившего батумскую тюрьму двумя днями ранее.

В кутаисской тюрьме Сталин встретился с социал-демократом Григорием Уратадзе, который впоследствии вспоминал: «На вид он был невзрачный, оспой изрытое лицо делало его вид

не особенно опрятным... Все портреты, которые я видел после того, как он стал диктатором, абсолютно не похожи на того Кобу, которого я видел в тюрьме в первый раз, и на того Сталина, которого я знал в продолжении многих лет потом. В тюрьме он носил бороду, длинные волосы, причесанные назад. Походка вкрадчивая, маленькими шагами. Он никогда не смеялся полным открытым ртом, а улыбался только. И размер улыбки зависел от размера эмоции, вызванной в нем тем или иным происшествием... Был совершенно невозмутим. Мы прожили вместе в кутаисской тюрьме более чем полгода, и я ни разу не видел его, чтобы он возмущался, выходил из себя, сердился, кричал, ругался, словом, проявлял себя в ином аспекте, чем в совершенном спокойствии. И голос его в точности соответствовал его «ледяному характеру», каким его считали близко его знавшие».

В описании, данном Уратадзе, позднее ставшим противником Сталиным, легко заметить черты характера, которые идеально подходят для политика, полагающегося в достижении своих целей на интригу. Сталин прекрасно умел хранить в тайне от окружающих свои подлинные чувства, усыплять бдительность будущих жертв и сохранять невозмутимость в самых критических ситуациях.

По представлению министерства юстиции, в июле 1903 года Джугашвили был определен трехлетний срок административной ссылки в Иркутскую губернию. Однако тут возникла пикантная ситуация. Поскольку о переводе арестанта в кутаисскую тюрьму не было извещено Главное тюремное управление, там продолжали считать, что Джугашвили находится в батумской тюрьме и, не обнаружив его там, решили, что он был выпущен под надзор полиции, и даже объявили его в розыск. Только 4 сентября выяснилось, что Джугашвили пребывает в кутаисской тюрьме. Здесь он 28 июля успел организовать бунт заключенных. Они требовали прекратить издевательства со стороны стражников, устроить в камерах нары (спать приходилось на цементном полу), предоставлять баню дважды в месяц и не допускать грубого обращения с узниками. В знак протеста заключенные стали бить по железным воротам тюрьмы. Гулкие удары всполошили весь Кутаис. Требования были удовлетворены, но после этого всех политических поместили в отдельную камеру – чтобы не смущали тюремный люд.

В начале октября Джугашвили отправили обратно в Батум, а в ноябре с этапом – к месту ссылки через Новороссийск, Ростов-на-Дону, Самару и Челябинск. До Новороссийска ссылных везли пароходом, а оттуда – поездом, в арестантском вагоне. Так Иосиф впервые увидел российские просторы – Поволжье, Урал. Товарищи снабдили Джугашвили деньгами на дорогу и провизией. Только в Батуме он получил 10 рублей. Еще какая-то сумма денег была выслана в Ростов. Уже на Урале ссылных встретила суровая зима, а в Сибири морозы доходили до 30 градусов. Для выросших в субтропиках грузин это была настоящая трагедия.

Местом ссылки Джугашвили было определено селение Новая Уда, находившееся в 70 верстах от уездного центра Балаганска и в 120 верстах от ближайшей железнодорожной станции Тыреть. Иосиф не собирался задерживаться в этой глухомани. Обстоятельства его побега темны и не прояснены по сей день. Неизвестно также, один раз или дважды бежал Сталин из Новой Уды. Успешный побег датируют 5 января 1904 года, неуспешный (если он был) – ноябрем или декабрем 1903 года.

Находившийся в ссылке в Балаганске Абрам Гусинский оставил нам описание своей встречи со знаменитым беглецом: «Ночью зимой 1903 г. в трескучий мороз, больше 30 градусов по Реомюру (т. е. больше 37 градусов по шкале Цельсия, так как один градус Реомюра равен пяти четвертым градуса по шкале Цельсия. – Б. С.) ... стук в дверь. «Кто?»... к моему удивлению, я услышал в ответ хорошо знакомый голос: «Отопри, Абрам, это я, Сосо». Вошел озябший, обледеный Сосо. Для сибирской зимы он был одет весьма легкомысленно: бурка, легкая папаха и щеголеватый кавказский башлык. Особенно бросалось в глаза несоответствие с суровым холодом его легкой кавказской шапки на сафьяновой подкладке и белого башлыка (этот самый башлык, понравившийся моей жене и маленькой дочке, т. Сталин по кавказскому

обычаю подарил им). Несколько дней отдыхал и отогревался т. Сталин, пока был подготовлен надежный ящик для дальнейшего пути к станции железной дороги не то Черемхово, не то Тыреть – километров 80 от Балаганска. Документы у него были уже. Эти дни... т. Сталин провел безвыходно со мной и моей семьей».

Джугашвили благополучно добрался до Тифлиса во второй половине января 1904 года. Здесь он познакомился с социал-демократом Львом Борисовичем Розенфельдом, более известным в дальнейшем под псевдонимом Каменев, который устроил ему убежище на квартире рабочего Морочкова. В дальнейшем Сосо отблагодарил Льва за эту услугу по-царски – пулей в затылок (пулю эту затем хранил у себя «железный нарком» Ежов, пока не отправился вслед за Каменевым).

Многие из прежних товарищей были к тому времени арестованы и сосланы. Одним из немногих уцелевших был Миха Бочаридзе, на квартире у которого Джугашвили познакомился в тот приезд со своим будущим тестем рабочим Сергеем Яковлевичем Аллилуевым. Вскоре Сосо, опасаясь полиции, перебрался в Батум. Но в местном комитете РСДРП теперь преобладали меньшевики, которые не горели желанием сотрудничать с радикально настроенным однопартийцем. Кроме того, они распустили слухи, что Сосо – провокатор. Спустя месяц Сталин вынужден был покинуть Батум. Как писал в мемуарах, опубликованных в 1937 году в сборнике о Батумской демонстрации, Доментий Вадачкория, товарищ Сталина по батумскому подполью, Коба, по его собственным словам, «сфабриковал удостоверение на имя агента при одном из сибирских исправников». Это давало основания недоброжелателям подозревать, что «великий вождь и учитель» действительно был полицейским агентом, ибо непонятно, как он мог изготовить удостоверение секретного агента настолько хорошо, что оно не вызвало сомнений у полицейских и жандармов, один из которых будто бы даже по указанию Сталина арестовал следившего за ним полицейского шпика. Этот рассказ также мог укрепить подозрения в провокации. Тем более, что побег из Сибири до Кавказа стоил не меньше 100 рублей, и неизвестно, кто дал Джугашвили такие деньги и снабдил его необходимыми документами, в том числе, быть может, и агентским удостоверением. А в Батум Сосо добрался гол как сокол, раз просил товарищей о вспомоществовании в размере жалких полутора рублей, в чем ему было отказано.

Однако 1 марта 1904 года в Батуме состоялась очередная демонстрация, после которой был арестован почти весь социал-демократический комитет. Новый комитет был настроен к Джугашвили гораздо лояльнее, и он вернулся в Батум, но 18 апреля, заболев, уехал в Гори, а потом перебрался в Тифлис.

Сталина не раз обвиняли в провокаторстве, особенно после его прихода к власти в партии и в стране. Сначала это делали авторы-эмигранты, а в годы перестройки подобные публикации в изобилии появились и в нашей стране. Отмечу, однако, что никаких серьезных доказательств ни одна из версий сотрудничества Сталина с охранкой так и не получила. Наоборот, архивные документы доказывают, что все те провалы, которые приписывают Сталину, в действительности были результатом работы других известных агентов охраны. Наиболее убедительно этот вопрос освещен в работах З.И. Перегудовой, к которым я и отсылаю читателей. Например, в Баку аресты большевиков, в том числе и самого Сталина, были на совести агента Фикуса (в миру – Николай Степанович Ериков, проживавший по паспорту Давида Виссарионовича Бакрадзе, член РСДРП с 1897 года). Он входил в Бакинский комитет и ни разу не был под подозрением у своих товарищей, хотя трудился сексотом с 1909 по 1917 год. Ему даже поручали расследовать дела о возможном провокаторстве других членов организации. Другой провокатор, по кличке Дорогой, Исаак Минасович Саркисянц, помог полиции в 1912 году арестовать С. Шаумяна и С. Спандаряна. Перечень настоящих провокаторов можно длить и длить. Интересно, что в сентябре 1909 года Бакинский комитет публично объявил, что подозревает в провокаторстве пятерых членов организации, из которых лишь один, Фирсов Балаханский, действительно был связан с охранкой. На практике разоблачить провокаторов, не

имея доступ к полицейским досье, было практически невозможно. Против же кандидатуры Сталина на роль сексота есть еще два весомых и лежащих буквально на поверхности аргумента. Никто не стал бы держать своего агента так долго в тюрьмах и ссылках, где от него не было практической пользы. К тому же многие руководители полиции благополучно эмигрировали из России, в частности, бывший начальник Тифлисского главного жандармского управления и Особого отдела Департамента полиции генерал-майор А.М. Еремин. Располагая они сведениями о провокаторстве одного из своих злейших противников, неужели испугались бы обнаружить столь «горячую» информацию?

Весной 1904 года Коба (Иосиф взял такой партийный псевдоним) встретился с руководителем Кавказского союза РСДРП Миха Цхакая. Тот попросил Джугашвили ознакомиться с последними партийными документами, в частности, с материалами II съезда РСДРП, а затем написать статью по национальному вопросу, которая была опубликована на страницах тифлисской «Борьбы пролетариата». Затем Цхакая направил Кобу на работу в Имеретинско-Мингрельский комитет. Тем временем прежние члены Союзного комитета были арестованы, и Цхакая кооптировал в новый состав комитета Джугашвили вместе с Каменевым. Комитет стал на сторону Ленина и его сторонников против меньшевистского большинства ЦК.

С началом первой русской революции Коба пытался смягчить межнациональные отношения в Закавказье. Так, в феврале 1905 года в ходе резни между армянами и азербайджанцами (татарами) в Баку погибли и были ранены десятки людей. Сталин в эти дни был в городе и пытался умерить страсти и направить гнев обоих народов против «классового врага» – нефтепромышленников, но не слишком преуспел в этом. В это время в Баку уже действовала боевая дружина социал-демократов. Однажды по приказу Сталина пять вооруженных винтовками дружинников охраняли армянский район в Балаханах и не допустили здесь межнациональных столкновений, но это была капля в море.

В апреле 1905 года социал-демократы Закавказья раскололись на большевистский Союзный комитет и меньшевистское Кавказское бюро РСДРП. Коба все время был в разъездах, устраивал собрания, агитировал против меньшевиков. А как только появилась свободная минутка в Тифлисе, Иосиф написал письмо старшим товарищам по партии в Лондон, где они собрались на III съезд РСДРП: «Я опоздал с письмом, товарищ. Не было ни времени, ни охоты писать. Пришлось все время разъезжать по Кавказу, выступать на дискуссиях, ободрять товарищей и т. д. Поход был повсеместный со стороны меньшевиков, и надо было дать отпор. Людей у нас почти не было (и теперь очень мало, в два-три раза меньше, чем у меньшевиков), и приходилось работать за троих...» В данном случае Коба позиционирует себя как сугубого практика, которому некогда заниматься теоретическими изысками. Летом 1905 года он занялся формированием в Чиатурах «красных сотен» – вооруженных отрядов, которые сначала мыслились как защита от черносотенцев, а затем – как оружие для захвата власти.

Между тем 20–22 августа 1905 года в Баку прошли самые ожесточенные армяно-татарские столкновения. Были подожжены нефтепромыслы, сгорела почти половина вышек, нефтедобыча сократилась вдвое и до 1917 года так и не успела достичь прежнего уровня. На этом фоне, по крайней мере на Кавказе, борьба с социал-демократами отходила для власти на второй план.

Но и социал-демократы доставляли властям немало хлопот. 29 августа 1905 года в Тифлисской городской управе на собрании общественности обсуждался проект законно-совещательной Думы, одобренный царем. Социал-демократы привели с собой на собрание рабочих. Полиция и казаки попытались их вывести из зала. В результате стычки было несколько убитых и десятки раненых. По инициативе Джугашвили была выпущена листовка с протестом против «злодейского убийства рабочих» и призывом к забастовке, не имевшим, впрочем, особого успеха. В начале сентября под руководством Джугашвили большевики попытались похи-

тить 2 тыс. винтовок из кутаисского цейхгауза, прокопав подкоп, но условия почвы не позволили довести задуманное до конца.

В сентябре 1905 года произошли важные перемены в личной жизни нашего героя. Он поселился в доме № 3 по Фрейлинской улице Тифлиса по соседству с семьей Сванидзе, владевшей швейной мастерской. Семья состояла из трех сестер – Сашико (Александры), Като (Екатерины) и Машо (Марии), их брата Александра и мужа Сашико Михаила Монаселидзе, товарища Джугашвили по семинарии. Монаселидзе вспоминал: «Жена моя Александра и сестра ее Като были известными во всем городе портнихами. Кто только не ходил к ним шить платья. Приходили жены генералов, крупных чиновников канцелярии наместника, жены офицеров и тому подобных лиц, которых во время примерок сопровождали их мужья. Поэтому наша квартира была гарантирована от всяких подозрений со стороны полиции... Как-то мой шурин (Александр Семенович Сванидзе, партийный псевдоним «Алеша». – Б. С.) отозвал меня в сторону и сообщил, что желает привести к нам на ночевку товарища Сосо Джугашвили, он просил ничего не говорить пока об этом его сестрам. Я был согласен. С этой поры товарищ Сталин начал проживать в нашей квартире. Это было в 1905 году». Сосо покорила сердце Като, и они поженились. Венчание происходило в ночь с 15 на 16 июля 1906 года в церкви Святого Давида. К тому времени Екатерина уже ждала ребенка. Тогда первой жене Сталина было 17 лет. Как вспоминал М. Монаселидзе, «несмотря на мои старания, ни один священник не соглашался венчать их в церкви, так как Сосо не имел собственных документов и жил нелегально по паспорту какого-то Галиашвили. Спустя несколько дней я встретился на улице со священником церкви Святого Давида Кита Тхинвалели, однокурсником Сосо по семинарии. Я ему сообщил про наше дело, и он дал согласие, но с условием, что об этом ничего не должен был знать первый священник церкви, ввиду чего в церковь надо было подняться в один или два часа пополуночи и в небольшом количестве».

В середине декабря 1905 года Коба участвовал в конференции большевиков в Таммерфорсе. Там он делал доклад о положении на Кавказе, и деятельность большевистского Кавказского союза РСДРП удостоилась одобрительной резолюции. Джугашвили также выступил решительным сторонником бойкота выборов в Думу, и эта его позиция была поддержана Лениным.

В Тифлис Сталин вернулся вскоре после подавления вспыхнувшего там восстания рабочих, продолжавшегося 18–24 декабря. Он стал одним из организаторов покушения на начальника штаба Кавказского военного округа генерала Федора Федоровича Грязнова, смертельно раненного 16 января 1906 года бомбой, брошенной на улице террористом Арсеном Джорджиашвили, рабочим железнодорожных мастерских. Генерала обвинили в жестокости при подавлении восстания. Убийцу повесили. В 1921 году даже сняли пропагандистский фильм «Убийство Грязнова (Арсен Джорджиашвили)».

В январе 1906 года Сосо постигла большая неприятность. Садясь в конку, он оступился, упал и в кровь разбил себе лицо. А когда отлеживался на конспиративной квартире, нагрянул военный патруль, и Джугашвили едва унес ноги. С разукрашенной физиономией ходить по улицам было опасно. Полиция и военные задерживали всех подозрительных. Вынужденное безделье он посвятил подробной разработке планов вооруженного восстания. Как свидетельствует хозяин одной из конспиративных квартир доктор Н.Г. Ахметели, Джугашвили, будучи сторонником вооруженного восстания, «все время мечтал о взятии Тифлиса. Я помню это хорошо, как он раздобыл где-то карту Тифлиса и лелеял мысль взять его вооруженными силами». Хозяин другой сталинской квартиры, Александр Микабели, вспоминал, как однажды его сын с удивлением сообщил ему, что живущий у них «дядя» «играет в солдатики». Микабели не поверил, но оказалось, что Коба действительно сидел на полу и двигал оловянных солдатиков по карте Тифлиса. Он пояснил хозяину, что возглавляет штаб по подготовке вооруженного восстания, созданный Тифлисской организацией РСДРП. Возможно, он уже тогда мечтал

о славе полководца. А в данный момент определяет, где сподручнее строить баррикады. Что такие планы имели вполне серьезный характер, подтверждают и воспоминания Рубена Дашта-яна: «В первой половине 1906 г. на меня была возложена обязанность по подготовке рабочих боевых дружин... Нас было пять человек: я, Карапетян, бывший сапер, и три юнкера, уволенных из юнкерского училища за революционную работу... Нами руководил тов. Сосо. В 1906 г. у нас было два или три собрания вместе с тов. Сосо. Собирались мы на Фрейлинской улице... Мы обсуждали военные вопросы, намечали пункты на плане города Тифлиса». Но революция пошла на спад, и нового восстания в Тифлисе так и не произошло.

В апреле 1906 года Джугашвили посетил Стокгольм, где выступил на IV Объединенном съезде РСДРП (там преобладали меньшевики). Здесь он отстаивал раздел помещичьих земель и передачу их в частную собственность, тогда как большинство меньшевиков стояло за муниципализацию помещичьих земель, т. е. за передачу их в собственность органов местного самоуправления, а основная часть большевиков – за их муниципализацию. Он также утверждал: «Или гегемония пролетариата, или гегемония демократической буржуазии – вот как стоит вопрос в партии, вот в чем наши разногласия».

По дороге домой Джугашвили заехал в Германию и повидался там с Александром Сванидзе. В Тифлис он вернулся в июне 1906 года. Сашико Сванидзе вспоминала: «Когда Сосо вернулся, его нельзя было узнать. В Стокгольме товарищи заставили его купить костюм, фетровую шляпу и трубку, он был похож на настоящего европейца. Мы впервые видели Сосо так хорошо одетым». Отмечу, что всю жизнь к одежде Сталин оставался равнодушным. Даже после прихода к власти он предпочитал появляться перед народом сначала в полувоенном френче, а потом в маршальском мундире. И в быту он тоже никогда не блистал разнообразием костюмов. Это для него было совсем не главным. Для образа вождя, по его разумению, вполне подходил скромный форменный костюм. Форма олицетворяла власть и в то же время не отделяла его от масс, где многие донашивали гимнастерки с армии. Вождь в модном или даже просто в приличном штатском костюме ассоциировался бы в глазах миллионов рабочих и крестьян с «буржуями и помещиками», которых только-только прогнали.

Тем временем Екатерину Сванидзе арестовали по обвинению в хранении нелегальной литературы. Это случилось 13 ноября 1906 года. Сашико просила за нее у своих высокопоставленных заказчиц. В результате Като, учитывая ее беременность, в тюрьму сажать не стали, а присудили к двухмесячному аресту в полицейской части. Жена пристава шила платья у сестер Сванидзе. Она не разрешила мужу держать Като в комнате полицейской части, а отвезла ее к себе на квартиру. Сидеть там узнице пришлось не два, а полтора месяца. Сосо в это время был в отъезде в Баку. Вернувшись, он был удручен случившимся и захотел повидать Като. Это удалось устроить неожиданно легко. Как свидетельствует М. Монаселидзе, «моя жена отправилась к жене пристава и заявила ей, что из деревни приехал наш двоюродный брат, который желает повидать Като, если будет дано разрешение. Пристав дал на это разрешение по настоянию своей жены. Мы взяли Сосо на квартиру пристава ночью и устроили ему свидание с Като. На наше счастье ни пристав, ни его жена не знали Сосо в лицо. Затем в результате нашей настойчивой просьбы жена пристава добилась для Като ежедневного отпуска на два часа по вечерам на нашу квартиру, где Сосо и Като виделись друг с другом».

Что ж, Иосифу Сталину не чужды были простые человеческие чувства. Наверняка он искренне беспокоился за здоровье жены и будущего сына. Он родился 18 марта 1907 года. Из-за того, что брак Иосифа и Като был совершен тайно и о нем не было даже сделано отметки в паспорте жены, которая сохранила девичью фамилию, крестить его удалось лишь несколько месяцев спустя. Сына называли Яковом. Как вспоминал М. Монаселидзе, «если ребенок начал плакать в то время, когда он работал, Сосо нервничал и жаловался, что ребенок мешает ему работать; но когда накормят, бывало, ребенка и он успокоится, Сосо целовал его, играл с

ним и шелкал его по носику. Лаская ребенка, он называл его «пацаном», и это имя осталось за ним до сегодняшнего дня».

Джугашвили не только подготовкой вооруженного восстания занимался. Он также издавал в 1906–1907 годах легальные газеты «Ахале дроеба» («Новое время») и «Чвени Цхovreба» («Наша жизнь»), которые в конце концов были закрыты властями из-за пропаганды социал-демократических идей.

Джугашвили был избран делегатом на V съезд РСДРП, который состоялся в Лондоне в конце апреля – середине мая 1907 года. По дороге в Берлине он встретился с Лениным. Они обсудили предстоящую крупную экспроприацию в Закавказье. На съезде большинством голосов было принято решение в связи со спадом революции распустить боевые дружины. Среди голосовавших против были Ленин и Коба. В Лондоне Миха Цхакая заболел. Джугашвили и Степан Шаумян ухаживали за ним, но, не дождавшись выздоровления, вынуждены были пуститься в обратный путь. Цхакая думал последовать за ними, однако из-за наступившей реакции попасть в Россию не смог и вернулся только через десять лет, уже после Февральской революции. Так наиболее авторитетный руководитель закавказских большевиков оказался на долгие годы за границей, что автоматически увеличило влияние Кобы в закавказской парторганизации.

Вскоре после возвращения со съезда Джугашвили надолго перебрался из Тифлиса в Баку. Этому предшествовало одно важное событие, происшедшее при его деятельном участии. 13 июня 1907 года на Эриванской площади Тифлиса среди бела дня было совершено нападение на почтовую карету и похищено 250 тыс. рублей, перевозившихся в местное отделение государственного казначейства. В ходе перестрелки было убито более 10 человек, в основном – случайных прохожих. Непосредственным руководителем экспроприации был С.М. Тер-Петросян (Камо). Эта экспроприация была категорически осуждена меньшевиками, потребовавшими исключения из партии всех, к ней причастных. Ведь съезд только что постановил отказаться от эксов, а большевики на это решение демонстративно наплевали. В результате Коба вынужден был покинуть Тифлис, где в местной социал-демократической организации резко преобладали меньшевики. Он вынужден был вместе с женой и ребенком в июле 1907 года перебраться в Баку, где влияние большевиков, хотя они и не были в большинстве, оставалось гораздо более сильным. В Баку работа социал-демократов велась в основном легально, и полиция всех знала в лицо. Здесь Джугашвили издавал газеты «Гудок» и «Бакинский пролетарий». В первом номере «Бакинского пролетария», вышедшем 20 июня 1907 года, еще до переезда Сталина в Баку, была опубликована его статья «Лондонский съезд Российской социал-демократической партии (записки делегата)». Она была подписана псевдонимом Коба Иванович. Так партийный псевдоним Сталина впервые появился в печати.

Осенью 1907 года Сталин предложил возродить Бакинскую боевую дружину. К тому времени в руководстве Бакинского комитета уже преобладали большевики. Из меньшевиков эту идею поддержал Андрей Януарьевич Вышинский, предложивший «достать» оружие у полиции и жандармов (попросту – купить). По данным Бакинского охранного отделения, уже к 15 сентября 1907 года большевики потратили на эти цели около 80 тыс. рублей. С этого времени берет начало определенная близость Сталина и Вышинского, которой не помешала принадлежность к разным фракциям.

Одновременно Сталин не забывал и о легальных методах борьбы. Он руководит в Баку кампанией большевиков по выборам в III Государственную думу. 22 сентября 1907 года в Баку на собрании уполномоченных от рабочей курии был принят «Наказ социал-демократическим депутатам».

Вскоре Кобу постигла тяжелая утрата. 22 ноября 1907 года от брюшного тифа умерла его жена Като. Она скончалась в Тифлисе на руках у мужа. Екатерину Сванидзе похоронили на

Кукийском кладбище святой Нины. Восьмимесячного Яшу забрала к себе сестра Като Сашико. Сталин горевал, но недолго. Любовь и семья всегда были подчинены у него интересам борьбы.

В начале 1908 года бакинские большевики стали готовить новую крупную экспроприацию. Им стало известно, что из центра в Баку Каспийским морем везут 4 млн рублей для последующей переправки в Туркестанский край. Чтобы раздобыть оружие, боевики устроили налет на флотский арсенал. Однако дом, где хранилось похищенное оружие, привлек внимание жандармов. Двое боевиков погибли при аресте, подготовка к эксу была сорвана. Сталин на время покинул Баку. Позднее, 15 марта 1908 года, ему только чудом удалось ускользнуть из рук жандармов, которые окружили Бакинский народный дом. Там должна была состояться конференция РСДРП. Делегатам удалось смешаться со зрителями, смотревшими спектакль, и избежать ареста. Но Коба уже догуливал на свободе последние недели.

Путешествия по ссылкам

Джугашвили-Кобу взяли в ночь на 25 марта 1908 года в одном из бакинских притонов с документами жителя селения Маквини Кутаисского уезда Кайоса Бесовича Нижерадзе. При нем обнаружили «нелегальную переписку» – документы Бакинского комитета РСДРП. Мнимый Нижерадзе утверждал, что служил конторщиком в Союзе нефтепромышленных рабочих и был корреспондентом газеты «Гудок». Но очень скоро, 1 апреля 1908 года, задержанный признался, что он – Иосиф Джугашвили, но что после побега из ссылки ничего дурного не делал: «В 1904 г., зимой, я скрылся из места ссылки, откуда я поехал в г. Лейпциг, где пробыл около 11 месяцев. Около восьми месяцев тому назад я приобрел паспорт на имя дворянина Кайоса Нижерадзе, по которому и проживал». То, что найденный у него при аресте номер «Гудка» действительно принадлежит ему, Джугашвили охотно признал – за это ему ничего сделать не могли. А вот от «резолуции представителей ЦК по делу о расколе в Бакинском комитете РСДРП», также найденной у него, категорически отрекся, заявляя, что она будто бы была прислана в Союз нефтепромышленных рабочих для редакции «Гудка». В позднейших показаниях Сосо уточнил, что вообще обретался в Лейпциге больше года – вплоть до Высочайшего манифеста 17 октября 1905 года, после которого была объявлена амнистия политическим преступникам. Значит, теперь побег из ссылки Джугашвили уже не могли поставить в вину. А до манифеста, мол, сидел себе мирно в Германии, прихлебывал пиво. Затем вернулся в Закавказье, стал потягивать родное кавказское вино, писать корреспонденции в «Гудок» да трудиться в профсоюзе конторщиком. Правда, не очень понятно, почему Джугашвили не сделал попытки легализоваться под своим настоящим именем, а потратился на покупку паспорта какого-то Нижерадзе. Такой вопрос наверняка возник и у жандармов, осведомленных по донесениям агентуры о роли Джугашвили в деятельности Бакинского комитета, а ранее – в Батуме и Тифлисе. Информация из Тифлисского жандармского управления доказывала, что в 1905 году Джугашвили находился в Закавказье, а не в Германии. Однако конкретных улик против Джугашвили, которые были бы весомы для суда, не было. Поэтому предлагалось выслать Джугашвили в Сибирь на три года под гласный надзор полиции. Особое совещание при МВД 26 сентября 1908 года сократило срок ссылки с 3 до 2 лет, причем, как и другим пяти клиентам Бакинского жандармского управления, одновременно с сокращением срока ссылки Тобольская губерния была заменена Вологодской, откуда не бежал только ленивый.

Из Баку Сталин ушел по этапу 9 ноября 1908 года, а на место ссылки, в город Сольвычегодск прибыл 27 февраля 1909 года. Здесь ему полагалось ежемесячное пособие в 7 рублей 40 копеек. Особо не разгуляешься, но на пропитание вполне хватит. Вот на побег из этой суммы, как ни старайся, никак не отложишь. А Сталин сразу же стал думать о побеге. С.Я. Аллилуев вспоминал, как весной 1909 года будущий зять писал ему в Петербург с просьбой сообщить ему точный домашний и рабочий адрес. 1 мая 1909 года один из тифлиских социал-демократов сообщал в Киев, что «Сосо (Коба) пишет из ссылки и просит прислать денег на обратное путешествие». Но денег ему так и не прислали. Пришлось прибегнуть к помощи своих ссыльных товарищей, которые, чтобы не быть потом привлеченными к ответственности за соучастие в побеге, передали ему деньги – 70 рублей под видом карточного выигрыша. В доме учительницы Мокрецовой, за городом, Коба переоделся в крестьянский сарафан. Учительница проводила его до берега, там Джугашвили сел в лодку и переправился через Вычегду до Котласа, проплыв 27 верст. Из-за слабости левой руки Сталину было сложно грести, поэтому грели двое ссыльных, Сергей Шкарпеткин и Антон Богатырев. Побег был совершен вскоре после утренней проверки заключенных, 24 июня 1909 года, так что сопровождающие успели до темноты вернуться в Сольвычегодск. Беглеца хватились лишь следующим утром, когда он уже был в Вятке, а вечером 26 июня добрался до Петербурга. Здесь Сталин связался с С.Я. Аллилуевым,

который устроил его на одну из конспиративных квартир. В Петербурге Коба успел поучаствовать в совещании по поводу издания центральной большевистской газеты, а уже около 7 июля выехал в Тифлис. Уже 12 июля Сталин оказался в поле зрения агентов Бакинского охранного отделения. Но жандармы не торопились установить подлинную фамилию Кобы. Только в августе они выяснили, что тот проживает по паспорту Оганеза Вартановича Тотомянца. Тем временем тот успел возобновить выпуск подпольной газеты «Бакинский пролетарий». А когда руководитель Бакинского комитета П.А. Джапаридзе вынужден был в конце августа покинуть Баку, руководство комитетом перешло к Джугашвили. В октябре Джапаридзе был арестован на своей квартире, а находившиеся там Джугашвили и Орджоникидзе сумели скрыться.

Между тем в Тифлисе 12 августа 1909 года, немного не дожив до 60 лет, тихо скончался от цирроза печени отец Сталина Бесо Джугашвили. Его похоронили на общественный счет, никого из родственников на похоронах не было. Коба о смерти отца тогда так и не узнал. Лишь через 20 лет ему рассказал об этом сапожник Ягор Незадзе.

Уже в феврале 1910 года Сталин был намечен в центральное руководство РСДРП. Тогда было создано Русское бюро партии. Туда намечалось включить В.П. Ногина, И.Ф. Дубровинского, Р.В. Малиновского, Сталина и В.П. Милютину. Как вспоминал М.И. Фрумкин, «Сталин был нам обоим известен как один из лучших и более активных бакинских работников. В.П. Ногин (приехавший из-за границы. – Б. С.) поехал в Баку договариваться с ним». Однако между Кобой и другим руководителем Бакинского комитета Кузьмой возник конфликт, поскольку Коба неосновательно обвинил ряд соратников в провокации. Кузьма – секретарь Союза нефтепромышленных рабочих Сергей Дмитриевич Сильдяков, год спустя эмигрировал в США. Но тогда он грозил расколом бакинской организации и грозился присвоить 150 рублей, данных ему на устройство типографии. В условиях острого конфликта с включением Сталина в состав Русского бюро решили повременить. А тут вопрос отпал сам собой благодаря жандармам.

Взяли Джугашвили 23 марта 1910 года в Баку. Охранке надоело, что он постоянно уходит от наблюдения и водит за нос филеров. В докладе наверх об аресте Джугашвили бакинские жандармы сообщали, что следить за Молочным (такую кличку дали объекту для оперативных нужд) стало решительно невозможно, «так как все филеры стали ему известны и даже назначаемые вновь, приезжие из Тифлиса, немедленно проваливались... Молочный, успевая каждый раз обмануть наблюдение, указывал на него встречавшимся с ним товарищам, чем, конечно, уже явно вредил делу». Противники Кобы признавали, что он был искусный конспиратор и по части подпольной работы собаку съел. В скрытой от посторонних глаз организаторской работе была стихия Сталина, тогда как по части выступлений на рабочих митингах он не мог конкурировать не только с Жорданией, Чхеидзе и другими ораторами-меньшевиками, но и с многими соратниками-большевиками – Шаумяном, Спандаряном, Цхакая и др.

После ареста Джугашвили запыраться не стал и сразу назвал свое подлинное имя и признался в побеге из вологодской ссылки. На допросе 26 марта он показал: «Принадлежащим себя к каким бы то ни было политическим партиям – не считаю. В Баку проживаю уже около 6 месяцев. Жил я здесь без прописки. Ночевал – где придется. Положение мое было довольно неустойчивое. Искал я себе какое-либо место, но нигде не находил... В Баку купил у одного неизвестного мне лица бессрочную паспортную книжку, выданную Управлением Бакинского полицмейстера на имя Захария Крикорова Меликянца, но по ней я не жил, ибо жил без прописки. Отобранное у меня при обыске письмо на русском языке адресовано Петровской, которое по просьбе одной женщины я еще не успел передать Петровской. Со Стефанией Леандровой Петровской я познакомился, находясь в ссылке в г. Сольвычегодске Вологодской губернии. Отобранный у меня по обыску печатный лист – копия «Комиссия промышленной гигиены при Обществе врачей г. Баку», получена мною от неизвестного мне лица в клубе под названием «Знание – сила» в Черном городе. Клочок бумаги – от бланка для сообщения бюджетных све-

дений при Комиссии промышленной гигиены при Обществе врачей г. Баку. В крепости в д. № 495 я не проживал и паспорт на имя Оганеса Вартанова Тотомянца никогда не имел. С Петровской я вообще никогда не жил и в сожительстве не состоял».

Слушая и читая эти откровения, жандармские офицеры посмеивались в усы. Потому что в них не было ни грана правды. В том числе и насчет несожительства с Петровской. Арестованная в тот же день, 23 марта, Стефания Леандровна на допросе революционную деятельность отрицала, зато призналась в интимной связи с Джугашвили.

В мае 1910 года товарищи Кобы с помощью взяток добились его перевода в тюремную больницу, достав справку, будто у него туберкулез 3-й степени. Затем Сталин, апеллируя к своей мнимой болезни и к отсутствию улик, просил бакинского градоначальника «применить ко мне возможно меньшую меру пресечения», а также «разрешить мне вступить в законный брак с проживающей в Баку Стефанией Леандровой Петровской». Петровскую-то освободили, и Сталин надеялся, что брак с ней может позволить ему остаться в Баку. Однако прошение осталось без ответа в части смягчения наказания.

23 сентября 1910 года разрешение на брак с Петровской последовало, но уже не застало Джугашвили в Баку. Ему было на пять лет запрещено жительство на Кавказе, и он был возвращен к прежнему месту ссылки в Вологодскую губернию. На этап его отправили как раз 23 сентября. Между тем, 15 сентября в руки жандармов попал архив Бакинского комитета РСДРП, а там нашлись расписки Кобы за деньги, полученные «на нужды техники» – для устройства типографии. Но никакого хода новому делу против Джугашвили давать не стали. То ли жандармское начальство подкармливалось взятками со стороны оставшихся на свободе друзей Кобы, то ли, что вернее, решило просто не возиться с судебным процессом, удовлетворившись тем, что баламута Джугашвили удалось спровадить за пределы Кавказа.

Перед отправкой по этапу были составлены приметы ссыльного Джугашвили: «лета – 30, рост – 2 аршина 6 вершков (171 сантиметр. – Б. С.), лицо – рябоватое, глаза, волосы, брови, усы – черные, нос умеренный, особые приметы – над правой бровью родинка, Левая рука вывихнута и в локте не разгибается». Родинка над правой бровью делала Сталина похожим на Самозванца из пушкинского «Бориса Годунова». Рост же, заметим, в разное время разные полицейские ориентировки определяли с разницей в полтора вершка (1 вершок = 4,44 см), а также то указывали, то забывали указать на дефект левой руки. Никакого злого умысла тут не было. Полицейские оценивали рост на глазок, и ошибка в 7 сантиметров при таком методе была вполне допустима (действительный рост Сталина был около 171 сантиметра). При этом кто-то из чиновников обращал внимание на то, что левая рука у Сталина в локте не сгибается и вообще плохо действует, а кто-то забывал это сделать.

29 октября 1910 года Коба был водворен в Сольвычегодск. Отсюда он писал Ленину в последний день 1910 года: «По-моему, для нас очередной задачей, не терпящей отлагательства, является организация центральной (русской) группы, объединяющей нелегальную, полуполициальную и легальную работу на первых порах в главных центрах (Питер, Москва, Урал, Юг). Назовите ее, как хотите, – «Русской частью Цека» или вспомогательной группой при Цека – это безразлично. Но такая группа нужна как воздух. Как хлеб... С этого, по-моему, и пойдет дело возрождения партийности. Не мешало бы организовать предварительное совещание работников, признающих решения Пленума, конечно, под руководством Цека... Теперь о себе. Мне остается 6 месяцев. По окончании срока я весь к услугам. Если нужда в работниках в самом деле острая, то я могу сняться немедленно». Партия была ослаблена арестами, поступления денег от спонсоров и экспроприаций сильно уменьшились, и вопрос о новом побеге Сталин затронул только вскользь: мол, если уж партии я так необходим, то, пожалуй, мог бы сбежать.

А 24 января 1911 года он писал в Москву своему знакомому по Тифлису и Баку В.С. Бобровскому: «Я недавно вернулся в ссылку («обратник»), кончаю в июле этого года. Ильич и К° зазывают в один из двух центров, не дожидаясь окончания срока. Мне же хотелось бы отбыть

срок (легальному больше размаха), но если нужда острая (жду от них ответа), то, конечно, снимусь. А у нас здесь душно без дела, буквально задыхаюсь. О заграничной «буре в стакане воды», конечно, слышали: блоки – Ленина – Плеханова, с одной стороны, и Троцкого – Мартова – Богданова, с другой. Отношение рабочих к первому блоку, насколько я знаю, благоприятное. Но вообще на границу рабочие начинают смотреть пренебрежительно: «Пусть, мол, лезут на стенку, сколько их душе угодно, а по-нашему, кому дороги интересы движения, тот работает, остальное приложится». Это, по-моему, к лучшему».

Тем не менее, Коба дожидаться конца срока не стал, наплевав на все преимущества легальности. Произошло это потому, что товарищи за границей настояли на его присутствии в Петербурге как человека положительно незаменимого. В конце февраля 1911 года Сталин под предлогом лечения несуществующего туберкулеза уехал в Вологду. Там по его просьбе врач-большевик Саммер дал справку, что Джугашвили находился у него на излечении. Сталин впоследствии так описывал этот эпизод в письме от 7 июня 1926 года Закавказской контрольной комиссии, рассматривавшей персональное дело работника Наркомата внешней торговли СССР А.И. Иваняна (Иванянца): «Живя нелегально в Вологде в 1911 году, я провел у т. Иваняна две или три ночи по его приглашению. Он (Иванян) жил тогда на одной квартире с Татариновым и его (Татаринова) женой, где я и столовался около недели. Он (Иванян) устроил меня (после двухдневной ночевки у него) у ссыльного Доррера (видного эсера, бывшего графа. – Б. С.), где я прожил недели две или больше. Я получил от ЦК 70 рублей на побег по адресу, данному мне Иваняном. Денег этих мне не передал т. Иванян, а показал лишь телеграмму о присылке для меня указанной суммы (в телеграмме было вытравлено несколько слов), причем т. Иванян не мог объяснить ни «пропажу» денег, ни факт вытравления из телеграммы нескольких слов. Впоследствии, приехав за границу, в ЦК, я получил все документы, говорящие о том, что действительно было послано для меня в Вологду по адресу, данному Иваняном, 70 рублей, что эти деньги не пропали, а были получены адресатом в Вологде».

Поскольку бывший студент Томского технологического института ссыльный Арам Исаакович Иванянец банально присвоил предназначенные для Кобы деньги, тому не оставалось ничего другого, как вернуться в Сольвычегодск, запасшись справкой, что в Вологде он был на лечении.

Кстати сказать, в Сольвычегодске у Сталина была мимолетная интимная связь с Серафимой Владимировной Хорошениной, с которой они вместе были прописаны в доме М.П. Кузковой с 20 по 23 февраля 1911 года. В этот последний день Хорошенина была отправлена этапом в Никольск и оставила ему прощальную открытку.

27 июня 1911 года у Джугашвили истек срок ссылки. 6 июля он выехал в Вологду. Туда он добрался пароходом только 16 июля. Из Вологды Коба писал в «Рабочую газету»: «...Узнал, что Вами послано Кобе письмо, ответа на которое требуете от него. Заявляю, что никакого письма от Вас не получал, старые адреса провалены, новых у меня нет, и я лишен возможности переписываться с Вами. О чем Вы могли мне писать? Быть может, не лишне будет, если заранее заявлю, что я хочу работать, но работать буду лишь в Питере или Москве: в других пунктах в данное время моя работа будет – я в этом уверен – слишком малопродуктивна (Сталин к тому времени ценил свою персону очень высоко. – Б. С.). Было бы хорошо предварительно побеседовать о плане работы и т. п. с кем-либо из ваших, ну, хотя бы из русской части ЦК. Более того, это, по-моему, необходимо, если, конечно, русская часть ЦК функционирует. Словом, я готов – остальное Ваше дело. Может быть, я сузил вопрос и забежал вперед... Тогда повторите Ваше письмо. Жду ответа. Коба. P. S. Вы, конечно, догадались, что я уже свободен...»

Тон письма, согласимся, несколько нагловатый, но товарищи по партии, вероятно, отнесли его на счет пребывания в тюрьме и ссылке и опьянения воздухом свободы. А ссыльному Моисею Михайловичу Лашевичу Коба писал в Вологодскую губернию: «Ставить целью

работы лаять на ликвидаторов и впередовцев я не могу и над такими людьми, которые лают, я могу только издеваться». Сталин в тот момент стремился сгладить противоречия между различными фракциями большевиков.

Уже в августе 1911 года, согласно данным полицейской агентуры, на Сталина были возложены обязанности разъездного агента ЦК. Тем самым он был причислен к руководству партии. В августе Коба также совершил нелегальную поездку в Петербург (жительство в столицах было ему запрещено), оставшуюся вне поля зрения полиции. А вот во время второй поездки в Северную Пальмиру Джугашвили был уже под плотным наружным наблюдением. 9 сентября его арестовали в гостинице «Россия». Коба сразу назвал свою подлинную фамилию. У него нашли паспорт на имя крестьянина Орловской губернии Петра Чижикова и записную книжку с записью немецких фраз и слов, которые могут понадобиться при поездке поездом в Берлин. Под арестом Кобу продержали два месяца, а затем вкатили новую административную ссылку на три года «в избранном им самим месте жительства, кроме столиц и столичных губерний». Сталин выбрал хорошо знакомую и близкую к Петербургу Вологду.

До Вологды наш герой добирался 10 дней и прибыл 24 декабря 1911 года, хотя поездом туда было ехать меньше суток. Очевидно, несколько дней он пробыл Петербурге, где успел провести совещание с отъезжавшими в Прагу на конференцию РСДРП делегатами. На этой конференции, прошедшей с 5 по 17 января 1912 года, Сталин был заочно кооптирован в состав ЦК.

Нет никаких данных, что Сталин когда-либо принадлежал к масонам или к какому-либо тайному обществу, помимо РСДРП. Но с литературой о масонстве он наверняка был знаком. Во всяком случае свой революционный путь в одной из речей 1926 года он описывал во вполне масонских терминах: «От звания ученика (Тифлис), через звание подмастерья (Баку), к званию одного из мастеров нашей революции (Ленинград) – вот какова, товарищи, школа моего революционного ученичества». Сталину импонировала закрытая орденская структура, наличие избранного числа посвященных, которым лишь доступен свет истины и сокровенное знание. Недаром партию большевиков он называл «орденом меченосцев». Сталин считал наилучшим инструментом власти строгую иерархию, столь характерную как для масонских лож, так и для духовно-рыцарских орденов. И тогда, в Петербурге в 1912 году, он уже ощущал себя лицом значительным в партийной иерархии, настоящим мастером. А масонство, по всей вероятности, в чем-то импонировало Сталину своей близостью к рыцарскому ордену и стремлением нести людям свет истины. Неслучайно же он позднее, в 1921 году, писал о коммунистической партии «как своего рода ордене меченосцев внутри государства Советского».

В Вологде Сталин начал переписываться с Молотовым (в миру – Вячеславом Михайловичем Скрябиным). Позднее эта переписка перешла в дружбу, которая, однако, постепенно сошла на нет к середине 40-х годов.

На этот раз в Вологде Джугашвили пробыл два месяца. 29 февраля 1911 года он уехал в Москву. Здесь он посетил квартиру Р.В. Малиновского, но не застал его дома, зато был взят в наружное наблюдение. Коба направился сразу же в Петербург, где на вокзале заметил филера. С вокзала Сталин направился к С.И. Кавтарадзе, своему товарищу по подпольной работе в Закавказье, бывшему члену Имеретинско-Мингрельского комитета РСДРП, учившемуся в то время в Петербургском университете. В квартире Кавтарадзе он просидел до темноты, чтобы избавиться от слежки, и покинул ее только тогда, когда уже ни один шпиик увидеть его не мог. Остановившись на конспиративной квартире на Выборгской стороне, Коба пробыл в городе несколько дней, посетив несколько собраний рабочих ячеек и приняв участие в заседании Петербургского комитета РСДРП. Затем в середине марта он прибыл в Тифлис. Оттуда в начале апреля Сталин вернулся в Петербург, где встретился с Орджоникидзе. Тот до этого однажды ночевал у Малиновского, после чего попал под плотное наблюдение. В Питере

Орджоникидзе и Сталин организовали финансовую комиссию ЦК. Вскоре им удалось обнаружить наблюдение и уйти от него.

Сталин опубликовал несколько статей в газете «Звезда» и готовил вместе с другими большевиками издание «Правды». Она издавалась на 300 тыс. рублей, которые внес в партийную кассу Виктор Александрович Тихомирнов, получивший наследство от отца – богатого казанского купца. Тихомирнов был дружен с Молотовым, который вскоре стал секретарем редакции «Правды» – после того, когда 22 мая 1912 года был арестован первый секретарь редакции Федор Федорович Раскольников (Ильин). Но еще раньше, 22 апреля, Джугашвили покинул квартиру депутата Думы Н.Г. Полетаева, которую жандармы не имели права обыскивать, но зато держали под наблюдением. К тому времени уже имелось указание о том, чтобы арестовать Кобу. Его взяли сразу же на улице.

Теперь дело Джугашвили, поскольку он был членом ЦК РСДРП, взял на контроль Департамент полиции. Но улики для суда у полиции не было, и на этот раз Сталина отправили в новую ссылку – на три года в Нарымский край, откуда, казалось, сбежать было не так просто, как из Вологодской губернии. Туда он отбыл 2 июля, а прибыл 25 июля 1912 года. Но задержался в затерянном в таежной глуши Нарыме Коба всего на 38 дней. Он сразу же стал деятельно готовить побег своих товарищей, а затем и свой собственный. Сталин добрался на лодке до пристани, а затем пароходом – до Томска. Уже 12 сентября он оказался в Петербурге. И одним из первых, с кем он встретился, опять стал Кавтарадзе, который вспоминал: «Встреча произошла на Невском проспекте... в пятом часу дня. Вид у него был неподходящий для Невского проспекта. Он оброс бородой, на голове измятое кепи, одет в поношенный пиджак сверх черной блузы, брюки тоже измяты, ботинки стоптаны. Вид пролетария мастерового резко бросался в глаза на фоне респектабельного Невского проспекта. «Я из Нарыма, – сообщил Сталин, – добрался до Питера довольно благополучно... Но вот беда: явки есть, ходил, никого не застал... Хорошо, хоть тебя встретил».

Из Петербурга Сталин совершил поездку на Кавказ, где 24 сентября на Каджорском шоссе под Тифлисом боевики под руководством Камо пытались захватить транспорт с деньгами, но неудачно. Не исключено, что Сталин имел отношение и к этой экспроприации.

4 октября 1912 года Джугашвили участвовал в заседании Петербургского комитета РСДРП, посвященном выборам депутатов Думы от рабочей курии. Он вспоминал: «4 октября поздно вечером, накануне выборов выборщиков, нам стало известно, что уездной комиссией «разъяснены» (т. е. исключены из коллегии выборщиков. – Б. С.) уполномоченные наиболее крупных заводов (Путиловского и прочие). Через час собирается Исполнительная комиссия Петербургского комитета вместе с представителем ЦК (этим представителем и был Сталин. – Б. С.) и, составив новый список выборщиков, выносит решение об однодневной забастовке протеста. Ночью в тот же день собирается Путиловская заводская социал-демократическая группа и принимает решение Петербургского комитета. 5-го начинается Путиловская забастовка. Бастует весь завод. 7-го... собирается заводская социал-демократическая группа Невского судостроительного завода и присоединяется к решению Петербургского комитета. 8-го бастует весь завод. За ним идут прочие фабрики и заводы. Бастуют не только «разъясненные предприятия», но и не «разъясненные»... А также те, которые по «правилам о выборах» не имели права выбирать по рабочей курии. Бастуют из солидарности... 8 октября поздно ночью становится известным, что губернская комиссия по выборам кассирует выборщиков, отменяет «разъяснения» уездной комиссии, «восстанавливает в правах» путиловцев, привлекает к выборам большее число предприятий. Рабочие торжествуют победу».

Октябрьская забастовка 1912 года еще раз показала властям, что социал-демократы – большевики получили преобладание среди рабочих крупных столичных предприятий. От Петербурга был выбран в Думу большевик А.Е. Бадаев, от Москвы был избран большевик Малиновский при немалом содействии Сталина, который отправился в Москву после заверше-

ния петербургских выборных батальей. О провокаторстве Малиновского тогда ничего не знали. В Думу прошло 6 большевиков, 6 меньшевиков и один беспартийный. Фракцию возглавил меньшевик Н.С. Чхеидзе, а его заместителем стал Р.В. Малиновский.

27 октября, накануне отъезда Кобы обратно в Петербург, Малиновский сообщил о нем в Московское охранное отделение: «Коба был задержан весной текущего года в Петербурге и административно выслан в Нарымский край, откуда бежал, съездил за границу (скорее всего, под поездкой за границу имеется в виду визит Сталина на Кавказ. Данных о том, что Коба после побега из Нарыма пересекал границы Российской империи, у нас нет. Если только на Кавказе он не заглянул ненадолго в Персию, граница которой с Россией была достаточно условна и легко проницаема – десятки тысяч персов работали на бакинских нефтепромыслах. – Б. С.) и, возвратившись в Петербург, в течение полутора месяцев работал при редакции газеты «Правда» по вопросам текущей избирательной кампании. В настоящее время ему поручено организовать поездку за границу попавших в члены Государственной думы выборщиков по рабочим куриям. Вопрос о поездке означенных депутатов от Петербургской губернии уже решен в положительном смысле. Костромских и владимирских депутатов по поручению Кобы отправится приглашать депутат от Московской губернии Малиновский, депутатов Харьковской и Екатеринославской на этих же днях по его же, Кобы, поручению едет приглашать Петр Петрович (рабочий Василий Григорьевич Шумкин)».

29 октября Сталин через Финляндию выехали в Краков для встречи с Лениным. Туда же отправились и большевики-думцы. Но из них до Кракова добрались только Р.В. Малиновский и М.К. Муранов. Здесь в 10-х числах ноября состоялось совещание их с В.И. Лениным и Г.Е. Зиновьевым. Обсуждались тактика поведения в Думе и вопрос о партийном единстве. Джугашвили стоял за объединение всех фракций, кроме ликвидаторов, и был противником культурно-национальной автономии. Вместо нее он выдвигал тезис о необходимости территориального единства как обязательного условия для существования нации. В дальнейшем, когда Сталин стал властителем Советского Союза, это определение нации самым пагубным образом сказалось на судьбе тех национальных меньшинств, которые не составляли большинства в основных районах своего проживания, особенно в случае, когда большинство данного этноса находилось в составе другого государства. В СССР наиболее угнетались и преследовались поляки, немцы, финны, евреи, латыши, эстонцы, литовцы, китайцы, корейцы, на них в первую очередь обрушивались репрессии и они же к концу сталинского правления имели меньше всего шансов сохранить свою национальную культуру. Их уделом становилась ассимиляция русскими, причем даже в ассимилированном состоянии они оставались гражданами второго сорта.

По возвращении в Петербург Сталин участвовал в выработке декларации социал-демократической фракции. В связи с ней возникла необходимость новой встречи Ленина, Сталина и депутатов-большевиков. Ленин возмущался, что в оглашенной Малиновским в Думе 7 декабря декларации социал-демократической фракции был поддержан тезис о культурно-национальной автономии. Выражая мнение Ленина, Крупская в письме Малиновскому и Сталину возмущалась, что «большинство кооператива водворило опять национально-культурную автономию в угоду еврейским националистам». В том же письме она настаивала на приезде депутатов-большевиков за границу. И вот в конце декабря, когда начались думские каникулы, Сталин опять отбыл в Краков через Финляндию. К месту назначения он прибыл в 20-х числах декабря. С 28 декабря по 1 января 1913 года прошло совещание, на котором был сформирован ЦК. Характерно, что, сообщая охранке о составе Центрального Комитета из 9 человек, Малиновский поставил Кобу на третье место – после Ленина и Зиновьева и перед членами Думы и Свердловым. Вероятно, это отражало реальный вес Сталина в руководстве партии к тому времени. Наряду с Я.М. Свердловым он возглавил Русское бюро ЦК, но при этом обладал большим опытом и связями, чем Яков Михайлович.

В тот момент партия переживала финансовый кризис. В начале 1913 года в партийной кассе была ничтожная сумма в 7500 франков. Резко сократились поступления от партийных спонсоров, прекратились экспроприации, поскольку немногочисленные, в сравнении с эсеровскими, большевистские боевики почти не имели оружия из-за тех же финансовых трудностей и были загнаны в глубокое подполье. Согласно одному из агентурных донесений, «выяснилось, что благодаря отсутствию средств в пределах России на партийном содержании может жить только один представитель ЦК. Таковым, несмотря на свои отказы по принципиальным соображениям, назначен «Коба», коему и ассигновано по 60 руб. в месяц. «Ленин» получает от «Правды» по 100 руб. в месяц; такую же сумму получает от редакции названной газеты и «Зиновьев». Получается, что и по зарплате Сталин занял в партии почетное третье место. И полиция пришла к выводу, что оставлять его на свободе слишком долго не стоит.

Из Кракова Сталин отправился в Вену, где познакомился с Л.Д. Троцким и Н.И. Бухариным. Здесь Коба работал над статьей «Марксизм и национальный вопрос». Малиновскому он по этому поводу писал: «Пока сижу в Вене и... пишу всякую ерунду... Передайте Ветрову (редактору журнала «Просвещение». – Б. С.), чтобы он не печатал «Национальный вопрос», а переслал его сюда». По этому поводу Ленин писал Горькому: «Насчет национализма вполне с Вами согласен, что надо этим заняться посерьезнее. У нас один чудесный грузин засел и пишет для «Просвещения» большую статью, собрав все австрийские и пр. материалы». Поскольку немецкий Коба знал очень слабо, переводить австрийские материалы ему помогал Бухарин. Тогда завязалась их дружба, в одночасье оборвавшаяся в 1928 году.

Работа над статьей заняла почти три недели. В Петербург Коба вернулся только 16 февраля 1913 года. Гулять на свободе ему оставалось неделю. К тому времени на страницах меньшевистской газеты «Луч» появилась статья, в которой Малиновский обвинялся в провокаторстве. Большевики заподозрили, что ее автором был Ф.И. Дан (Гурвич), и направили только что вернувшегося из-за границы Джугашвили разобраться с ним. Как вспоминала жена Дана Л.О. Дан (Цедербаум), «к нам на квартиру пришел, добиваясь прекращения порочащих Малиновского слухов, большевик Васильев (среди меньшевиков его называли Иоська Корявый). Это был не кто иной, как Сталин Джугашвили». Между тем, Малиновский, которого Сталин защищал, уже к 20 февраля известил о его возвращении Департамент полиции. А 23 февраля во время благотворительного бала-маскарада на Калашниковской бирже Коба был арестован в последний раз в своей жизни. Наводку полиции дал все тот же Малиновский, знавший, что Сталин будет на маскараде. Назвать себя при аресте Джугашвили отказался. Но в этом не было нужды, ибо на этот раз полицейские брали именно Джугашвили.

Первый допрос состоялся только 13 марта. А уже 7 июня министр внутренних дел Н.А. Маклаков утвердил постановление Особого совещания о высылке Джугашвили на 4 года в Туруханский край. Оттуда, из Заполярья, не сбежишь, решили в МВД.

1 июля 1913 года Сталин отправился по этапу в далекий северный край. 11 июля он прибыл в Красноярск. Оттуда по Енисею он двинулся к месту ссылки. 20 июля, когда Сталин еще находился в пути, Ленин направил ему перевод в 120 франков (60 рублей). А 27 июля на совещании руководства партии в Поронине было решено организовать побег Сталину и Свердлову, также угодившему в Туруханск, о чем Малиновский по возвращении в Россию сразу же проинформировал Департамент полиции. И уже 25 августа о возможности побега проинформировали Енисейское главное жандармское управление, хотя в реальность такого побега вряд ли верили и в Петербурге, и в Красноярске. Беглецу пришлось бы долго плыть на пароходе по Енисею, а телеграфная связь с многочисленными пристанями позволяла оперативно перехватить беглецов.

После недолгого пребывания в селе Мироедиха Джугашвили был переведен в село Костино. Но еще прибыв в административный центр Туруханского края село Монастырское, он

писал в Краков Зиновьеву: «Я болен. Надо поправляться. Пришлите денег. Если моя помощь нужна, напишите, приеду». Но бежать не удалось.

Неподалеку, в селе Селивановка, в 15 верстах от Монастырского, отбывал ссылку Свердлов. Костино было в 138 верстах от Монастырского, но периодически Сталину приходилось бывать в административном центре, и в одну из поездок, 20 сентября 1913 года, он нанес визит Свердлову. Неделью спустя Яков Михайлович писал Малиновскому: «Только простился с Васькой («Василий» – партийный псевдоним Сталина. – Б. С.), он гостил у меня неделю... Завтра он уже уезжает из Монастыря домой. Теперь сюда придвинулся телеграф. Через месяц, вероятно, все будет уже закончено. Если будут деньги, мы пошлем вам в Питер телеграмму. Теперь вот наша просьба. Если у тебя будут деньги для меня или Васьки (могут прислать), то посылай по следующему адресу: Туруханск, Енисейской губернии, с. Монастырское, Карлу Александровичу Лукашевиц. И больше ничего, никаких пометок для кого и тому подобное не надо. Одновременно пошли или мне, или Ваське открытку с сообщением об отправке и пометь при этом цифру. Вот и все». Естественно, провокатор Малиновский никакого содействия побегу оказывать не стал.

1 октября новое заграничное совещание ЦК подтвердило решение об организации побега Сталина и Свердлова и ассигновало на эти цели 100 рублей (сумма более чем скромная, которой даже одному из беглецов вряд ли хватило бы добраться даже до Урала). Около 20 октября Джугашвили получил предложение одного из товарищей «переселиться в Питер» с обещанием, что «деньги на дорогу будут». 21 октября он получил посылку, вероятно, с теплой одеждой. В конце октября и в ноябре Сталин отправил несколько писем в Питер с просьбой прислать денег. Все эти письма перлюстрировали жандармы. Так, в конце ноября Коба писал Малиновскому: «Здравствуй, друг. Неловко как-то писать, но приходится. Кажется, никогда не переживал такого ужасного положения. Деньги все вышли, начался какой-то подозрительный кашель в связи с усилившимися морозами (37 градусов холода), общее состояние болезненное, нет запасов ни хлеба, ни сахара, ни мяса, ни керосина (все деньги ушли на очередные расходы и одевание с обувью). А без запасов здесь все дорого: хлеб ржаной 4 коп. фунт, керосин 15 коп., мясо 18 коп., сахар 25 коп. Нужно молоко, нужны дрова, но... деньги, нет денег, друг. Я не знаю, как проведу зиму в таком состоянии... У меня нет богатых родственников или знакомых, мне положительно не к кому обратиться, и я обращаюсь к тебе, да и не только к тебе, – и к Петровскому, и к Бадаеву (большевики-думцы. – Б. С.). Моя просьба состоит в том, что если у социал-демократической фракции до сих пор остается «Фонд репрессированных», пусть она, фракция, или бюро фракции выдаст мне единственную помощь хотя бы в рублей 60». Сталин просил обратиться к Чхеидзе – и как к земляку, и как к председателю социал-демократической фракции. Интересовался, можно ли будет получить гонорар за свои статьи по национальному вопросу. И сетовал: «Околеть здесь, не написав даже одного письма тебе, – не хочется... Неужели мне суждено здесь прозябать четыре года?» Сталин также отметил в письме Малиновскому, что «за все свое пребывание в Туруханской ссылке получил всего 44 рубля из-за границы и 25 рублей от Петровского. Больше я ничего не получал». Аналогичные письма шли Зиновьеву в Краков. Жаловался на кашель, долги, на то, что в кредит не отпускают. Деньги нужны были для побега, а сетования на кашель и безденежье должны были обмануть жандармов. Тем временем в конце ноября в Монастырское пришли цековские 100 рублей, но на имя Свердлова, а не Сталина. Однако предназначалась эта сумма обоим ссыльным.

Полиция была прекрасно в курсе всех движений денежных средств для туруханских сидельцев. 29 января 1914 года директор Департамента полиции С.П. Белецкий известил Красноярск, что в дополнение к 100 рублям Сталину и Свердлову послано для побега еще 50 рублей. 30 января на имя Джугашвили пришли сразу три перевода в 85 рублей. Принимая это во внимание, туруханский пристав И.И. Кибиров лишил его казенного пособия по 20 июля включительно, что сразу уменьшило сумму, которую можно было заначить для путешествия

по Енисею. Вскоре Сталин получил еще один перевод на 50 рублей. Но побег возможен был только летом, когда открывалась навигация по Енисею, а власти были прекрасно в курсе планов ссыльнопоселенцев. 24 февраля 1914 года секретный сотрудник Енисейского розыскного пункта «Кирсанов» информировал начальство: «Гласно-поднадзорные Джугашвили и Свердлов предполагают с места высылки бежать. Если не удастся на юг, то на первом же из ожидающихся летом к устью Енисея пароходе». И начальство приняло срочные меры – распорядилось выслать обоих дальше на север – в станок Курейка, приставив к ним там двух специальных надзирателей. Об этом Свердлов писал сестре в начале марта: «Меня и Иосифа Джугашвили переводят на 180 верст севернее, на 80 верст севернее Полярного круга. От почты оторвали. Последняя раз в месяц через ходока, который часто запаздывает, практически не более 8–9 почт в год». Он сообщал также, что за получение денег на четыре месяца лишен казенного пособия. В Курейку Свердлов и Сталина отправили 11 марта. А уже 20 марта Сталин написал Малиновскому. Жаловался на неприсылку денег, что рублей получил не он, а Свердлов, «товарищ Андрей», и что он, Сталин, подозревает, что в ЦК решили «переселять» только Свердлова, а не его (о 135 рублях, полученных им в феврале, Иосиф Виссарионович скромно умолчал). Но ответить Малиновский уже не смог. 22 апреля 1914 года товарищ министра внутренних дел В.Ф. Джунковский известил председателя Думы Родзянко, что Малиновский является сексотом департамента полиции, но запретил разглашать эту информацию, а 8 мая Малиновский сложил с себя депутатские полномочия. Джунковский считал, что разоблачение Малиновского как сексота может нанести правительственному престижу такой вред, который не может быть компенсирован поступавшей от него информацией. К тому же его практическая деятельность как члена ЦК РСДРП, прежде всего в плане легальной агитации, объективно расшатывала позиции власти. Так что в полиции решили, что сама по себе отставка Малиновского принесет больше пользы, дезорганизовав на время деятельность большевиков в Думе, чем поступающая от него информация. Тем более, что практически все члены ЦК РСДРП(б) в России уже были арестованы.

Для Ленина и его коллег по ЦК Малиновский сначала предстал лишь в обличье «дезертира», без разрешения партии покинувшего свой ответственный пост в Думе. Но сразу после отставки Роман Вацлавович отбыл за границу, в Галицию, на встречу в Ленинград, и сумел убедить его, что уход из Думы – следствие душевного переутомления и сложных семейных обстоятельств. Ленин не поверил публикациям меньшевиков о провокаторстве Малиновского. Из ЦК его, конечно, вывели, но доверия он не потерял, и, будучи в войну в германском плену, переписывался с Заграничным бюро ЦК РСДРП, сообщал, что ведет среди пленных революционную агитацию. Малиновскому верили, считали, что он стремится загладить свою вину. Лишь когда после Февральской революции открылись архивы Департамента полиции, выяснилось, что Малиновский с 1910 года, после ареста, состоял сексотом, получая в последний год своей работы баснословное содержание в 500, а затем и в 700 рублей в месяц. В 1918 году Малиновский, движимый угрызениями совести, вернулся из германского плена в Советскую Россию, был судим и расстрелян.

В Курейке выяснилось, что в быту Джугашвили был соседом малопривлекательным, даже для людей, идейно ему близких, соратников по партии, прежде симпатизировавших «милому грузину». В письме к своей знакомой Л.И. Бессер от 22 марта 1914 года Я.М. Свердлов так описывал свои взаимоотношения со Сталиным в Курейке: «Устроился я на новом месте значительно хуже. Одно то уже, что я живу не один в комнате. Нас двое. Со мною грузин Джугашвили, старый знакомый, с которым мы уже встречались в ссылке другой. Парень хороший, но слишком большой индивидуалист в обыденной жизни. Я же сторонник минимального порядка. На этой почве нервничаю иногда. Но это не так важно. Гораздо хуже то, что нет изоляции от хозяев. Комната примыкает к хозяйской и не имеет отдельного хода. У хозяев – ребята. Естественно, торчат часами у нас. Иногда мешают».

Сталин, как настоящий человек Востока, не привык вести домашнее хозяйство. В Курейке же приходилось колоть дрова, носить воду, топить печь, готовить обед, мыть пол и т. п. А Свердлов совсем не собирался нести единолично бремя домашнего труда. Через месяц они разъехались по разным домам. И уже 27 мая 1914 года Свердлов писал Л.И. Бессер: «Со мной (в Курейке) товарищ... Мы хорошо знаем друг друга. Притом же, что печальнее всего, в условиях ссылки, тюрьмы человек перед вами обнажается, проявляется во всех мелочах... С товарищем теперь на разных квартирах, редко и видимся». А жене Свердлов откровенно писал 27–29 июня 1914 года: «Со своим товарищем мы не сошлись «характером» и почти не видимся, не ходим друг к другу». А после того, как он уже покинул Курейку, Яков Михайлович с облегчением сообщал жене: «Ты же знаешь, родная, в каких гнусных условиях я жил в Курейке. Товарищ, с которым мы были там, оказался в личном отношении таким, что мы не разговаривали и не виделись».

В это время произошел конфликт Сталина с наблюдавшим за ним стражником Иваном Лалетиним, настолько острый, что начальство вынуждено было заменить его в мае 1914 года на другого стражника – Михаила Мерзлякова. Местный житель Федор Тарасеев вспоминал: «Как-то вечером весной 1914 года мы наблюдали такую картину: жандарм пятился к Енисею и трусливо махал обнаженной пашкой впереди себя, а товарищ Сталин шел на него возбужденный и строгий со сжатыми кулаками. Оказывается, в этот день товарищ Сталин сидел дома, работал и не выходил на улицу. Жандарму показалось это подозрительным, он и решил проверить. Без спроса ворвался в комнату, и товарищ Сталин в шею выгнал этого мерзавца». По всей видимости, Лалетин застал Сталина в некий весьма интимный момент. Дело в том, что Сталин сожительствовал с местной девушкой Лидией Платоновной Перепрыгиной, которую соблазнил, когда ей было всего 14 лет. В 1956 году глава КГБ И.А. Серов докладывал Хрущеву: «По рассказам гр-ки Перелыгиной (в действительности – Перепрыгиной. – Б. С.) было установлено, что И.В. Сталин, находясь в Курейке, совратил ее в возрасте 14 лет и стал сожительствовать. В связи с этим И.В. Сталин вызывался к жандарму Лалетину для привлечения к уголовной ответственности за сожительство с несовершеннолетней. И.В. Сталин дал слово жандарму жениться на Перелыгиной, когда она станет совершеннолетней. Как рассказывала в мае с. г. Перелыгина, у нее примерно в 1913 г. родился ребенок, который умер. В 1914 г. родился второй ребенок, который был назван по имени Александр. По окончании ссылки Сталин уехал, и она была вынуждена выйти замуж за местного крестьянина Давыдова, который и усыновил родившегося мальчика Александра. За все время жизни Сталин ей никогда не оказывал никакой помощи. В настоящее время сын Александр служит в Армии и является майором». В том же письме Серов отмечал, что, по показаниям работников Красноярского архива, в последние 15 лет к ним неоднократно наведывались люди из Москвы и изымали документы, связанные со Сталиным.

Сразу скажу, что в 1913 году мертвый ребенок от Сталина у Перепрыгиной родиться никак не мог. Ведь Сталин прибыл в Курейку только 11 марта 1914 года, и лишь в конце марта они со Свердловым стали жить раздельно. Да и рождение первого ребенка в 1914 году крайне сомнительно. Самое раннее время, когда у Иосифа с Лидией мог появиться первенец, это начало 1915 года. Тогда второй, выживший ребенок должен был родиться не ранее начала 1916 года. А один из исследователей биографии Сталина, А.Д. Колесник, называет временем рождения сына Перепрыгиной Александра 1917 год.

23 сентября 1914 года Свердлов получил разрешение вернуться в Селиваниху. Джугашвили, который успел подружиться с новыми ссыльными, появившимися в Монастырском – С.С. Спандаряном и В.Л. Швейцер, вернулся в Курейку один. 25 ноября 1914 года он писал Ольге Евгеньевне, жене Сергея Яковлевича Аллилуева: «Я буду доволен и тем, если время от времени будете присылать открытые письма с видами природы и прочее. В этом проклятом крае природа скупа до безобразия, – летом река, зимой снег, это все, что дает здесь природа,

и я до глупости истосковался по видам природы, хотя бы на бумаге». Периодически его навещали Спандарян и Швейцер, им Сталин давал доверенности на получение посылок из Петербурга. В июле 1915 года в Монастырском Сталин участвовал в совещании с сосланными депутатами-большевиками во главе с А.Е. Бадаевым, а также с Л.Б. Каменевыми и еще несколькими товарищами по партии. А 10 ноября 1915 года Джугашвили направил жалостливое письмо в большевистский заграничный центр: «Дорогой друг! Наконец-то, получил ваше письмо. Думал было, что совсем забыли раба божьего – нет, оказывается, помните еще. Как живу? Чем занимаюсь? Живу неважно. Почти ничем не занимаюсь. Да и чем тут заняться при полном отсутствии или почти полном отсутствии серьезных книг? Что касается национального вопроса, не только «научных трудов» по этому вопросу не имею (не считая Бауэра и пр.), но даже выходящих в Москве паршивых «Национальных проблем» не могу выписать из-за недостатка денег. Вопросов и тем много в голове, а материалу – ни зги. Руки чешутся, а делать нечего. Спрашиваете о моих финансовых делах. Могу вам сказать, что ни в одной ссылке не приходилось жить так незavidно, как здесь. А почему вы об этом спрашиваете? Не завелись ли у вас случайно денежки и не думаете ли поделиться ими со мной? Что же, валяйте! Клянусь собакой, это было бы как нельзя более кстати. Адрес для денег тот же, что для писем, т. е. на Спандаряна.

А как вам нравится выходка Бельтова (Г.В. Плеханова. – Б. С.) о «лягушках»? Не правда ли, старая, выжившая из ума баба, болтающая вздор о вещах для нее совершенно непостижимых.

Видел я летом Градова (Л.Б. Каменева. – Б. С.) с компанией. Все они немножечко похожи на мокрых куриц. Ну, и «орлы»!..

Между прочим... Письмо ваше получил я в довольно оригинальном виде: строк десять зачеркнуто, строк восемь вырезано, а всего-то в письме не более тридцати строчек. Дела...

Не пришлете ли чего-либо интересного на французском или на английском языке? Хотя бы по тому же национальному вопросу. Был бы очень благодарен (очевидно, Сталин в той или иной степени мог читать со словарем на этих языках. – Б. С.).

На этом кончаю. Желаю вам всем всего-всего хорошего. Ваш Джугашвили».

Продукты на Крайнем Севере стоили дорого, а денежные переводы ссыльные получали весьма скудные и сильно нуждались. Тем более что местная власть старалась уменьшить на сумму перевода ежемесячное казенное содержание. С отчаяния туруханские сидельцы организовали зимой 1916 года ограбление кладовой фирменного магазина компании «Ревельон», занимавшейся заготовкой пушнины. Ограбление было совершено при содействии заведующего магазином ссыльного большевика Мартына Тылока. Об ограблении знали знакомые Сталина С.С. Спандарян и В.Л. Швейцер, покупавшие потом краденый сахар по бросовой цене. Во время полицейского дознания ссыльный Иван Алексеевич Петухов указал приставу И.И. Кибирову на воров, у которых было изъято похищенное. Часть ссыльных, в том числе Спандарян, потребовала бойкота Петухова, а другие, включая Свердлова, наоборот, поддержали действия Петухова, считая, что политические не должны скатываться до уголовщины. Когда дело дошло до голосования, часть ссыльных потребовала также бойкотировать Свердлова, который будто бы слишком тесно связан с полицией. С небольшим перевесом победили сторонники Петухова и Свердлова. Сталин при голосовании воздержался, причем, как было записано в протоколе собрания, «свое воздержание он объяснил тем, что он считает, что надо было исключить обоих, т. е. Петухова и Свердлова». В дальнейшем один из сторонников Свердлова был избит, а у переволновавшегося Спандаряна пошла горлом кровь. У бедняги обнаружился запущенный туберкулез, и его освободили от дальнейшего отбывания ссылки. Но Сурен успел добраться только до Красноярска, где и скончался 11 сентября 1916 года. Интересно, что после революции февраля 1917 года Свердлов помог приставу Кибирову вместе с семьей добраться до Транссибирской магистрали. Так что отношения между ними явно были неплохие, хотя подозревать Якова Михайловича в том, что он был сексотом, оснований как будто нет.

В октябре 1916 года, испытывая острую нехватку живой силы на фронте, правительство решило призвать на военную службу всех административно ссыльных. Джугашвили в составе партии ссыльных 14 декабря был направлен из Монастырского в Красноярск, куда и прибыли в начале февраля 1917 года. 9 февраля медицинская комиссия признала Сталина негодным к воинской службе из-за сухости левой руки. 17 февраля он получил разрешение оставшиеся 4 месяца ссылки отбыть в Ачинске, куда Джугашвили приехал 21 февраля. 2 марта сюда пришла телеграмма об отречении Николая II. А 4 марта здесь стало известно, что от престола отрекся и его брат Михаил. Тысячелетняя монархия в России пала. В этот день в Ачинске состоялось собрание общественности, 500 участников которого избрали своим председателем ссыльного депутата Думы М.К. Муранова. Собрание, по предложению Л.Б. Каменева, направило приветственную телеграмму великому князю Михаилу Александровичу, одоблив его решение не принимать корону. В 1926 году Сталин, на собрании не присутствовавший, вспоминал, что, узнав на другой день о злополучной телеграмме, высказал свое возмущение Каменеву, который будто бы признал, что допустил глупость. Правда тогда, в 1926 году, Каменев это утверждение опроверг: «Врешь, никогда тебе ничего подобного не говорил».

8 марта Сталин вместе с Мурановым, Каменевым, Швейцер и другими ссыльными выехал в Петроград, куда и прибыл 12 марта.

В водовороте революции

Приезд Сталина в Петроград запечатлел в своих мемуарах В.Л. Швейцер: «12 марта 1917 г. утром тов. Сталин приехал в Петроград. Шел мягкий пушистый снежок. Стоило нам выйти из вагона на платформу, как на нас пахнуло политической и революционной жизнью столицы... Сливаясь с толпой, мы пошли по Невскому... Беседуя с нами, тов. Сталин незаметно подошел к Таврическому дворцу». В Таврическом Сталин встретился с членами редколлегии «Правды». На квартире одного из них, М.С. Ольминского, состоялось расширенное заседание ЦК, в результате которого Джугашвили, Каменев и Муранов возглавили редколлекцию «Правды». Все статьи в этой газете Джугашвили подписывал теперь только одним псевдонимом: Сталин. В первой же статье «О Советах рабочих и солдатских депутатов», увидевшей свет 14 марта, он призывал: «Укрепить эти Советы, сделать их повсеместными, связать их между собой во главе с центральным Советом рабочих и солдатских депутатов, как органом революционной власти народа».

Через несколько дней в статье «О войне» Сталин высказал идею давления на Временное правительство, чтобы заставить его начать переговоры о мире. Позднее, в 1924 году, он признал эту позицию задним числом ошибочной, так как «она плодила пацифистские иллюзии, лила воду на мельницу оборончества и затрудняла революционное воспитание масс».

28 марта 1917 года Сталин опубликовал в «Правде» статью «Против федерализма», где утверждал: «В 1776 году Соединенные Штаты представляли собой не федерацию, а конфедерацию дотоле независимых колоний или штатов... Для защиты общих интересов против, главным образом, внешних врагов колонии заключили между собой союз (конфедерация), не переставая быть вполне независимыми государственными единицами. В шестидесятых годах XIX столетия происходит перелом в политической жизни страны: северные штаты требуют более прочного сближения штатов вопреки южным штатам, протестующим против «централизма» и ратующим за старый порядок. Возгорается «гражданская война», в результате которой северные штаты берут верх. В Америке устанавливается федерация, т. е. союз суверенных штатов, делящих власть с федеральным (Центральным) правительством. Но такой порядок продолжается недолго. Федерация оказывается такой же переходной мерой, как и конфедерация. Борьба между штатами и центральным правительством не прекращается, двоевластие становится невыносимым, и в результате дальнейшей эволюции Соединенные Штаты из федерации превращаются в унитарное (слитное) государство с едиными конституционными нормами, с ограниченной автономией (не государственной, а административно-политической) штатов, допускаемой этими нормами. Название «федерация» по отношению к Соединенным Штатам превращается в пустой звук, пережиток прошлого, давно уже не соответствующий действительному положению вещей. То же самое можно сказать о Швейцарии и Канаде...»

Фактически тут Сталин описывал не реальную эволюцию федерализма в США, Канаде и Швейцарии, а чаемое им самим идеальное устройство бывшей Российской империи. Ведь на самом деле в США конфедерация существовала лишь 13 лет – до принятия конституции 1789 года, окончательно превратившей страну в федерацию. И гражданская война 1861–1865 годов была отнюдь не войной федерального (а по Сталину – конфедеративного) центра против государственной самостоятельности отдельных штатов, а войной против попытки группы южных штатов отделиться от Союза и создать новое государство, где можно будет сохранить рабовладение. И уж, конечно, никакого двоевластия в Штатах после гражданской войны не было и быть не могло. Равным образом США и не думали превращаться в унитарное государство, по сей день благополучно оставаясь государством федеративным. Точно так же Швейцария и Канада конфедерациями были лишь сравнительно небольшой период своей истории. В начале XX века обе эти страны представляли собой федерации. Но двоевластие существовало

в России как раз в тот момент, когда Сталин писал свою статью. И он в ней прозрел дальнейшее развитие России – конец двоевластия Советов и Временного правительства за счет перехода власти к большевикам и возвращение страны к унитарному устройству. Та федерация, которая образовалась в 1922 году в качестве Союза Советских Социалистических Республик, практически с самого начала представляла собой унитарное государство под маской федерации. Все руководство союзных республик назначалось в Москве и без одобрения Москвы не могло принять ни одного принципиального решения ни в одной сфере, будь то даже развитие национальных языков и культур.

Сталин отвергал идею федерации для России, настаивая: «Области в России (окраины) связаны с центральной Россией экономическими и политическими узами, и чем демократичнее Россия, тем прочнее будут эти узы... Не ясно ли, что федерализм в России не решает и не может решить национального вопроса, что он только запутывает и усложняет его донкихотскими потугами повернуть назад колесо истории?»

Однако в конечном счете сталинский унитаризм не спас империю от крушения, а лишь на несколько десятилетий заморозил процесс ее распада. Когда власть на «окраинах» стала более или менее демократической, зависимой не от Москвы, а от местных избирателей, дезинтеграция стала необратимой.

В конце 1924 года, комментируя статью «Против федерализма», Сталин отмечал, что в то время большевики отрицали федерализм: «Только после Октябрьского переворота становится партия твердо и определенно на точку зрения государственной федерации, выдвигая ее, как собственный план государственного устройства советских республик в переходный период». Но он прекрасно знал уже тогда, что декларируемый «свободный союз советских республик», это лишь способ повесить побольше лапши на уши тем местным националистам, кто нерасчетливо поставил на большевиков. На самом деле реальной власти, не подконтрольной Кремлю, им никто давать не собирался, хотя против осуществления части их программы, в частности переводу делопроизводства и школьного образования на национальные языки, Сталин противодействовать пока не стал. В этой сфере гайки начали закручивать с середины 30-х, а особенно – после Великой Отечественной войны. Выступая же на III Всероссийском съезде Советов в январе 1918 года, Иосиф Виссарионович подчеркивал «необходимость толкования принципа самоопределения как права на самоопределение не буржуазии, а трудовых масс данной нации. Принцип самоопределения должен быть средством для борьбы за социализм и должен быть подчинен принципам социализма». Иными словами, право наций на самоопределение вплоть до отделения – это лишь средство ослаблять своих империалистических противников. А от бывшей Российской империи и других стран, где победит пролетарская революция, отделяться разрешать не следует, поскольку этого, мол, не желают трудящиеся. И, как показали дальнейшие события, всегда можно было найти несколько десятков «трудящихся», чтобы создать ревком и пригласить в страну части Красной Армии. Так было с Украиной и республиками Закавказья. С Польшей, Финляндией и государствами Прибалтики этот номер не прошел только потому, что здесь сторонники независимости, поддержанные Германией или Антантой, оказались сильнее.

В апреле же 1918 года Сталин откровенно заявлял: «Федерализм в России – переходная ступень к социалистическому унитаризму... Принудительный царистский унитаризм сменяется федерализмом добровольным для того, чтобы с течением времени федерализм уступил место такому же добровольному и братскому объединению трудовых масс всех наций и племен России. Федерализму в России суждено, как и в Америке и Швейцарии, сыграть переходную роль – к будущему социалистическому унитаризму.

Но вернемся в 1917 год. В марте Сталина делегировали в Исполком Петросовета. В 1926 году Иосиф Виссарионович не без гордости вспоминал 1917 год как год завершения своего восхождения по ступеням партийной иерархии, своего причисления к лику партийных вождей:

«Я вспоминаю 1917 год, когда я волей партии, после скитаний по тюрьмам и ссылкам, был переброшен в Ленинград. Там, в кругу русских рабочих, при непосредственной близости с великим учителем пролетариев всех стран – т. Лениным, в буре великих схваток пролетариата и буржуазии, в обстановке империалистической войны, я впервые научился понимать, что значит быть одним из руководителей великой партии рабочего класса. Там, в кругу русских рабочих – освободителей угнетенных народов и застрельщиков пролетарской борьбы всех стран и народов, я получил свое третье боевое революционное крещение. Там, в России, под руководством Ленина, я стал одним из мастеров от революции». Еще одним шагом по лестнице власти стало избрание Сталина 20 июня 1917 года на I съезде Советов членом Центрального Исполнительного Комитета.

Сталин фактически стал одним из пяти вождей партии к октябрю 1917 года – наряду с Лениным, Троцким, Свердловым и Зиновьевым. Правда, в этой четверке он пока был еще только на пятом месте, но его выдвижение на первую позицию оказалось только вопросом времени, благодаря слабому здоровью Ленина и Свердлова и неумению Зиновьева и Троцкого грамотно вести внутрипартийную борьбу. Троцкий, характеризуя позднее Сталина в 1917 году, отмечал, что этот «практик», «без теоретического кругозора, без широких политических интересов и без знания иностранных языков, был неотделим от русской почвы». Сталин, в отличие от того же Троцкого или Зиновьева, не был сколько-нибудь выдающимся оратором, и поэтому сравнительно редко выступал на массовых митингах. Его сила была не в ораторстве, а в организационной работе. Сталин тогда не снискал популярности в массах, да и не особенно жаждал ее тогда. Ведь отнюдь не популярность в народе вознесла его в конце концов к вершинам власти.

Скудость публичных выступлений Сталин частично компенсировал публикациями статей и заметок, которых в период с марта по октябрь 1917 года появилось более 60.

После подавления июльского выступления большевиков и обвинений, что их руководители ведут пропаганду на немецкие деньги и являются германскими шпионами, Ленин и Зиновьев перешли на нелегальное положение. Их эвакуацией из Петрограда руководил Сталин как опытный мастер конспирации. Он сам побрил Ленина, подобрал ему парик, документы. Зиновьев также постригся наголо. В сопровождении Сталина они двинулись к Приморскому вокзалу, где их ожидал рабочий-большевик Н.А. Емельянов с билетами на последний поезд. Ленин и Зиновьев укрылись в домике Емельянова на станции Разлив.

26 июля 1917 года, в отсутствие Ленина, скрывавшегося в Разливе, Сталин делал отчетный доклад на VI съезде партии, что само по себе стало знаком его растущего влияния в партийном руководстве. А.Е. Преображенский предложил в заключительный, девятый пункт резолюции по докладу положение о том, что после захвата революционными классами государственной власти движение к социализму будет возможно только «при наличии пролетарской революции на Западе». Сталин добился провала этой поправки, аргументируя свою позицию следующим образом: «Не исключена возможность, что именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму. До сих пор ни одна страна не пользовалась в условиях войны такой свободой, как Россия, и не пробовала осуществлять контроль рабочих над производством. Кроме того, база нашей революции шире, чем в Западной Европе, где пролетариат стоит лицом к лицу с буржуазией в полном одиночестве. У нас же рабочих поддерживают беднейшие слои крестьянства. Наконец, в Германии аппарат государственной власти действует несравненно лучше, чем несовершенный аппарат нашей буржуазии, которая и сама является данницей европейского капитала. Надо откинуть отжившее представление о том, что только Европа может указать нам путь. Существует марксизм догматический и марксизм творческий. Я стою на почве последнего».

Сталин не очень любил, чтобы кто-нибудь указывал ему, по какой дороге идти. А вот политический анализ страдает передержками или неточностями. Почему рабочий класс в

Западной Европе должен быть слабее российского только потому, что последний опирается еще и на поддержку беднейшего крестьянства (к последнему большевики относили вообще больше половины всего крестьянства)? Ведь доля в населении рабочих там была на порядок выше, чем в России. И почему аппарат власти после Февраля в России «буржуазный», если ведущую роль во Временном правительстве играют социалистические партии?

В своем докладе Сталин также призвал товарищей по партии «не пренебрегать легальными возможностями, ибо никакая контрреволюция не может серьезно загнать нас в подполье».

В июле 1917 года также произошло важное событие в личной жизни Сталина. Он познакомился с 16-летней Надеждой Сергеевной Аллилуевой, дочерью рабочего Сергея Яковлевича Аллилуева. С семьей Аллилуевых Джугашвили впервые встретился в Тифлисе еще в 1903 году. Тогда Иосиф Виссарионович организовал сложную операцию по переправке ручного печатного станка из Тифлиса в Баку, для местной нелегальной типографии. Руководил операцией С.Я. Аллилуев. Теперь в Петрограде Сталин стал часто бывать у Аллилуевых.

Вот как описывала Надежду Аллилуеву бывший секретарь Совнаркома Лидия Фотиева в беседе с писателем Александром Беком: «Красивая она была, очень красивая. Грузинские глаза (дед грузин), почти всегда красивая, но иногда неинтересная. Вдруг проступало что-то грубое. Сталин с ней бывал очень груб».

Портрет Надежды оставила нам и ее дочь Светлана: «Мама родилась в Баку, и ее детство прошло на Кавказе. Южная ее внешность иногда заставляла тех, кто плохо знает Грузию, принимать ее за грузинку. На самом деле такими бывают болгарки, гречанки, украинки – с правильным овалом лица, черными бровями, чуть вздернутым носом, смуглой кожей и мягкими карими глазами в черных прямых ресницах. Правда, у мамы к этому облику было добавлено что-то от цыган – какая-то восточная томность, печальные глаза и длинные суховатые пальцы. Она очень любила кутаться в шали, ей это шло; на ней естественно выглядело бы и индийское сари».

Словом, Надежда была настоящая восточная красавица, и неудивительно, что Сталин ее полюбил. Сталин же не был красавцем: рябой, низкорослый, с высохшей левой рукой. Однако романтический ореол, которым был окружен в глазах юной Нади бывалый революционер, искупал все внешние недостатки ее избранника.

Брак Надежды и Иосифа был зарегистрирован 24 марта 1919 года. Но, по утверждению их дочери Светланы Аллилуевой, родители поженились еще весной 18-го, в самый канун переезда Совнаркома, где Сталин возглавлял Наркомат по делам национальностей, из Петрограда в Москву. Для того времени такой разрыв между фактическим началом семейной жизни и официальным оформлением супружеских отношений был делом обычным.

Но вернемся в лето 1917 года. Торжество Временного правительства оказалось эфемерным. Керенский и его министры оказались не в состоянии разрешить ни одной из проблем страны: ни заключить мир, ни разрешить аграрный вопрос, ни остановить растущую инфляцию и прогрессирующий паралич промышленности. Его падение было предreshено. И в столицах не было другой силы, кроме большевиков, готовых поднять падающую власть. 3 августа 1917 года, по случайному совпадению – в день закрытия VI съезда РСДРП(б), выдвинувшего лозунг «Полная ликвидация диктатуры контрреволюционной буржуазии», в Богословской аудитории Московского университета открылся II Всероссийский торгово-промышленный съезд. На нем выступил лидер Торгово-промышленного союза видный русский предприниматель Павел Рябушинский. Он предупреждал: «...Мы знаем, что естественное развитие жизни пойдет своим чередом, и, к сожалению, оно жестоко покарает тех, которые нарушают экономические законы... Поэтому, господа, мы поневоле вынуждены ждать: эта катастрофа, этот финансово-экономический провал будет для России неизбежен, если мы уже не находимся перед катастрофой, и тогда уже, когда она для всех станет очевидной, тогда только почувствуют,

что шли по неверному пути... Мы чувствуем, что то, о чем я говорю, является неизбежным. Но, к сожалению, нужна костлявая рука голода и народной нищеты, чтобы она схватила за горло лжедрузей народа, членов разных комитетов и советов, чтобы они опомнились... в этот трудный момент, когда надвигается новое смутное время, все живые культурные силы страны должны образовать одну дружную семью. Пусть появится стойкая натура купеческая! Люди торговые, надо спасать землю русскую». Под гром аплодисментов, когда весь зал встал, приветствуя оратора, худощавый человек с бородкой, в пенсне покинул трибуну, еще не подозревая, что его горячие и искренние слова уже завтра будут обращены против того класса, который он столь самоотверженно защищал. И уже 6 августа Сталин писал в петроградской газете «Рабочий и солдат»: «Вы слышите: потребуется костлявая рука голода, народная нищета... Гг. Рябушинские, оказывается, не прочь наградить Россию «голодом» и нищетой, чтобы «схватить за горло» демократические советы и комитеты. Они не прочь, оказывается, закрыть заводы и фабрики, создать безработицу и голод для того, чтобы вызвать преждевременный бой и успешнее справиться с рабочими и крестьянами».

«Преждевременным боем», однако, оказался вовсе не большевистский переворот, а выступление генерала Корнилова. Его провал развязал большевикам руки и привел к большевизации столичных Советов.

16 октября 1917 года Сталин вошел в состав «практического центра», непосредственно занимавшегося подготовкой вооруженного захвата власти. Этот центр, в свою очередь, действовал под руководством Военно-революционного комитета при Петросовете. В тот же день на заседании ЦК он всецело поддержал предложенный Троцким и одобренный Лениным курс на взятие власти насильственным путем, осудив предложение Зиновьева и Каменева отложить вооруженное выступление: «То, что предлагают Каменев и Зиновьев, объективно приводит к возможности для контрреволюции подготовиться и сорганизоваться. Мы без конца будем отступать и проиграем революцию. Почему бы нам не обеспечить себе возможности выбора для восстания и условий, чтобы не давать сорганизоваться контрреволюции?»

Троцкий был убежден, что «1917 г. вошел важнейшим этапом в формирование будущего диктатора... В центре политической жизни стояла проблема власти. Временное правительство с участием меньшевиков и народников, вчерашних товарищей по подполью, тюрьме и ссылке, позволило ему ближе заглянуть в ту таинственную лабораторию, где, как известно, не боги обжигают горшки. Та неизмеримая дистанция, которая отделяла в эпоху царизма подпольного революционера от правительства, сразу исчезла. Власть стала близким, фамильным понятием. Коба освободился в значительной мере от своего провинциализма, если не в привычках и нравах, то в масштабах политического мышления. Он остро и с обидой почувствовал то, чего ему не хватает лично, но в то же время проверил силу тесно спаянного коллектива одаренных и опытных революционеров, готовых идти до конца. Он стал признанным членом штаба партии, которую массы несли к власти. Он перестал быть Кобой, став окончательно Сталиным».

Но в организации Октябрьской революции Сталин играл сугубо подчиненную, техническую роль. Главными были Ленин и Троцкий. Троцкий сам поднимал полки Петроградского гарнизона. Ленин убеждал товарищей по ЦК, не колеблясь, взять власть. В 1924 году в очерке о Ленине Троцкий вспоминал: «А что, – спросил меня однажды Владимир Ильич вскоре после 25 октября, – если нас с вами убьют, то смогут ли справиться с делом Свердлов и Бухарин?

– Авось не убьют, – ответил я смеясь.

– А черт их знает, – сказал Ленин и сам рассмеялся».

Сталин тогда еще не был в первом ряду вождей революции. Но «октябрьский эпизод» Зиновьева и Каменева, отказавшихся поддержать курс на вооруженное восстание, сыграл на пользу Кобы. Двое ближайших к Ленину вождей на время лишились доверия Ильича. Соответственно, тот больше внимания обратил на Сталина. Хотя до уровня влияния Троцкого или

Зиновьева с Каменевым ему еще было далеко, но после 25 октября 1917 года Сталин навсегда вошел в самый узкий руководящий слой большевистской партии.

В огне гражданской войны

В первом советском правительстве Сталин был назначен наркомом по делам национальностей и стал одним из разработчиков «Декларации прав народов России» (в марте 1919 года Сталин был также назначен наркомом Госконтроля, позднее переименованного в Наркомат рабоче-крестьянской инспекции). Там провозглашалось право наций на самоопределение вплоть до полного государственного отделения и отменялись все национальные и национально-религиозные ограничения и привилегии. Декларация имела в основном пропагандистское значение. В действительности Ленин, Троцкий, Сталин и другие большевистские лидеры не собирались просто так отпускать ни один народ бывшей Российской империи. Наоборот, к ним в идеале к всемирной Советской республике собирались добавить немцев, венгров и другие европейские народы. Независимость Финляндии, Польши, Латвии, Литвы и Эстонии большевики признали только после того, как Красной Армии не удалось на своих штыках принести в эти страны Советскую власть. Поэтому Наркомат национальностей занимался в основном пропагандой, и особой властью его руководитель не обладал. Гораздо важнее для Сталина оставалось его членство в ЦК и в Реввоенсовете Республики, а также руководство Наркоматом Рабоче-Крестьянской инспекции. В этом качестве он участвовал в принятии важнейших политических и военных решений.

На фронтах гражданской Сталин преданность Советской власти ценил выше военного профессионализма. Так, в декабре 1917 года он указывал командованию Оренбургского фронта, сражавшегося с казаками атамана Дутова: «Негодные элементы распускайте, годные сплавивайте в революционные отряды. Пусть будет меньше людей, но зато будут верные. Это путь верный, и можно идти по нему смело». Между прочим, этот принцип Сталин исповедовал и в политике – пусть рядом будет меньше соратников, но зато верные. Отсюда и широко-масштабные кровавые чистки – пусть людей будет меньше, но зато выйдут в расход все подозрительные.

В период жаркой дискуссии в руководстве, подписывать или не подписывать мир с немцами на тяжелых условиях, продиктованных Берлином, Сталин проявил колебания. Так, 23 февраля 1918 года, когда Ленин пригрозил подать в отставку, если большинство членов ЦК откажется подписать мир, Сталин заявил: «Мира можно не подписывать». На это Ленин горячо возразил: «Сталин неправ, когда он говорит, что можно не подписать. Эти условия надо подписать. Если вы их не подпишете, то вы подпишете смертный приговор Советской власти через три недели. Эти условия Советской власти не трогают. У меня нет ни малейшей тени колебания. Я ставлю ультиматум не для того, чтобы его снимать. Я не хочу революционной фразы». В итоге в вопросе о Брестском мире Сталин перешел на ленинскую позицию. В тот момент, да и позднее он не умел делать долгосрочные политические прогнозы и не ожидал, что «похабный мир» просуществует всего восемь месяцев. Сталин вообще всегда больше оставался мастером политической тактики, а не стратегии, и не был способен к нестандартным и неожиданным стратегическим решениям.

31 мая 1918 года Сталин был назначен руководителем продовольственного дела на юге России. Здесь центром влияния большевиков был Царицын, куда свозили изъятый по разверстке хлеб со всех южных губерний. Сталин стал одним из руководителей обороны Царицына от казачьей армии атамана П.Н. Краснова. При этом Иосиф Виссарионович нередко сносился по военным вопросам непосредственно с Лениным через голову председателя Реввоенсовета Троцкого. Тогда у них с Троцким возникли первые конфликты.

7 июля 1918 года Ленин известил находившегося в Царицыне Сталина об убийстве германского посла Мирбаха и о мятеже левых эсеров и потребовал: «Повсюду необходимо подавить беспощадно этих жалких и истеричных авантюристов, ставших орудием контрреволю-

ционеров». Сталин ответил в тот же день: «Гоню и ругаю всех, кого нужно, надеюсь, скоро восстановим положение. Можете быть уверены, что не пощадим никого, ни себя, ни других, а хлеб все же дадим. Если бы наши военные «специалисты» (сапожники!) не спали и не бездельничали, линия не была бы прорвана, и если линия будет восстановлена, то не благодаря военным, а вопреки им. Что касается истеричных – будьте уверены, у нас рука не дрогнет. С врагами будем действовать по-вражески». Офицеров-«спецов», без всякого энтузиазма участвовавших в российской усобице на стороне красных, часто – только потому, что их семьи оставались в заложниках, Сталин не любил и им не доверял. И почти все бывшие царские офицеры были вычищены из Красной Армии в 1930 и в 1937–1938 годах, что никак не способствовало повышению ее боеспособности.

В Царицыне Сталин проявил выдающуюся жестокость, причем одним из главных объектов террора стали бывшие офицеры, работавшие в штабе фронта и Северо-Кавказского округа. 11 июля 1918 года он телеграфировал Ленину: «...Штаб Северо-Кавказского округа оказался совершенно непригодным к условиям борьбы с контрреволюцией. Дело не только в том, что наши «специалисты» психологически неспособны к решительной войне с контрреволюцией, но также в том, что они, как «штабные» работники, умеющие лишь «чертить чертежи» и давать планы реформирования, абсолютно равнодушны к оперативным действиям... и вообще чувствуют себя как посторонние люди, гости. Военкомы не смогли восполнить пробел... Смотреть на это равнодушно, когда фронт Калинина оторван от пунктов снабжения, а север – от хлебного района, считаю себя неправым. Я буду исправлять эти и многие другие недочеты на местах, я принимаю ряд мер и буду принимать вплоть до смещения губящих дело чинов и командиров, несмотря на формальные затруднения, которые при необходимости буду ломать. При этом понятно, что беру на себя всю ответственность перед всеми высшими учреждениями». 11 августа 1918 года в разговоре по прямому проводу с Васильевым, командиром одного из отрядов, оборонявших Царицын, Сталин утверждал: «Сегодня последний раз обращаюсь к Южному фронту с требованием незамедлительно перебросить на север необходимые части... Если эта переброска не произойдет сегодня же, Царицын будет отрезан, весь Юг останется без снарядов и патронов. Следует помнить что кадеты направляют все свои силы против Царицына... Никакие колебания недопустимы, колебания преступны, либо вы спасаете Царицын и тогда спасен весь Южный фронт, либо вы останетесь глухи к требованиям момента, и тогда неизбежно погибнет весь фронт. Торопитесь, не запаздывайте, ибо запоздать – все, значит, проиграть».

Получив известие о покушении на Ленина, Сталин и Ворошилов 31 августа 1918 года телеграфировали Свердлову: «Военный Совет Северо-Кавказского военного округа отвечает на это низкое покушение из-за угла организацией открытого массового систематического террора на буржуазию и ее агентов». Здесь они не были сколько-нибудь оригинальны. Подобные кровавые телеграммы большевистские руководители в эти дни отправляли в центр по всей стране.

Нельзя сказать, что среди офицеров, служивших в Царицыне, не было врагов Советской власти. Как раз в августе 1918 года в Царицыне был раскрыт заговор инженера Алексева, имевшего советский мандат «спеца-организатора по транспортированию нефтетоплива с Кавказа». В ночь на 18 августа заговорщики собирались захватить город и соединиться с войсками Краснова. Однако попытка привлечь к выступлению сербский батальон, охранявший местное ЧК, привела к провалу заговора. Сербь сообщили чекистам о заговоре и помогли выявить основных членов организации. По приказу Сталина были расстреляны не только инженер Алексеев с двумя сыновьями и те заговорщики, чья причастность к организации была установлена ЧК, но также и ряд офицеров, которые только подозревались в участии в заговоре. Все они были расстреляны без суда. С точки зрения удержания большевиками власти это была вполне разумная, хотя бесчеловечная и преступная мера. Так Сталин впервые применил широкомас-

штабный террор не только против тех, кто был действительным врагом, но также и против тех, кто еще только потенциально мог стать врагом. В дальнейшем это стало для него главным принципом удержания власти. Сталин всегда играл на опережение, уничтожая не только действительных, но и потенциальных противников – тех, кто, как он подозревал, в будущем мог выступить против него. А уж раз открыто выступившие против него становились людьми мертвыми, сколько бы потом ни каялись. Печальные примеры Бухарина, Рыкова, Зиновьева, Каменева и других участников разного рода оппозиций это хорошо доказывают.

В Донской армии атамана Краснова началось разложение, вызванное надвигающимся поражением Германии и осознанием безнадежности политического будущего Донского правительства. В связи с этим Сталин и Ворошилов 30 августа 1918 года издали специальный приказ: «Донские генералы и контрреволюционное офицерство принудительно мобилизовали иногородний и трудовой казачий элемент, среди которых имеется больше половины сторонников Советской власти.

По дошедшим до нас достоверным сведениям, трудовое население в войсках противника поднимает оружие против насильников командиров и стремится с оружием в руках переходить одиночками, группами и целыми частями на сторону советских войск.

Ввиду этого Военный совет строжайше предписывает всему командному составу и каждому солдату советских армий: 1. Продолжать беспощадную войну против контрреволюционных банд. 2. Но, вместе с тем, отнюдь не расстреливать переходящих на нашу сторону перебежчиков, добровольно складывающих оружие, и не чинить над ними никаких насилий».

Вскоре разложение среди донского казачества приняло широкий масштаб. После поражения под Царицыном войска Краснова откатывались в глубь Донской области. Многие казаки бросали фронт и расходились по домам. 16 октября 1918 года Сталин и Ворошилов опубликовали «Письмо Военно-революционного совета Царицынского фронта к донской бедноте». Там, в частности, говорилось: «Вот вам правда о Советской России. Помещики, буржуазия, царские чиновники сидят в тюрьмах, а некоторые, особенно преступные из них, расстреляны. Власть выбирают сами рабочие и деревенская беднота. Рабочие городов и деревенская беднота пользуются полной свободой (наверное, когда писали такое, Иосиф Виссарионович с Климентом Ефремовичем понимающе улыбались в усы. – Б. С.). Крестьяне получили уже год тому назад все помещичьи земли. Рабочие сами управляют фабриками, рудниками (что заводы и фабрики благополучно стоят, уточнять не стали. – Б. С.).

В выборах депутатов в советы и в центральное правительство принимает участие только беднота городов, станиц и деревень. А все помещики, спекулянты, банкиры и их прислужники лишены избирательных прав. В командном составе у нас почти нет генералов и офицеров (это были враки чистой воды – треть всего дореволюционного офицерского корпуса служила в Красной Армии, причем отнюдь не только на инструкторских и штабных должностях – многие офицеры и генералы командовали дивизиями, армиями и фронтами. – Б. С.). Зато сколько простых тружеников солдат выдвинулось боевыми успехами и поставлены во главе крупных боевых единиц!

Вот видите, как вам лгут (самый надежный способ прикрыть собственную ложь – обвинить во лжи оппонента. Сталин в дальнейшем не раз с успехом использовал этот прием. – Б. С.) ...

Вам говорят о восстаниях в Советской России. Да, они были. Но восставали не рабочие, как вам пишут и говорят (Сталин и Ворошилов предпочли не заметить рабочих Ярославля, Ижевска и Воткинска, восстававших против «диктатуры пролетариата». – Б. С.). Устраивали заговор и покушались на выборную рабоче-крестьянскую власть шайки помещиков, потерявших свои земли, кучки спекулянтов и банкиров, потерявших свои барыши. Чаше других выступают погонники-генералы, офицерские отбросы, все те, кому так не хотелось потерять власть над простым солдатом...

Ваши самозванные командиры пользовались помощью Вильгельма и его своры. Но теперь в Германии началась революция. Солдаты уничтожают своих офицеров и генералов, рабочие с красными знаменами выступают против Вильгельма и начинают войну за Советскую власть. Германские войска уходят из России и Украины...

В Украине начались восстания, снова поднялась борьба за Советскую власть. При мирных переговорах России с Украиной принято, что Донская область принадлежит Советской России. Значит, генерал Краснов – бунтовщик, значит, генерал Краснов и вся его разбойничья свора – это преступники перед всеми трудящимися.

Час возмездия близок, и страшен будет суд рабоче-крестьянской России против холеных барчуков, дворянских последышей, поднявших руки на красное знамя труда.

Товарищи, вам пишет генеральско-кулацкий круг:

«Мы помним, что мы донские казаки. Предки наши, не помирившись с гнетом, который покорно нес русский народ, ушли в вольные степи тихого Дона. Вот этим старым казачьим укладом мы и дорожим. За его неприкосновенность бьемся, и к этому укладу тянулись с Руси все обиженные, обездоленные».

Ох вы, лыком шитые генеральские побасенки (сталинско-ворошиловские были шиты тем же лыком. – Б. С.)!

Да посмотрите на улицы Новочеркасска, Ростова, взгляните на командный состав, кто командует, кто проживает жизнь в донских городах. Обиженные? Обездоленные? Да, это верно: все те, кого обидели рабочие и крестьяне, у кого отняли землю, фабрики, заводы, рудники, кого лишили погон и сытных должностей. Вот все эти обижены. Эти несчастенькие. Вся эта золотопогонная накипь, все эти буржуазные отбросы, дворянские последыши, все эти господа, которые всю жизнь не видали на своих руках мозолей, – это они собрались на тихом Дону, это они гонят тебя, донская беднота, гонят в бой за их дворянское дело. Это они лгут вам про Советскую Россию (а ведь до начала политики «рассказывания» оставалось менее 3 месяцев. – Б. С.). Потому что они хотят вернуть земли, фабрики и заводы и все свои привилегии, но вы, товарищи, смотрите за ними, их дело проиграно.

В Болгарии свершилась революция. В Украине и Германии поднимается красное знамя. Советские армии окружают всю Донскую область. Не дайте убежать вашим насильникам и обманщикам, следите за их каждым движением, за их поездками, за их работой в тылу. Не дайте ускользнуть никому.

Час расплаты приближается. Скоро они сами сознаются перед судом бедноты во всей своей лжи, как генерал Федоров сказал на допросе, что они борются за царскую власть. (Думаю, что при некоторых усилиях со стороны чекистов бедняга легко мог признаться, что они с Красновым действуют по поручению дьявола)».

Когда угроза захвата Царицына казаками Краснова миновала, Сталин был отозван в Москву. Но вскоре тяжелая ситуация сложилась на Восточном фронте. В декабре 1918 года, когда 3-я Красная армия сдала войскам Колчака Пермь, ЦК РКП(б) направил в штаб Восточного фронта в Вятку комиссию во главе со Сталиным и Дзержинским, чтобы разобраться в причинах катастрофы. Часть командиров и комиссаров посланцы центра предали суду трибунала, причем, как позднее решили в Москве, сделано это было с большим избытком, и впоследствии многих освободили из-под ареста.

Главным оппонентом Сталина по военным вопросам был Троцкий. Лев Давыдович при строительстве Красной Армии делал упор на использование бывших царских офицеров и генералов – выходцев из дворян и интеллигенции, тогда как Иосиф Виссарионович предпочитал им унтер-офицеров из рабоче-крестьянской среды, вроде того же Буденного. Унтер-офицеры умели говорить с солдатской массой, умели повести ее в бой, но по части планирования операций, вопросов организации и стратегии, а порой – и элементарной работы с картой без помощи специалистов оказывались как без рук. Сталин больше внимания уделял моральному фактору,

надеялся, что коммунисты и рабочие сумеют перевоспитать «в духе коммунистической сознательности» и повести за собой солдатскую массу – вчерашних крестьян. На VIII съезде партии в марте 1919 года, где против Троцкого выступила «военная оппозиция», отвергавшая призыв в Красную Армию бывших офицеров, Сталин заявил, что «крестьяне не будут добровольно драться за социализм». Поэтому «их надо перевоспитать в духе железной дисциплины, повести их за пролетариатом не только в тылу, но и на фронтах, заставить воевать за наше общее социалистическое дело и в ходе войны завершить строительство настоящей регулярной армии». Троцкий же, понимая, что заставить воевать за идею мировой революции архангельских или калужских мужиков практически невозможно, предлагал упираться в пропаганде на патриотические мотивы, убеждая мужиков в том, что им приходится отражать натиск Антанты. В чем не расходились Ленин, Троцкий и Сталин, так это в том, что по-настоящему Советская власть может опереться на пролетариат и беднейшее крестьянство, из которых и состояли наиболее надежные части Красной Армии. Другой опорой советской власти являлись интернациональные части из латышей, китайцев и бывших военнопленных солдат германской и австро-венгерской армии. Их использовали, в частности, для подавления восстаний крестьян, недовольных продразверсткой.

Весной 1919 года Сталину пришлось еще раз выполнять функцию «пожарного для безнадёжных положений». Под Петроградом войска Юденича подступили к городу, взяли Ямбург, Гдов и Псков. 19 мая в северную столицу прибыл Сталин. Он сразу же мобилизовал в армию 13 тыс. рабочих, а также провел широкие аресты в Петрограде офицеров и «буржуазных элементов, подозреваемых в принадлежности к белогвардейской организации «Национальный центр». Часть арестованных была расстреляна. 13 июня подняли мятеж гарнизоны фортов Красная Горка и Серая Лошадь. Через три дня с помощью корабельной артиллерии Сталину удалось принудить мятежников к капитуляции. А 21 июня Красная 7-я армия перешла в контрнаступление и оттеснила Юденича к Гдову.

На какой бы фронт ни попадал Сталин, он широко применял репрессии. В этом отношении он не был оригинален и ничем не отличался от других членов Реввоенсовета. Троцкий тоже утверждал: «Нельзя строить армию без репрессий. Нельзя вести массы людей на смерть, не имея в арсенале командования смертной казни». И Сталин, и Троцкий, и другие, не колеблясь, расстреливали трусов, паникеров и изменников (или тех, кто казался им изменниками), а также заложников из представителей имущих классов населения. Но Лев Давыдович еще и сам поднимал в атаку под огнем врага дрогнувший полк под Петроградом, произносил зажигательные речи на митингах. Сталин же работал преимущественно в штабах, канцеляриях, давал поручения другим, а сам не был мастером в общении с людьми.

Его соперничество с Троцким объяснялось старым как мир стремлением военачальников всех времен и народов стать единоличным отцом победы, а вину за поражение свалить на других. В ряде случаев при решении оперативных вопросов Сталин, минуя Троцкого, апеллировал непосредственно к Ленину. Будучи, как и Троцкий, с марта 1919 года членом Политбюро, он считал, что не обязан подчиняться главе военного ведомства. Разумеется, подобное своеволие одного из членов Реввоенсовета не могло радовать Льва Давыдовича. Однако такого рода конфликты случались у него по военным вопросам и с другими руководителями, и нельзя сказать, что у Сталина и Троцкого в то время был настоящий антагонизм, хотя впоследствии оба соперника именно так старались представить свои взаимоотношения в период гражданской войны.

Сталин был членом Реввоенсовета Южного фронта в период разгрома Деникина осенью и зимой 1919 года. Впоследствии именно ему приписывали авторство плана наступления через Донбасс с целью рассечь Вооруженные силы Юга России и получить поддержку местного пролетариата. Троцкого же выставляли главным противником этого плана и сторонником наступления через Донскую область, где Красной Армии пришлось бы иметь дело с настроенным к ней враждебно казачьим населением. На самом же деле в этом вопросе разногласий между

Сталиным и Троцким не было, ибо и Иосиф Виссарионович, и Лев Давыдович были сторонниками нанесения главного удара через Донбасс. Военный историк Н.Е. Какурин еще в 1925 году писал: «Главное командование намеревалось взять организацию контрудара в свои руки, подготовив его из глубины вне непосредственного воздействия противника. Первое зарождение этой идеи мы можем усмотреть из телеграммы главкома командюжу (предшественнику Егорова В.Н. Егорьеву. – Б. С.) от 24 сентября за № 4514/оп, в которой первый указывает об имеющем произойти в районе Навля – Дмитриевск сосредоточении войск, которые останутся в подчинении главкома.

В последующие дни эта идея получила окончательное оформление. Удар мыслилось нанести по наиболее выдвинувшимся к северу частям Добровольческой армии двумя группами: одною – из района северо-западнее г. Орла – резервом главкома в составе Латышской дивизии, бригады Павлова и кавалерийской бригады червонных казаков Примакова общему численностью в 10 тыс. штыков, 1500 сабель и 80 орудий; другой – в составе конного корпуса Буденного вместе с кавалерийскими частями 8-й армии из района восточнее Воронежа. Таким образом, здесь налицо была идея срезания клина противника ударами по его основанию». Так и действовали в октябре – ноябре. Впоследствии, уже в 30-е годы, Николай Евгеньевич Какурин за свою объективность поплатился смертью в тюрьме.

Следовательно, на самом деле план разгрома Деникина родился у главнокомандующего Красной Армии С.С. Каменева и председателя Реввоенсовета Республики Л.Д. Троцкого (последний был одним из инициаторов формирования червонного казачества в качестве ударной кавалерийской силы, наряду с Конармией). Кстати, несмотря на то, что именно Троцкий был автором лозунга «Пролетарий на коня!» и инициатором создания крупных кавалерийских соединений, позднее сталинская историография обвинила председателя Реввоенсовета в том, что он был якобы противником создания красной кавалерии, утверждая, что конница – это аристократический род войск и рабочим и крестьянам не нужна.

С командующим Южным фронтом – бывшим полковником царской армии А.И. Егоровым и руководителями 1-й Конной армии – ее командующим С.М. Буденным и членом Реввоенсовета К.Е. Ворошиловым Сталин тесно сблизился еще в период обороны Царицына. Впоследствии именно командиры-конармейцы заняли ведущее положение в Красной Армии. Именно в их пользу сделал выбор Сталин в 1937 году, когда расправился с конкурировавшей с ними группировкой Тухачевского. А вот Егорову повезло меньше. Хотя в статье «Героическая эпопея», появившейся в «Правде» 2 января 1937 года, он подобострастно утверждал: «В 17-ю годовщину борьбы за Царицын я не могу хотя бы вкратце не вспомнить одного из классических уроков военного искусства, который был дан нам с командной высоты царицынских полей великим стратегом классовых битв товарищем Сталиным... Боевые операции, проведенные товарищем Сталиным, неизгладимым уроком стоят в нашем сознании как образцы классического военного искусства эпохи гражданской войны... Ему, товарищу Сталину, мы обязаны тем, что на царицынских полях кадры Красной Армии, и в первую очередь, славные кадры 10-й и Первой Конной армии получили наглядные, классические образцы методов ведения войны». Тем не менее в разговоре с друзьями – высокопоставленными сотрудниками Наркомата обороны Е.А. Щаденко и А.В. Хрулевым Александр Ильич посетовал, что его роль в гражданской войне принижают, а роль Сталина и Ворошилова – незаслуженно возвеличивают. Друзья тотчас донесли о крамольных речах Ворошилову, а тот сообщил о них Сталину. Вскоре Егоров, считавшийся до этого другом Сталина и Ворошилова, был арестован, а затем расстрелян. Дружба со Сталиным отнюдь не была гарантией от того, что в один отнюдь не прекрасный для бывшего друга день за ним не придут люди в форме с синими петлицами. Скорее даже наоборот. Дружба со Сталиным повышала вероятность оказаться среди жертв репрессий. Вот Буденный, например, в отличие от Егорова и Ворошилова, другом Сталина не числился, хотя порой и веселил сталинских гостей игрой на гармонии. И благополучно миновал все волны

репрессий, оказавшись среди тех, кто отправлял на смерть, а не среди тех, которых отправляли. О печальной судьбе Егорова мы уже знаем. А Ворошилов в последние годы жизни Сталина удостоился от Кобы клейма английского шпиона, и, похоже, вопрос о его отправке туда, где сгинул Егоров, был только вопросом времени. Но вот времени Иосифу Виссарионовичу как раз и не хватило. Он умер внезапно, в самом начале новой кампании репрессий.

Заслуги Сталина в гражданской войне были 27 ноября 1919 года отмечены орденом Красного Знамени. В представлении говорилось: «В минуту смертельной опасности, когда окруженная со всех сторон тесным кольцом врагов Советская власть отражала удары неприятеля; в минуту, когда враги Рабоче-Крестьянской Революции в июле 1919 года подступали к Красному Питеру и уже овладели Красной Горкой, в этот тяжелый для Советской России час, назначенный Президиумом ВЦИК на боевой пост Иосиф Виссарионович Джугашвили (Сталин) своей энергией и неутомимой работой сумел сплотить дрогнувшие ряды Красной Армии. Будучи сам в районе боевых действий, он под боевым огнем личным примером воодушевлял ряды борющихся за Советскую Республику. В ознаменование всех заслуг по обороне Петрограда, а также самоотверженной его дальнейшей работы на Южном фронте, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет постановил наградить И.В. Джугашвили орденом Красного Знамени».

После гражданской войны и прихода к власти, после подавления всех оппозиций Сталин заместил Троцкого в советском мифе гражданской войны в качестве главного архитектора побед Красной Армии. Ему стало приписываться единоличное авторство планов разгрома Колчака, Деникина, Юденича. «Там, где смятение и паника могли в любую минуту превратиться в беспомощность, катастрофу, – там появлялся товарищ Сталин», – писал Ворошилов в юбилейном 1929 году в статье «Сталин и Красная Армия». А в изданной уже после Великой Отечественной войны «Краткой биографии» применительно к периоду 1918–1920 годов утверждалось: «Непосредственным вдохновителем и организатором важнейших побед Красной Армии был Сталин. Всюду, где на фронтах решались судьбы революции, партия посылала Сталина. Он был творцом важнейших стратегических планов. Сталин руководил решающими боевыми операциями».

В этих утверждениях было немало передержек. В 1918 году Царицынский фронт против казаков Краснова играл важную, но отнюдь не решающую роль в судьбах революции. Главным в тот момент был Восточный фронт, а на юге более грозным противником уже к концу года, к тому моменту, когда Краснов был отброшен от Царицына, уже стала Добровольческая армия Деникина, подкрепленная отрядами кубанских казаков. Роль Сталина на Восточном фронте заключалась в поездке под Пермь в конце 1918 года, что, безусловно, помогло стабилизировать фронт после захвата белыми Перми. Однако к решающим операциям против Колчака, развернувшимся в 1919 году, он непосредственного отношения не имел. Точно так же разгром Юденича осенью 1919 года проходил под руководством Троцкого, а не Сталина. Да и во время наступления на Варшаву Сталин, строго говоря, был членом Реввоенсовета второстепенного в тот момент Юго-Западного фронта. И ничего особо выдающегося лично Сталин на этом фронте не сделал ни в военно-стратегическом, ни в организационном отношении. Однако справедливости ради надо подчеркнуть, что в поражении под Варшавой вины командования Юго-Западного фронта – Егорова и Сталина не было, хотя бывший командующий Западным фронтом М.Н. Тухачевский и выдвинул версию, что промедление с передачей его фронту 1-й Конной и 12-й армий, происшедшее будто бы по вине командования Юго-Западного фронта, рассчитывавшего с помощью конницы Буденного взять Львов, сыграло роковую роль в разгроме советских войск под Варшавой. Эту версию, замечу, категорически опроверг в своих мемуарах Пилсудский, показавший, что у польской стороны было достаточно сил, чтобы замедлить продвижение Буденного до тех пор, пока польская ударная группировка не одержала бы решающего успеха на Висле. А вот что писал Егоров по поводу передачи Первой конной

армии Западному фронту: «От района местонахождения 1-й конной армии 10 августа (район Радзивилов – Топоров) до района сосредоточения польской ударной 4-й армии (на р. Вепш – на линии Коцк – Ивангород) по воздушной линии около 240–250 км. Даже при условии движения без боев просто походным порядком 1-я Конная армия могла пройти это расстояние, учитывая утомленность ее предшествующими боями, в лучшем случае не меньше, чем в 8–9 дней (3 перехода по 40–45 км, дневка и т. д.), т. е. могла выйти на линию р. Вепш лишь к 19–20 августа, и то этот расчет грешит преувеличением для данного частного случая. При этом в него необходимо внести еще и поправку за счет сопротивления противника. Возьмем за основание ту среднюю скорость движения, которую показала именно в такой обстановке конная армия в 20-х числах августа при своем движении от Львова на Замостье, т. е. 100 км за 4 дня. Исходя из этих цифр, надо думать, что раньше 21–23 августа конная армия линии р. Вепш достигнуть никогда не сумела бы. Совершенно очевидно, что она безнадежно запаздывала и даже тылу польской ударной группы угрозой быть никак не могла. Это не значит, конечно, что сведения о движении 1-й Конной армии 11 августа на Сокаль – Замостье не повлияли бы на мероприятия польского командования. Но очень трудно допустить, чтобы одним из этих мероприятий оказалась бы отмена наступления 4-й армии. По пути своего движения 1-я Конная армия встречала бы, помимо польской конницы, 3-ю дивизию легионеров на линии Замостья, у Люблина – отличную во всех отношениях 1-ю дивизию легионеров, следовавшую к месту сосредоточения у Седлице по железной дороге. Польское командование могло без труда переадресовать и бросить на Буденного 18-ю пехотную дивизию, также перевозившуюся в эти дни по железной дороге из-под Львова через Люблин к Варшаве... Не забудем, что к вечеру 16-го противник мог сосредоточить в Ивангороде в резерве всю 2-ю дивизию легионеров. Кроме того, надо же учесть и прочие части 3-й польской армии, обеспечивавшей сосредоточение 4-й армии юго-восточнее Люблина. В Красноставе к 15 августа сосредоточивалась 6-я украинская дивизия, у Холма – 7-я. Короче говоря, очень трудно, почти совершенно невозможно допустить, чтобы польское командование, игнорируя расчет времени, пространства и свои возможности, панически отказалось от развития контрудара, решавшего, как последняя ставка, судьбу Варшавы, только под влиянием слухов о движении Конной армии в северо-западном направлении. Надо думать, что не пострадала бы особенно даже сама сила контрудара, ибо его начали бы непосредственно три дивизии (14-я, 16-я и 21-я) вместо четырех, как было на самом деле (если отбросить 1-ю дивизию легионеров). Это ничего существенно не изменило бы, поскольку дивизии польской ударной группы с началом наступления «двигались почти без соприкосновения с противником, так как незначительные стычки в том или ином месте с какими-то небольшими группами, которые при малейшем столкновении с нами рассыпались и убегали, нельзя было называть сопротивлением» (здесь Александр Ильич вполне к месту процитировал книгу Пилсудского «1920 год». – Б. С.).»

С этими аргументами трудно не согласиться. Действительно, более раннее движение армии Буденного к Замостью могло бы привести только к ослаблению польской ударной группировки на одну дивизию, что все равно не помешало бы Пилсудскому разбить войска Мозырской группы и зайти во фланг армиям Западного фронта.

Кстати сказать, только после неудачного похода на Варшаву возникла некоторая неприязнь между Сталиным и Тухачевским. До этого отношения Иосифа Виссарионовича и Михаила Николаевича были вполне теплыми. Вот только один пример. В январе 1920 года денкиинцы нанесли контрудар и вновь овладели Ростовом. 3 февраля, в день прибытия Тухачевского на Кавказский фронт, Буденный сообщал Сталину: «На фронте неблагополучно. Сегодня собирались сдать Новочеркасск. Если не приедете вы или кто-нибудь равный вам в Ростов, здесь произойдет катастрофа». Сталин ответил: «Я добился отставки Шорина и назначения нового комфронта Тухачевского – завоевателя Сибири и победителя Колчака. В Ревсовет вашего фронта назначен Орджоникидзе, который очень хорошо относится к Конармии».

Сталин хлопотал о назначении Тухачевского командующим фронтом, а тот вполне лояльно отнесся к Конармии, приняв сторону ее командования в спорах со штабом фронта и командующим соседней 8-й армии Г.Я. Сокольниковым.

В целом же в гражданскую войну Сталин, не будучи военным и не имея никакого военного опыта и знаний, боевыми операциями и не руководил, а занимался укреплением тыла, организацией войск, политической пропагандой и карательными органами. Он был организатором и трибуном, но не полководцем, и больше преуспел на ниве террора.

На пути к абсолютной власти

Сталин, как и Ленин, с самого начала своей революционной деятельности считал террор вполне допустимым методом революционной борьбы, отрицал жизнеспособность демократических институтов и ратовал за широкое применение большевиками государственного насилия в случае их прихода к власти. Придя в революционное движение на десятилетие позже Ленина, он в большей мере опирался как на труды классиков марксизма, так и на работы самого Ленина, не будучи оригинальным мыслителем. Оговоримся, что о первых годах революционной деятельности Сталина воспоминаний сохранилось мало, и на вопрос о его отношении к террору и насилию, особенно в случае прихода революционеров к власти, они ответа не дают. Публицистом Сталин до 1917 г. был куда менее плодовитым, чем Ленин, Троцкий, Зиновьев, Бухарин и другие партийные вожди. Оратором же Сталин считался плохим, выступал сравнительно редко и пространных речей не произносил, тем более, что в первые годы еще недостаточно владел русским языком. Другими же иностранными языками он практически не владел. Поэтому труды классиков марксизма читал только в русских переводах или судил о них, как и о трудах других западноевропейских авторов, по работам российских партийных публицистов.

Из свидетельств об отношении Сталина к террору в первые годы революционной деятельности можно привести следующее. Один из соратников Сталина по проведению батумской демонстрации 1902 г. вспоминал, что Коба обращался к демонстрантам: «Солдаты в нас стрелять не будут, а их командиров не бойтесь. Бейте их прямо по головам...» Такие провокационные призывы в значительной мере и вызвали кровавую расправу войск над батумской демонстрацией. Данное свидетельство доказывает, что Сталин с самого начала был склонен к применению насилия.

В сентябре – октябре 1904 г. в «Письме из Кутаиса» он утверждал: «Если сама масса и ее стихийное движение дают нам теорию социализма, то нечего ограждать массу от вредного влияния ревизионизма, терроризма, зубатовщины, анархизма: «стихийное движение само из себя рождает социализм». Эту теорию Сталин считал оппортунистической и противопоставлял ей как правильную ленинскую теорию, согласно которой необходимо «возвысить пролетариат до сознания истинных классовых интересов, до сознания социалистического идеала, а не то чтобы разменять этот идеал на мелочи или приспособить к стихийному движению». Но Ленин, как мы помним, осуждал только индивидуальный террор, да и то лишь на ранних этапах партийного строительства. Поэтому можно предположить, что в данном случае Сталин под вредным влиянием на рабочих имел в виду эсеровскую проповедь индивидуального террора.

В статье «Анархизм или социализм?», опубликованной в декабре 1906 – апреле 1907 года, Сталин цитировал высказывания основоположников марксизма о значении насилия: «Карл Маркс и Фридрих Энгельс еще в конце 1847 года писали:

«Коммунисты считают презренным делом скрывать свои взгляды и намерения. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного ниспровержения всего существующего общественного строя. Пусть господствующие классы содрогаются перед Коммунистической Революцией. Пролетариям нечего в ней терять, кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» (см. «Манифест коммунистической партии») ...

Сталин также цитировал Маркса, осуждавшего парижских коммунаров за мягкотелость и утверждавшего: «Надо было сейчас же идти на Версаль, как только Винуа, а вслед за ним и реакционная часть парижской Национальной гвардии бежали из Парижа. Момент был упущен из-за совестливости. Не хотели начинать гражданской войны, как будто бы чудовищный выродок Тьер не начал ее уже своей попыткой обезоружить Париж!»...

Так думали и действовали Карл Маркс и Фридрих Энгельс.

Так думают и действуют социал-демократы...

Ясно, что диктатура бывает двоякого рода. Бывает диктатура меньшинства, диктатура небольшой группы, диктатура Треповых и Игнатьевых, направленная против народа. Во главе такой диктатуры стоит обычно камарилья, принимающая тайные решения и затягивающая петлю на шее у большинства народа.

Марксисты являются врагами такой диктатуры, причем они борются против такой диктатуры гораздо более упорно и самоотверженно, чем наши крикливые анархисты.

Есть диктатура и другого рода, диктатура пролетарского большинства, диктатура массы, направленная против буржуазии, против меньшинства. Здесь во главе диктатуры стоит масса, здесь нет места ни камарилье, ни тайным решениям, здесь все делается открыто, на улице, на митингах, – и это потому, что это – диктатура улицы, массы, диктатура, направленная против всяких угнетателей.

Такую диктатуру марксисты поддерживают «обеими руками», – и это потому, что такая диктатура есть величественное начало великой социалистической революции».

Здесь Сталин вслед за Марксом и Энгельсом выступает решительным поборником революционного насилия и диктатуры пролетарского большинства над буржуазным меньшинством.

В марте 1908 г. в статье «Экономический террор и рабочее движение» Сталин утверждал: «...рабочие, разочаровавшись в силе поджогов и разрушений, переходили к «более резким формам», – к убийству директоров, управляющих, заведующих и т. д. Всех машин и заводов не уничтожишь, говорили тогда рабочие, да оно и не выгодно для рабочих, а напугать управляющих и скрутить в бараний рог всегда возможно при помощи террора, – так бей же их, нагоняй страх!

Это было время единоличных террористических столкновений на почве экономической борьбы.

Рабочее движение резко осудило как ту, так и другую форму борьбы, отбросив их в прошлое...

Ясно, что не ломать мы должны машины и заводы, – а завладеть ими, когда будет возможность, если мы в самом деле стремимся к уничтожению нищеты.

Вот почему отвергает рабочее движение анархически-бунтарские столкновения.

Нет сомнения, что и экономический террор имеет за собой известное, видимое «оправдание», поскольку он пускается в ход для устрашения буржуазии. Но что значит такой страх, если он мимолетен и скоропреходящ? А что он может быть только мимолетным, это ясно хотя бы из того, что невозможно практиковать экономический террор всегда и везде. Это во-первых. Во-вторых, что может дать нам мимолетный страх буржуазии и вызванная им уступка, если не будет у нас за спиной сильной массовой организации рабочих, всегда готовой бороться за рабочие требования и могущей удержать за собой завоеванные уступки?...

Нет, товарищи! Нам не пристало пугать буржуазию отдельными набегами из-за угла – предоставим заниматься такими «делами» известным налетчикам. Мы должны открыто выступать против буржуазии, мы должны все время, до окончательной победы, держать ее под страхом! А для этого требуется не экономический террор, а крепкая массовая организация, могущая повести рабочих на борьбу.

Вот почему отвергает рабочее движение экономический террор».

Сталин осуждал как луддизм (разрушение рабочими машин), так и индивидуальный и экономический террор, поскольку он мог нагнать на буржуазию лишь «мимолетный страх». Сталин явно подразумевал необходимость массового террора, когда в противоположность экономическому террору говорил о массовой организации рабочих. Очевидно, среди прочего, и для массового террора, который считал одним из эффективнейших орудий революции.

В дальнейшем к проблеме террора и насилия в государственном масштабе Сталин, поглощенный прежде всего сочинениями по национальному вопросу, вернулся уже после Февраля

ской революции и в преддверии революции Октябрьской. В статье «Правительство буржуазной диктатуры» 27 сентября (10 октября) 1917 года он писал: «Чем отличается диктатура буржуазии от диктатуры пролетариата и революционного крестьянства?»

Тем, что диктатура буржуазии есть господство меньшинства над большинством, осуществимое лишь путем насилия над большинством, требующее гражданской войны против большинства. Между тем как диктатура пролетариата и революционного крестьянства, как господство большинства над меньшинством, вполне может обойтись без гражданской войны».

Здесь он практически дословно повторял ленинские формулы.

Необходимо подчеркнуть, что, в отличие от некоторых других большевистских вождей вроде Бухарина или Рыкова, у Сталина в годы гражданской войны был непосредственный опыт организации массового террора в одном отдельно взятом регионе – в Царицыне.

31 августа 1918 года Сталин и Ворошилов из Царицына направили телеграмму председателю ВЦИК Свердлову: «Военный совет Северо-Кавказского военного округа, узнав о злодейском покушении наймитов буржуазии на жизнь величайшего революционера в мире, испытанного вождя и учителя пролетариата, товарища Ленина, отвечает на это низкое покушение из-за угла организацией открытого, массового систематического террора против буржуазии и ее агентов». Но к тому времени массовый террор в Царицыне, на который наступала казачья армия Донского атамана П.Н. Краснова, уже был развернут вовсю.

Деятельность Сталина в Царицыне летом и осенью 1918 года хорошо описал бывший полковник царской армии Анатолий Леонидович Носович, в белой армии Врангеля ставший генерал-майором. По заданию белого подполья он работал в штабе Северо-Кавказского военного округа, был арестован вместе почти со всем штабом округа по распоряжению Сталина, затем освобожден по настоянию Троцкого и в октябре 1918 г. благополучно перешел к белым. Носович, лично наблюдавший деятельность Сталина, еще в 1919 г. опубликовал под псевдонимом «А. Черноморцев» посвященный ему очерк в ростовском журнале «Донская Волна». Он писал: «Сталин не стесняется в выборе путей для достижения своих целей. Хитрый, умный, образованный и чрезвычайно изворотливый, он – злой гений Царицына и его обитателей. Всевозможные реквизиции, выселения из квартир, обыски, сопровождающиеся беззастенчивым грабежом, аресты и прочие насилия над мирными гражданами стали обычным явлением в жизни Царицына.

Главное назначение Сталина было снабжение продовольствием северных губерний, и для выполнения этой задачи он обладал неограниченными полномочиями и таким же кредитом. Кроме того, положение Сталина в рядах так называемых народных комиссаров весьма почетно, и он пользуется в «совнарком» большим весом. Все это вместе взятое позволило Сталину при его появлении в Царицыне сразу стать персоной, с которой вынуждены были считаться все: как местные власти, так и военный комиссариат кавказского округа, т. е. главным образом его комиссары латыш Зедин и казак Урюпинской станицы Селиванов, а после заменивший его Анисимов, находящийся ныне в такой же должности в Астрахани. Сталин сразу поставил себя как бы в стороне от внутренних и оперативных дел Северного Кавказа, но на самом деле, все комиссары как округа, так и города не предпринимали ни одного решения без одобрения этого важного наркома.

Немедленно после его приезда началась мобилизация буржуев на окопные работы в окрестностях города. Мобилизация проводилась с большими несправедливостями. Все уважаемые люди города были взяты на работы. Жизнь в городе стала пыткой.

Между тем, к концу июля положение Царицына и южных большевистских армий стало очень тяжелым.

Линия Гязи – Царицын оказалась окончательно перерезанной. На севере осталась лишь одна возможность получать припасы и поддерживать связь – это Волга. На юге, после занятия добровольцами Тихорецкой, положение стало тоже весьма шатким. А для Сталина, черпаю-

щего свои запасы исключительно из Ставропольской губернии, такое положение граничило с окончанием его миссии на юге. Но не в правилах, очевидно, такого человека, как Сталин, уходить от раз начатого им дела. Надо отдать справедливость ему, что его энергии может позавидовать любой из старых администраторов, а способности применяться к делу и обстоятельствам следовало бы поучиться многим.

Постепенно, по мере того, как он оставался без дела, вернее, попутно с уменьшением его прямой задачи, Сталин начал входить во все отделы управления городом, а главным образом в широкие задачи обороны Царицына в частности и всего кавказского, так называемого, революционного фронта вообще.

Сталин, благодаря своему положению, конечно, имел много преимуществ против присланного от центра же военного комиссариата и штаба округа, а потому борьба его и этих учреждений не предвещала для последних ничего хорошего. Но, тем не менее, борьба началась.

К этому времени в Царицыне вообще атмосфера сгустилась. Царицынская чрезвычайка работала полным темпом. Не проходило дня без того, чтобы в самых, казалось, надежных и потайных местах не открывались бы различные заговоры, настоящие или мнимые. Все тюрьмы города переполнялись.

Борьба на фронте достигла крайнего напряжения, а вместе с этим крайнего напряжения достигло и недоверие местных вождей к управлению краем, присланному из центра...

С 20 июля Царицын, а вместе с ним и весь Северный Кавказ перешел в ведение ничем не ограниченного сатрапа Сталина-Джугашвили.

К этому времени и местная контрреволюционная организация, стоящая на платформе Учредительного Собрания, значительно окрепла и, получив из Москвы деньги, готовилась к активному выступлению для помощи донским казакам в деле освобождения Царицына.

К большому сожалению, прибывший из Москвы глава этой организации, инженер Алексеев и его два сына, были мало знакомы с настоящей обстановкой, и, благодаря неправильно составленному плану, основанному на привлечении в ряды активно выступающих сербского батальона, организация быстро оказалась раскрытой. Многие из знающих настроение этих сербских выходцев предупреждали Алексеева о ненадежности данного элемента.

Но Алексеев не послушался, попался в руки ловкого шпиона, в лице помощника коменданта города, который прикинулся контрреволюционно настроенным, заслужил доверие и выдал всех, а также выдал место, где были спрятаны деньги организации в количестве 9 миллионов.

Резолюция Сталина была короткая: расстрелять. Инженер Алексеев, его два сына, а вместе с ними значительное количество офицеров, которые частью состояли в организации, а частью лишь по подозрению в соучастии в ней, были схвачены чрезвычайкой и немедленно без всякого суда расстреляны.

Незадолго до раскрытия этого заговора Сталин совершенно покончил с военным комиссариатом и штабом округа...

Открытие заговора Алексева... дало Сталину в руки мотив, при помощи которого он сумел уговорить рабочих стать под ружье.

Сталин в своих уговорах рабочих опирался на то, что буржуазия, при помощи вышеуказанных заговоров, вновь хочет взять верх...

Сталин крепко надеялся на агитацию. Он частенько поговаривал в спорах о военном искусстве: «Это все хорошо, что все говорят о необходимости военного искусства, но если у самого талантливого полководца в мире не будет сознательного и подготовленного правильной агитацией солдата, то, поверьте, он ничего не сможет сделать с самым ничтожным по количеству, но воодушевленным революционером».

И Сталин, сообразно своему убеждению, не жалел никаких средств на пропаганду, на издание газет, на их распространение, на посылку агитаторов...

Как известно, благодаря принятым Сталиным чрезвычайным мерам, красным тогда удалось удержать Царицын. А после прихода к власти в 1924 году Сталин стал постепенно распространять чрезвычайные меры на всю страну. В Царицыне существовали вполне реальные контрреволюционные организации. Однако террор распространился как на их действительных членов, так и на лиц, ошибочно заподозренных в причастности к контрреволюции. Кроме того, в рамках развязанной кампании террора, поводом к которой послужило разоблачение организации Алексеева, осуществленное с помощью классической чекистской провокации (по такой же схеме был сконструирован знаменитый «заговор послов» в Москве), Сталин заодно полностью сломил всякую оппозицию по отношению к себе как со стороны местного коммунистического руководства, так и со стороны штаба военного округа, пользовавшегося поддержкой Троцкого. Важным элементом стало использование факта раскрытия контрреволюционных заговоров в агитационных целях как среди советских войск, защищавших Царицын, так и среди царицынских рабочих.

Сталин в полной мере оценил потенциал всех выгод, получаемых от применения массового террора против «врагов народа». В Царицыне в 1918 году террор оправдывался сложившейся критической ситуацией. Город был осажденной крепостью, на которую наступали казаки Краснова. Сталин хорошо усвоил урок: достаточно объявить страну крепостью, осаждаемой враждебным капиталистическим окружением, и внутри страны можно развязывать массовый террор против «врагов народа» в интересах сохранения личной диктатуры. Но если в Царицыне в 1918 году существовали реальные антисоветские заговоры, то в Советском Союзе конца 20-х годов и в 30-е годы, когда Сталин решил распространить царицынский опыт на всю страну, реальных заговоров уже не было, поэтому для уничтожения потенциальной будущей оппозиции Сталину как из числа бывших «эксплуататоров», так и из числа бывших партийных оппозиционеров, ОГПУ, а потом НКВД пришлось обильно фабриковать мнимые заговоры. Реальными были только стихийные антисоветские крестьянские восстания в ходе коллективизации в начале 30-х годов. Большой террор 30-х годов также сыграл свою пропагандистскую роль. Разоблаченные мнимые заговоры, подкрепленные большими политическими судебными процессами, должны были доказать большинству населения, что империалисты по-прежнему плетут заговоры против Страны Советов и вот-вот собираются на нее напасть. Поэтому надо потуже затянуть пояса, сплотиться вокруг Сталина и усиленно вооружаться. А заодно во имя единства простить своему руководству и ошибки, и бесхозяйственность, и низкий уровень жизни, и отсутствие свободы.

В статье «Логика вещей (По поводу «Тезисов» ЦК меньшевиков)», опубликованной в «Правде» 29 октября 1918 года, Сталин призывал к расширению «красного террора». Он утверждал: «ЦК меньшевиков требует ни больше, ни меньше, как:

«Отмены чрезвычайных органов полицейских репрессий и чрезвычайных трибуналов» и «прекращения политического и экономического террора»...

С одной стороны, признается «историческая необходимость» диктатуры пролетариата, призванной подавить сопротивление буржуазии, с другой стороны, требуют отмены некоторых весьма важных орудий власти, без коих немислимо это подавление! Как же быть в таком случае с завоеваниями Октябрьской революции, против которой воюет буржуазия всеми силами, вплоть до организации террористических выступлений и разбойничьих заговоров? Как можно признавать «историческую необходимость» Октябрьского переворота, не признавая вытекающих из него неизбежных результатов и последствий?!»

Новый аппарат насилия, гораздо более совершенный, чем царский, Сталин считал необходимым и неизбежным следствием Октябрьской революции.

В статье «Наши разногласия», появившейся в «Правде» 19 января 1921 года в связи с дискуссией о профсоюзах, Сталин утверждал: «Существуют два метода: метод принуждения (военный метод) и метод убеждения (профсоюзный метод). Первый метод отнюдь не исклю-

чает элементов убеждения, но элементы убеждения подчинены здесь требованиям метода принуждения и составляют для него подсобное средство. Второй метод, в свою очередь, не исключает элементов принуждения, но элементы принуждения подчинены здесь требованиям метода убеждения и составляют для него подсобное средство. Смешивать эти два метода так же непозволительно, как непозволительно сваливать в одну кучу армию и рабочий класс.

Одна группа партийных работников, во главе с Троцким, упоенная успехами военных методов в армейской среде, полагает, что можно и нужно пересадить эти методы в рабочую среду, в профсоюзы для того, чтобы достичь таких же успехов в деле укрепления союзов, в деле возрождения промышленности. Но эта группа забывает, что армия и рабочий класс представляют две различные среды, что метод, пригодный для армии, может оказаться непригодным, вредным для рабочего класса и его профсоюзов.

Армия не есть однородная величина, она состоит из двух основных социальных групп, крестьян и рабочих, из коих первые преобладают над вторыми в несколько раз. Обосновывая необходимость преимущественного применения в армии методов принуждения, VIII съезд партии исходил из того, что армия наша состоит, главным образом, из крестьян, что крестьяне не пойдут бороться за социализм, что их можно и нужно заставлять бороться за социализм, применяя методы принуждения. Отсюда выросли такие чисто военные способы воздействия, как система комиссаров с политотделами, ревтрибуналы, дисциплинарные взыскания, сплошное назначенство и т. д.

В противоположность армии, рабочий класс представляет однородную социальную среду, предрасположенную, в силу экономического положения, к социализму, легко поддающуюся коммунистической агитации, добровольно организующуюся в профсоюзы и составляющую, ввиду всего этого, основу, соль Советского государства. Неудивительно поэтому, что преобладающее применение методов убеждения легло в основу практической работы наших производственных профсоюзов. Отсюда выросли такие чисто профсоюзные методы воздействия, как разъяснение, массовая пропаганда, развитие инициативы и самостоятельности рабочих масс, выборность и т. д.

Ошибка Троцкого состоит в том, что он недооценивает разницы между армией и рабочим классом, ставит на одну доску военные организации и профсоюзы, пытается, должно быть по инерции, перенести военные методы из армии в профсоюзы, в рабочий класс.

«Голое противопоставление, – говорит Троцкий в одном из документов, – военных методов (приказ, кара) профессионалистским методам (разъяснение, пропаганда, самостоятельность) представляет собой проявление каутскиански-меньшевистски-эсеровских предрассудков... Само противопоставление трудовой и военной организации в рабочем государстве представляет собой позорную капитуляцию перед каутскианством».

Так говорит Троцкий.

Если отвлечься от ненужной словесности о «каутскианстве», «меньшевизме» и пр., то ясно, что Троцкий не понял разницы между рабочими и военными организациями, не понял, что противопоставление военных методов методам демократическим (профсоюзным) в момент ликвидации войны и возрождения промышленности необходимо, неизбежно, что, ввиду этого, перенесение военных методов в профсоюзы ошибочно, вредно».

Там же Сталин заявил: «РСФСР и союзные с ней республики имеют теперь около 140 миллионов населения. Из них 80 % – крестьяне. Для того, чтобы править такой страной, необходимо иметь на стороне Советской власти прочное доверие рабочего класса, ибо только через рабочий класс и силами рабочего класса можно руководить такой страной. Но для того, чтобы сохранить и укрепить доверие большинства рабочих, нужно систематически развивать сознательность, самостоятельность, инициативу рабочего класса, нужно систематически воспитывать рабочий класс в духе коммунизма, организуя его в профсоюзы, вовлекая его в дело строительства коммунистического хозяйства.

Осуществить эту задачу методами принуждения и «перетряхивания» союзов сверху, очевидно, нельзя, ибо эти методы раскалывают рабочий класс... и порождают недоверие к Советской власти. Кроме того, нетрудно понять, что методами принуждения, вообще говоря, невозможно развить ни сознательность масс, ни доверие их к Советской власти.

Ясно, что только «нормальными методами пролетарской демократии внутри союзов», только методами убеждения можно будет осуществить задачу сплочения рабочего класса, поднятия его самостоятельности и упрочения его доверия к Советской власти, доверия, столь необходимого теперь для того, чтобы поднять страну на борьбу с хозяйственной разрухой.

Как видите, политика говорит тоже за методы убеждения».

В данном случае Сталин считал совершенно необходимым применение методов принуждения к основной массе населения страны – к крестьянству. Что же касается рабочих, то до какого-то момента, пока в руководстве партии продолжалась борьба группировок, он готов был допустить для них некоторые элементы демократии, в том числе выборность руководства профсоюзов, чтобы привлечь их на сторону своей группировки. Но после своего прихода к власти в 1924 году в качестве наследника Ленина Сталин быстро свел элементы внутрипартийной и профсоюзной демократии к нулю. К тому времени, когда в 1927 году была окончательно подавлена троцкистская оппозиция, Коба полностью подчинил своему влиянию не только партию, но и профсоюзы, где все руководство фактически назначалось по согласованию с партийными органами.

В программной статье «Партия до и после взятия власти», опубликованной 28 августа 1921 года, Сталин писал, что партия большевиков «из партии переворота внутри России превратилась в партию строительства, в партию созидания новых форм хозяйства. Раньше она вербовала лучшие силы рабочих для штурма старых порядков, теперь она вербует их для налаживания продовольствия, транспорта, основных отраслей индустрии. Раньше она привлекала революционные элементы крестьянства для свержения помещика, теперь она вербует их для улучшения сельского хозяйства, для упрочения союза между трудящимися элементами крестьянства и стоящим у власти пролетариатом. Раньше она вербовала лучшие элементы различных национальностей для борьбы с капиталом, теперь она вербует их для устройства жизни трудящихся элементов этих национальностей на началах сотрудничества с русским пролетариатом. Раньше она разрушала армию, старую генеральскую армию, теперь она должна создать новую рабоче-крестьянскую армию, необходимую для защиты завоеваний революции от внешних врагов».

Сталин акцентировал внимание на мирном строительстве государства, что было вполне логично после окончания гражданской войны и перехода от военного коммунизма к нэпу. Он утверждал: «Раньше можно было обойтись без знатоков военного и хозяйственного дела, ибо работа партии была по преимуществу критическая, а критиковать легко... Теперь партия не может обойтись без знатоков дела; наряду с использованием старых специалистов она должна выработать своих знатоков: формировщиков, снабженцев, операторов (по военной линии), продовольственников, сельскохозяйственников, железнодорожников, кооператоров, знатоков индустрии, внешней торговли (по хозяйственной линии). Без этого строить нельзя». Сталин делал упор на привлечение чиновников из народа, которые стали его главной опорой во внутрипартийной борьбе. Ему не нужны были ни «буржуазные спецы», в благонадежности, а тем более в личной преданности которых он сильно сомневался, ни старые партийцы, которые его сравнительно мало знали и не воспринимали как единоличного вождя.

Выступая на I Всероссийском совещании ответственных работников РКП 15 октября 1920 г., Сталин прямо заявил: «Страной управляют фактически те, которые овладели на деле исполнительными аппаратами государства, которые руководят этими аппаратами. Если рабочий класс действительно хочет овладеть аппаратом государства для управления страной, он должен иметь опытных агентов не только в центре, не только в тех местах, где обсуждаются и

решаются вопросы, но и в тех местах, где решения проводятся в жизнь. Только тогда можно сказать, что рабочий класс действительно овладел государством. Для того, чтобы добиться этого, нужно иметь достаточное количество кадров инструкторов по управлению страной. Основная задача РКИ состоит в том, чтобы выращивать, готовить эти кадры, привлекая к своей работе широкие слои рабочих и крестьян». Он одним из первых среди вождей партии понял значение аппарата для государственного управления и постарался сосредоточить подготовку руководящих кадров в рамках подчиненного ему Наркомата рабоче-крестьянской инспекции.

В докладе «О национальных моментах в партийном и государственном строительстве» на XII съезде РКП(б) 23 апреля 1923 года Сталин объяснил переход к нэпу поражением Красной Армии под Варшавой и необходимостью укрепить союз с крестьянством: «...Мы предприняли поворот внутри – в сторону нэпа и вне – в сторону замедления движения вперед, решив, что надо передохнуть, залечить свои раны – раны передового отряда, пролетариата, учинить контакт с крестьянским тылом, повести дальнейшую работу среди резервов, которые отстали от нас, – резервов западных и резервов восточных...»

Следовательно, нэп воспринимался Сталиным лишь как временное тактическое отступление и вовсе не мыслился всерьез и надолго даже при жизни Ленина.

Выступая на III Всероссийском съезде Советов 18/31 января 1918 года, Сталин озвучил формулу пролетарской диктатуры: «Нам, представителям рабочих, нужно, чтобы народ был не только голосующим, но и правящим. Властвуют не те, кто выбирают и голосуют, а те, кто правит». Это чрезвычайно созвучно сталинским словам, приводимым бывшим секретарем Политбюро Борисом Бажановым: «Совершенно неважно, кто и как будет в партии голосовать; но вот что чрезвычайно важно, это – кто и как будет считать голоса». Иосиф Виссарионович ясно давал понять, что в деле управления допустимы любые манипуляции, если они направлены на укрепление пролетарской диктатуры, а фактически – его личной власти.

Вскоре после окончания гражданской войны в личной жизни Сталина произошло важное событие. 21 марта 1921 года у него родился сын Василий. Но отец был огорчен, так как мечтал о дочери. По свидетельству секретаря Ленина Л.А. Фотиевой, тогда «Сталин перестал с Надей разговаривать... Не разговаривал целый месяц. Она решила уйти от него, переселиться к отцу. Произошло, наконец, объяснение. Сталин сказал, что обижен на нее за то, что она говорит ему «вы». После этого и она перешла на «ты». И помирились». Но окончательно Иосиф успокоился только через пять лет, когда родилась Светлана.

По утверждению племянника Надежды Владимира Аллилуева, ее ссора с Иосифом произошла еще до рождения Василия. В результате «перед родами Надежда ушла из дома, и никто не знал, где она находится. Родился Василий в каком-то родильном доме на окраине Москвы».

В отличие от второй жены, к матери Сталин относился с неизменным почтением, но навещал очень редко. Общались они главным образом посредством писем. Так, 16 апреля 1922 года Сталин писал матери: «Мама – моя! Здравствуй! Будь здорова, не допускай к сердцу печаль. Ведь сказано: «Пока жив – радовать буду свою фиалку, умру – порадуются черви могильные». Эта женщина – моя жена. Постарайся не дать ее в обиду». А 1 января 1923 года Иосиф желал матери жить десять тысяч лет. Это формула не раз повторялась в дальнейшем в сталинских письмах матери, которые становились все короче – сын сетовал на занятость. Вот, пожалуй, одно из наиболее содержательных писем от 24 марта 1934 года: «Письмо твое получил. Получил также варенье, чурчхели, инжир. Дети очень обрадовались и шлют тебе благодарность и привет. Приятно, что чувствуешь себя хорошо, бодро. Я здоров, не беспокойся обо мне. Я свою долю выдержу. Не знаю, нужны ли тебе деньги, или нет (сам Сталин с деньгами давно уже дела не имел. – Б. С.). На всякий случай присылаю тебе пятьсот рублей. Присылаю также фотокарточки – свою и детей. Будь здорова мама – моя! Не теряй бодрости духа!»

И к этому письму Сталин сделал еще приписку: «Дети кланяются тебе. После кончины Нади, конечно, тяжела моя личная жизнь. Но, ничего, мужественный человек должен оставаться всегда мужественным».

А в письме от 11 июня 1935 года, узнав о болезни матери, Сталин стремился ее ободрить: «Знаю, что тебе нездоровится... Не следует бояться болезни, крепись, все проходит». Этому принципу – не бояться болезней – Сталин следовал всю жизнь. Он верил, что сможет подчинить ход болезни своей воле. И еще верил, что «наш род, видимо, крепкий род» (слова из письма к матери от 10 марта 1937 года). И на похороны матери, скончавшейся 4 июня 1937 года, Иосиф не поехал. Думаю, дело здесь не только в загруженности государственными заботами. Сталин просто не хотел видеть мать мертвой, хотел сохранить ее образ вечно живым.

Рождение сына не внесло никаких коррективов в распорядок жизни Сталина, не побудило его больше внимания уделять семье. Политика оставалась его единственной страстью. Через год после рождения Василия произошло одно из важнейших событий в политической карьере Сталина. 3 апреля 1922 года Пленум ЦК, избранного на XI партсъезде, следуя ленинскому предложению, учредил должность генерального секретаря и избрал генсеком Сталина. Секретарями ЦК были избраны близкие Сталину В.М. Молотов и В.В. Куйбышев. В протоколе пленума было специально записано: «Принять следующее предложение Ленина: ЦК поручает Секретарю строго определить и соблюдать распределение часов официальных приемов и опубликовать его, при этом принять за правило, что никакой работы, кроме действительно принципиальной руководящей, секретари не должны возлагать на себя лично, перепоручая таковую работу своим помощникам и техническим секретарям. Тов. Сталину поручается немедленно приискать себе заместителей и помощников, избавляющих его от работы (за исключением принципиального руководства) в советских учреждениях. ЦК поручает Оргбюро и Политбюро в 2-х недельный срок представить список кандидатов в члены коллегии и замы Рабкрин с тем, чтобы т. Сталин в течение месяца мог быть совершенно освобожден от работы в РКИ...»

Сталин с радостью сосредоточился на работе в секретариате, ибо это была реальная власть, а не во многом эфемерные наркоматы по делам национальностей и рабоче-крестьянской инспекции.

На том же пленуме было избрано Политбюро из семи полноправных членов (Ленин, Троцкий, Сталин, Каменев, Зиновьев, Томский, Рыков) и трех кандидатов (Молотов, Калинин, Бухарин). Троцкий оказался в полной изоляции, поскольку Ленин в самое ближайшее время полностью утратил трудоспособность. В редкие периоды просветления он пытался наладить сотрудничество с Троцким, чтобы не допустить чрезмерного усиления Сталина. Остальные же члены Политбюро относились к Троцкому откровенно враждебно и, даже если и не питали особо теплых чувств к малообразованному и грубому Сталину, то, во всяком случае, считали его меньшим злом по сравнению с чрезвычайно амбициозным и авторитарным Троцким. Сталин, по крайней мере, были старым большевиком, в отличие от Троцкого, присоединившегося к фракции только в 1917 году. На стороне Сталина было и то, что он не был публичным политиком, не обладал сколько-нибудь заметной популярностью в массах. Ни Каменев, ни Зиновьев (а только они считались вождями первого ряда) не видели в нем политического соперника, а скорее хорошего бюрократа, своего рода заведующего партийной канцелярией. И просчитались, на свою голову, создав вместе со Сталиным триумvirат против Троцкого.

Замечу, что иной раз тогда Сталин поддерживал Троцкого, правда, в вопросах, которые не имели первостепенного политического значения. Так, 3 июля 1922 года Сталин писал в Политбюро: «Возбужденный тов. Троцким вопрос о завоевании близких к нам молодых поэтов путем материальной и моральной их поддержки является, на мой взгляд, вполне своевременным. Я думаю, что формирование советской культуры (в узком смысле слова), о которой так много писали и говорили одно время некоторые «пролетарские идеологи» (Богданов и другие), теперь только началось. Культура эта, по-видимому, должна вырасти в ходе борьбы тяго-

теющих к Советам молодых поэтов и литераторов с многообразными контрреволюционными течениями и группами на новом поприще. Сплотить советски настроенных поэтов в одно ядро и всячески поддерживать их в этой борьбе – в этом задача. Я думаю, что наиболее целесообразной формой этого сплочения молодых литераторов была бы организация самостоятельного, скажем, «Общества развития русской культуры» или чего-нибудь в этом роде. Попытаться пристегнуть молодых писателей к цензурному комитету или к какому-нибудь «казенному» учреждению, значит оттолкнуть молодых поэтов от себя и расстроить дело. Было бы хорошо во главе такого общества поставить обязательно беспартийного, но советски настроенного, вроде, скажем, Всеволода Иванова. Материальная поддержка вплоть до субсидий, обремененных в ту или иную приемлемую форму, абсолютно необходима».

К своей записке Сталин приложил докладную записку заместителя заведующего отделом агитации и пропаганды ЦК РКП(б) Я.А. Яковлева о настроениях в писательской среде. Там утверждалось: «В настоящее время уже выделился ряд писателей всех групп и литературных направлений, стоящих четко и определенно на нашей позиции. 21-й год оказался годом бурного литературного расцвета, выдвинувшего десятки новых крупных литературных имен из молодежи. В настоящий момент идет борьба между нами и контрреволюцией за завоевание значительной части этих литературных сил. (Вся эмигрантская печать стремится «купить» нашу литературную молодежь; «Утренники», журнал Питерского дома литераторов, орган откровенной контрреволюции, принужден оперировать теми же литературными именами, что и мы.) Основные организационные литературные центры – в руках белых (скрытых или явных) – Питерский дом литераторов, Всероссийский союз писателей. Наши организационные центры бездеятельны, немощны, не умеют привлечь нового писателя-революционера, советского человека, но не члена РКП...

Основные группы, политически нам близкие в настоящий момент:

А) старые писатели, примкнувшие к нам в первый период революции, – Валерий Брюсов, Сергей Городецкий, Горький и т. д.;

Б) пролетарские писатели, Пролеткульт (питерский и московский), насчитывающий ряд несомненно талантливых людей;

В) футуристы – Маяковский, Асеев, Бобров и т. д.;

Г) имажинисты – Мариенгоф, Есенин, Шершеневич, Кусиков и т. д.;

Д) Серапионовы братья – Всеволод Иванов, Шагинян, Н. Никитин, Н. Тихонов, Полонская и т. д.; ряд колеблющихся, политически неоформленных, за души которых идет настоящая война между лагерями эмиграции и нами (Борис Пильняк, Зощенко и т. д.);

Е) идущие к нам через сменовеховство – Алексей Толстой, Эренбург, Дроздов и т. д.

Оформить настроение сочувствия нам, привлечь на свою сторону колеблющихся можно путем создания единого центра, объединяющего эти группы писателей. Объединение должно быть безусловно беспартийным. Коммунистическое меньшинство должно отрешиться от недопустимого, ничем не оправдываемого коммунистического чванства, мешающего коммунистическому влиянию на беспартийных, но политически или социально близких нам писателей, особенно из молодежи.

Таким организационным центром может стать Всероссийский Союз Писателей, имеющий некоторую материальную базу и который при некоторой работе (достаточно тактичной и осторожной) завоевать можно...

Можно пойти и иным путем – путем организации «Общества развития русской культуры» – как беспартийного общества, объединяющего прежде всего литературную молодежь и имеющего некоторую материальную базу.

Можно пойти комбинированным путем – путем создания «Общества» с более строго ограниченным составом и одновременного завоевания Всероссийского Союза Писателей, рамки которого могли быть в этом случае более широкими».

И уже 6 июля 1922 года Политбюро приняло в целом предложения Троцкого «О молодых писателях и художниках», но добавило важный пункт: «В качестве формы организации и поддержки молодых поэтов наметить в предварительном порядке создание художественного издательства (при государственной субсидии), которое в общем и целом находилось бы под контролем Госиздата, но имело бы беспартийный характер и давало бы вполне достаточный простор для всяких художественных тенденций и школ, развивающихся в общесоветском направлении».

Ленин раньше Каменева и Зиновьева, в последние месяцы жизни диктаторскую натуру Сталина почувствовал, опасался, что другим партийным руководителям от него будет несладко, но сделать уже ничего не успел.

В начале 1920-х годов важным фактором, обострившим борьбу в партийном руководстве, стала болезнь Ленина. Именно она способствовала упрочению влияния Сталина внутри Политбюро. При находившемся в добром здравии Ленине Каменев, Зиновьев и Сталин никогда бы не рискнули заключить открытый блок против Троцкого. А выиграл от этого блока, как очень скоро выяснилось, один только Сталин.

Во время болезни он чаще других вождей навещал Ильича. Через него Ленин в те периоды, когда его ум прояснялся, пытался руководить партией. Кроме того, Иосиф Виссарионович был известен как человек жесткий и непреклонный, и Каменев и Зиновьев решили, что он лучше подходит, чтобы следить за режимом содержания больного Ленина. А последнего все чаще охватывали приступы отчаяния.

30 мая 1922 года Сталин в очередной раз посетил больного. Ильич попросил достать яду: «Теперь момент, о котором я Вам говорил раньше, наступил, у меня паралич, и мне нужна Ваша помощь». Сталин обещал, но уверил Ленина, что думать о яде пока рано, поскольку все шансы на выздоровление сохраняются. Вот что рассказывала об этом эпизоде Мария Ильинична Ульянова: «Зимой 20/21, 21/22 годов В.И. чувствовал себя плохо. Головные боли, потеря работоспособности сильно беспокоили его. Не знаю точно когда, но как-то в этот период В.И. сказал, что он, вероятно, кончит параличом, и взял со Сталина слово, что в этом случае тот поможет ему достать и даст ему цианистого калия. Сталин обещал».

Почему В.И. обратился с этой просьбой к Сталину? Потому что он знал его за человека твердого, стального, чуждого всякой сентиментальности».

Такой человек, как думал Ленин, лучше всего проведет его, ленинскую линию в партийных делах. У него есть большой опыт повседневной организационной, бюрократической работы. Он не болтает, а делает. И, с другой стороны, – не является публичным вождем, посредственный оратор, и при живом Ленине не будет претендовать на его место. Ведь Ильич еще надеялся поправиться, хотя надежда все чаще сменялась приступами отчаяния.

Однако в дальнейшем отношения между Лениным и Сталиным ухудшились. В сентябре 1922 года Сталин выступил с тезисами об «автономизации», т. е. о вхождении Украины, Белоруссии и Закавказских республик в состав РСФСР на правах автономных образований, но без атрибутов государственности. Ленин же считал, что для привлечения симпатий национальной интеллигенции надо соблюсти национально-государственный декорум и объявить на бумаге все эти образования равноправными республиками, «добровольно» (под сенью красноармейских штыков) объединившимися в Советский Союз. При этом ни военной, ни политической самостоятельности Ильич, как и Виссарионович, на практике предоставлять национальным окраинам бывшей Российской империи не собирался, будучи готов пойти на уступки лишь в расширении использования национальных языков наряду с непременным функционированием русского как общегосударственного. И направляя записку Каменеву и другим членам Политбюро в связи с «автономизацией», Ленин осторожно отмечал, что «Сталин немного имеет устремление торопиться», и советовал коллегам «подумать хорошенько». После чего вызвал Сталина к себе в Горки и убедил от «автономизации» отказаться. Дело, в конце концов,

не в названиях, а в сути. Пусть будут союзные республики, а не автономии, если национальному уху это приятнее. А в специальной записке «К вопросу о национальностях или об «автономизации» Ленин отметил «торопливость и административное увлечение Сталина, а также его озлобление против пресловутого «социал-национализма». Озлобление вообще играет в политике обычно самую худую роль». Здесь Ильич ошибся. Сталин чувствам в политике воли не давал и, казалось, к мести прибегал лишь тогда, когда видел в уничтожении противника политический выигрыш для себя. Но, с другой стороны, он уничтожил практически всех врагов, до которых смог добраться, от Москвы до далекой Мексики, и ни в одном случае не проиграл в политическом плане. Очевидно, все дело в созданной Сталиным системе режима личной власти, в которой гибель очередного или подлинного врага пропагандой обращалась на укрепление системы.

23 декабря 1922 года, после нового острого приступа болезни, Ленин начинает диктовать секретное «Письмо к съезду» (XII съезд РКП должен был открыться 11 января 1923 года). Диктовку он закончил 4 января 1923 года. Впоследствии оно часто именовалось «политическим завещанием» вождя.

Ленин не скупился на яркие тона при характеристике коллег по Политбюро и ЦК: «Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью. С другой стороны, тов. Троцкий, как доказала уже его борьба против ЦК в связи с вопросом о НКПС, отличается не только выдающимися способностями. Лично он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК, но и чрезмерно хватающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела. Эти два качества двух выдающихся вождей современного ЦК способны ненароком привести к расколу...» Беспомощный вождь больше всего боялся все же не раскола, а того, что в случае, если один из двух главных соперников, Сталин или Троцкий, укрепитсЯ на партийном Олимпе, для него, Ленина, там больше не будет места.

Других членов ЦК Ленин в «Письме к съезду» охарактеризовал еще менее уважительно. Зиновьеву и Каменеву напомнил их «октябрьский эпизод», когда они не только проголосовали против вооруженного восстания, но и сообщили об этом секретном решении в газетах. Чем-чем, а храбростью Григорий Евсеевич и Лев Борисович никогда не отличались, и Ленин прямо намекал на это.

Теоретические воззрения Бухарина, по ленинскому определению, схоластичны и «очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским» (такowymi Владимир Ильич скромно считал только воззрения Маркса, Энгельса и свои собственные).

Досталось и Юрию Леонидовичу Пятакову – человеку «несомненно выдающейся воли и выдающихся способностей, но слишком увлекающемуся администраторством и администраторской стороной дела, чтобы на него можно было положиться в серьезном политическом вопросе». В переводе на общечеловеческий язык это означало, что Пятаков, в ту пору – заместитель председателя ВСНХ Дзержинского (от «железного Феликса», не обладавшего административными способностями, в Высшем Совете Народного Хозяйства толку было мало), был прежде всего озабочен вопросами управления народным хозяйством и профессиональными качествами своих сотрудников, а не их политической благонадежностью. Это, по мнению Ленина, делало не вполне благонадежным самого Юрия Леонидовича.

Словом, всем сестрам по серьгам. Но в заключительной части письма, продиктованной 4 января 1923 года, больше всего досталось Кобе: «Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общении между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д. ... С точки

зрения предохранения от раскола и с точки зрения написанного мною... о взаимоотношениях Сталина и Троцкого это не мелочь, или это такая мелочь, которая может получить решающее значение».

Положим, чем-чем, а бранью Ленина удивить было трудно. Он сам и устно, и письменно не раз ругал как своих оппонентов, так и соратников по партии последними словами, так что порой в собрании сочинений приходилось ставить многоточия. Очень точно охарактеризовал заключительный период деятельности Ленина на посту главы Совнаркома Михаил Восленский в книге «Номенклатура»: «Когда читаешь страницу за страницей последние тома Полного собрания сочинений, встает образ постоянно раздраженного, капризного и придиричливого начальника, который по всякому поводу устраивает разносы своим подчиненным».

Но раз грубость в общении между коммунистами – вещь вполне терпимая, то что за беда, если Сталин лишний раз обругает кого-нибудь из партийцев. Может быть, Ленин считает недопустимым, если Сталин, занимающий ключевой пост в партии, будет груб с партийными товарищами. А те от него всецело зависят и не смогут ответить генсеку столь же непочтительно. Однако разве сам Ильич не позволял себе в эмиграции ругать соратников-большевиков, зависимых от него в денежном или ином отношении? Ведь ни один из обруганных соратников никогда не ответил вождю в адекватных непарламентских выражениях. Создается впечатление, что грубость Сталина для Ильича – только предлог, чтобы убрать его с поста генерального секретаря. Занемогший председатель Совнаркома всерьез опасался, что сосредоточенную в своих руках огромную власть вершителя судеб всех членов партии Сталин может не отдать никому, в том числе и ему, Ленину.

Секретарь Совнаркома Л.А. Фотиева прочитала письмо и познакомила с ним Сталина, Зиновьева и Каменева. На первом съезде без Ленина, XIII, обсуждение ленинского письма было организовано антитроцкистским триумvirатом не на пленарном заседании, а по делегациям, руководители которых уже были ориентированы генеральным секретарем в нужном духе. В результате Сталин остался на своем посту, ограничившись обещанием исправить отмеченные Лениным недостатки.

Троцкий так излагал историю своих взаимоотношений с Лениным в период болезни Ильича: «Ленин чувствовал, что в связи с его болезнью, за его и за моей спиной плетутся пока еще почти неуловимые нити заговора... Нет никакого сомнения в том, что для текущих дел Ленину было во многих случаях удобнее опираться на Сталина, Зиновьева или Каменева, чем на меня. Озабоченный неизменно сбережением своего и чужого времени, Ленин старался к минимуму сводить расход сил на преодоление внутренних трений. У меня были свои взгляды, свои методы работы, свои приемы для осуществления уже принятых решений. Ленин достаточно знал это и умел уважать. Именно поэтому он слишком хорошо понимал, что я не годюсь для поручений. Там, где ему нужны были повседневные исполнители его заданий, он обращался к другим... Так, своими заместителями по председательствованию в Совете народных комиссаров Ленин привлек сперва Рыкова и Цюрупу, а затем... Каменева. Я считал этот выбор правильным. Ленину нужны были послушные практические помощники. Для такой роли я не годился...»

В последние недели перед вторым ударом (т. е. в ноябре или начале декабря 1922 года. – Б. С.) ... Ленин имел со мной большой разговор о моей дальнейшей работе... «Да, бюрократизм у нас чудовищный, – заметил Ленин, – я ужаснулся после возвращения к работе... Но именно поэтому вам не следует, по-моему, погружаться в отдельные ведомства сверх военного... Вам необходимо стать моим заместителем (в Совнаркоме. – Б. С.)». Я... сослался на «аппарат», который все более затрудняет мне работу даже и по военному ведомству. «Вот вы и сможете перетряхнуть аппарат», – живо подхватил Ленин, намекая на употребленное мною некогда выражение. Я ответил, что имею в виду не только государственный бюрократизм, но и партийный; что суть всех трудностей состоит в сочетании двух аппаратов и во взаимном укры-

вательстве влиятельных групп, собирающихся вокруг иерархии партийных секретарей. Ленин слушал напряженно и подтверждал мои мысли тем глубоким грудным тоном, который у него появлялся, когда он, уверившись в том, что собеседник понимает его до конца, и отбросив неизбежные условности беседы, открыто касался самого важного и тревожного. Чуть подумав, Ленин поставил вопрос ребром: «Вы, значит, предлагаете открыть борьбу не только против государственного бюрократизма, но и против Оргбюро ЦК (определявшего кадровую политику. – Б. С.)?» Я рассмеялся от неожиданности. Оргбюро ЦК означало самое средоточие сталинского аппарата. «Пожалуй, выходит так». «Ну, что ж, – продолжал Ленин, явно довольный тем, что мы назвали по имени существо вопроса, – я предлагаю вам блок: против бюрократизма вообще, против Оргбюро в частности». «С хорошим человеком лестно заключить хороший блок», – ответил я. Мы условились встретиться снова через некоторое время. Ленин предлагал обдумать организационную сторону дела. Он намечал создание при ЦК комиссии по борьбе с бюрократизмом. Мы оба должны были войти в нее. По существу, эта комиссия должна была стать рычагом для разрушения сталинской фракции, как позвоночника бюрократии, и для создания таких условий в партии, которые дали бы мне возможность стать заместителем Ленина, по его мысли: преемником на посту председателя Совнаркома. Только в этой связи становится полностью ясен смысл так называемого завещания... Бесспорная цель завещания: облегчить мне руководящую работу». По утверждению Троцкого, только обострение ленинской болезни помешало успеху задуманного блока.

Думаю, что подобный разговор между Лениным и Троцким действительно мог быть. Только Владимир Ильич про себя думал немножко другое, чем понял Лев Давыдович. Ленин чувствовал во все усиливавшемся контроле Сталина над партийным аппаратом угрозу собственной власти. Ильич тогда еще надеялся, что время для активной политической деятельности у него есть. И надеялся, что сможет сам огласить «завещание» на одном из партийных съездов. И наверняка не помышлял назначить Троцкого, впрочем, как и Сталина или любого другого своим преемником. Иначе бы ясно обозначил в завещании имя преемника.

Предлагаемая комиссия по борьбе с бюрократизмом была чистой фикцией, и сам Ильич это понимал. Он рассчитывал, что Троцкий клюнет на это предложение и решит, что получит действенный рычаг укрепления своего влияния. На самом деле, как показал опыт советских десятилетий, неоднократно создававшиеся комиссии такого рода призваны были лишь создать у народа впечатление, что власть борется с бюрократами. Однако болезнь свела на нет ленинский замысел.

Неприязнь Ленина к Сталину усилил один инцидент, случившийся 21 декабря 1922 года. В тот день по просьбе мужа Крупская продиктовала письмо Троцкому, где поддерживалась его позиция по укреплению государственной монополии внешней торговли. О содержании письма стало известно Сталину. Генсек заподозрил, что о решении пленума ЦК поддержать позицию Троцкого, противоположную сталинской, Ильича информировала Надежда Константиновна. На другой день он устроил Крупской разнос.

Вот как описывает эти события Мария Ильинична Ульянова: «Сталин вызвал ее к телефону и в довольно резкой форме, рассчитывая, видимо, что до В.И. это не дойдет, стал указывать ей, чтобы она не говорила В.И. о делах, а то, мол, он ее в ЦКК потянет. Н.К. этот разговор взволновал чрезвычайно: она была совершенно не похожа сама на себя, рыдала, каталась по полу и пр.»

Надежда Константиновна 23 декабря 1922 года обратилась с письмом к Каменеву: «Лев Борисович, по поводу коротенького письма, написанного мною под диктовку Владимира Ильича с разрешения врачей, Сталин позволил себе вчера по отношению ко мне грубейшую выходку. Я в партии не один день. За все 30 лет я не слышала ни от одного товарища ни одного грубого слова, интересы партии и Ильича мне не менее дороги, чем Сталину. Сейчас мне нужен максимум самообладания. О чем можно и о чем нельзя говорить с Ильичом, я знаю

лучше всякого врача, так как знаю, что его волнует, что нет, и во всяком случае лучше Сталина. Я обращаюсь к Вам и к Григорию (Зиновьеву. – Б. С.), как более близким товарищам В.И. и прошу оградить меня от грубого вмешательства в личную жизнь, недостойной брани и угроз». А в конце сказала несколько слов и о ЦКК: «В единогласном решении Контрольной комиссии, которой позволяет себе грозить Сталин, я не сомневаюсь, но у меня нет ни сил, ни времени, которые я могла бы тратить на эту глупую склоку. Я тоже живая, и нервы напряжены у меня до крайности».

Каменев дело замаял, никаких оргвыводов по отношению к Крупской, разумеется, не последовало, но и Сталина осторожный Лев Борисович за его выходку журить не стал. Только осталась на сердце у Надежды Константиновны тяжесть от происшедшего. Хотя, по воспоминаниям Марии Ильиничны Ульяновой, через несколько дней Сталин звонил Крупской и, «очевидно, старался сгладить неприятное впечатление, произведенное на Надежду Константиновну его выговором и угрозами».

5 марта 1923 года Ильич диктовал письмо Троцкому в присутствии Крупской. Надежда Константиновна не выдержала и рассказала мужу о своем столкновении с генеральным секретарем. Может быть, на этот поступок ее спровоцировал критический тон письма по отношению к Сталину. Два с половиной месяца крепилась и ничего не говорила о неприятном происшествии, чтобы не волновать больного. Личный секретарь Крупской Вера Соломоновна Дридзо в письме в журнал «Коммунист», написанном в 1989 году, со слов Надежды Константиновны так рассказывала об объяснении супругов в тот мартовский день: «Надежда Константиновна и Владимир Ильич о чем-то беседовали. Зазвонил телефон. Надежда Константиновна пошла к телефону (телефон в квартире Ленина всегда стоял в коридоре). Когда она вернулась, Владимир Ильич спросил: «Кто звонил?» – «Это Сталин, мы с ним помирились». – «То есть как?» И пришлось Надежде Константиновне рассказать все, что произошло в декабре 1922 года».

Ленин, узнав об этом случае, тоже сильно разволновался. Продиктовал гневное письмо Сталину: «Уважаемый т. Сталин. Вы имели грубость позвать мою жену к телефону и обругать ее. Хотя она Вам выразила согласие забыть сказанное, но тем не менее этот факт стал известен через нее же Зиновьеву и Каменеву. Я не намерен забывать так легко то, что против меня сделано, а нечего и говорить, что сделанное против жены я считаю сделанным и против меня. Поэтому прошу Вас взвесить, согласны ли Вы взять сказанное назад и извиниться или предпочтаете порвать между нами отношения. С уважением Ленин».

После этого Ленину стало плохо. Запись в журнале дежурных секретарей от 5 марта 1923 года свидетельствует: «Владимир Ильич вызывал около 12-ти. Просил записать два письма: одно Троцкому, другое – Сталину; передать первое лично по телефону Троцкому и сообщить ему ответ как можно скорее. Второе пока просил отложить, сказав, что сегодня у него что-то плохо выходит. Чувствовал себя нехорошо».

На следующий день, согласно записи Володичевой, Ленин прочитал письмо, адресованное Сталину, и «просил передать лично и из рук в руки получить ответ. Продиктовал письмо группе Мдивани. Чувствовал себя плохо. Надежда Константиновна просила этого письма Сталину не посылать, что и было сделано в течение 6-го (т. е., переводя с канцелярского на общепонятный: в этот день письмо Сталину так и не было передано. – Б. С.). Но 7-го я сказала, что я должна исполнить распоряжение Владимира Ильича. Она переговорила с Каменевым, и письмо было передано мной лично Сталину и Каменеву, а затем и Зиновьеву, когда он вернулся из Питера. Ответ от Сталина был получен тотчас же после получения им письма Владимира Ильича (письмо было передано мной лично Сталину и мне был продиктован его ответ Владимиру Ильичу). Письмо Владимиру Ильичу еще не передано, так как он заболел».

Вот текст сталинского письма, которое Ленин, возможно, никогда не получил: «Ленину от Сталина. Только лично. Т. Ленин! Недель пять назад я имел беседу с т. Н. Константиновной, которую я считаю не только Вашей женой, но и моим старым партийным товарищем, и сказал

ей по телефону приблизительно следующее: «Врачи запретили давать Ильичу политинформацию, считая такой режим важнейшим средством вылечить его, между тем Вы, Надежда Константиновна, оказывается, нарушаете этот режим, нельзя играть жизнью Ильича» и пр. Я не считаю, что в этих словах можно было усмотреть что-либо грубое или непозволительное, предпринятое «против» Вас, ибо никаких других целей, кроме цели быстрее Вашего выздоровления, я не преследовал. Более того, я считал своим долгом смотреть за тем, чтобы режим проводился. Мои объяснения с Н. Константиновной подтвердили, что ничего, кроме пустых недоразумений, не было тут да и не могло быть.

Впрочем, если Вы считаете, что для сохранения «отношений» я должен «взять назад» сказанные выше слова, я их могу взять назад, отказываясь, однако, понять, в чем тут дело, где моя вина и чего собственно от меня хотят. И. Сталин».

Иосиф Виссарионович тонко почувствовал нарастающее беспокойство вождя по поводу своего положения в партии. И понял, что Ленин уже не выздоровеет и не обретет прежнего могущества. Поэтому в письме говорит с ним абсолютно на равных, не признавая ни превосходства Ильича, ни ленинского права критиковать его, Сталина, в чем-либо.

Тогда же, в марте 1923 года, Ленин осудил позицию Сталина в связи с инцидентом, когда Орджоникидзе ударил одного из лидеров грузинских коммунистов Буду Мдивани, выступавшего против вхождения Грузии в состав Закавказской Федерации. Орджоникидзе обвинил грузинских коммунистов в «буржуазном национализме». Сталин не осудил поведение Серго и попытался спустить инцидент «на тормозах». Ленин осудил такую позицию, увидев в ней проявление «великодержавного шовинизма». 5 марта 1923 года он просил Троцкого «взять на себя защиту грузинского дела на ЦК партии. Дело сейчас находится под «преследованием» Сталина и Дзержинского, и я не могу положиться на их беспристрастие. Даже совсем напротив». Но Троцкий сам в тот момент тяжело болел и вынужден был отклонить просьбу Ленина. А 6 марта Ленин продиктовал последний в своей жизни текст: «Тт. Мдивани, Махарадзе и др. Копия – тт. Троцкому и Каменеву. Уважаемые товарищи! Всей душой слежу за вашим делом. Возмущен грубостью Орджоникидзе и потачками Сталина и Дзержинского. Готовлю для Вас записки и речь. С уважением. Ленин». Но Сталина поддержали Каменев и Зиновьев, и дело с рукоприкладством Орджоникидзе было замято. А Буду Мдивани расстреляли в 1938 году.

В начале января 1924 года в беседе с только что назначенным помощником главкома по кавалерии Семеном Михайловичем Буденным Сталин заявил: «Владимир Ильич тяжело болен. Оппозиция поднимает голову. Им не нравится партийная дисциплина, требуют свободы фракций. Керзоны, всякая белогвардейская шваль, меньшевики только и ждут, что в нашей партии начнется стычка».

Тогда троцкистская оппозиция уже рассматривалась Сталиным в качестве будущего первоочередного объекта для террора, даже по сравнению с «эксплуататорами» и бывшими белогвардейцами.

Сталин уже в период болезни Ленина ощутил приближение своего звездного часа. Он вполне мог стать главным олицетворением диктатуры пролетариата, готовым применять самые крайние меры для сохранения большевистской власти, которую он стал отождествлять со своей личной диктатурой. Уже тогда он понимал значение аппарата как главной опоры собственной диктатуры и не собирался длить нэп, сделав главный упор на индустриализацию (а фактически – милитаризацию) народного хозяйства. Готовой теории государственного строительства у Сталина не было, зато был немалый практический опыт аппаратной работы, что и оказалось решающим в развернувшейся после смерти Ленина борьбе за власть.

Бывший секретарь Политбюро Борис Бажанов вспоминал: «Когда вы хорошо знакомитесь с личностью Ленина или Сталина, вас поражает потрясающее, казалось бы, маниакальное стремление к власти, которому все подчинено в жизни этих двух людей. На самом деле ничего особенно удивительного в этой жажде власти нет. И Ленин, и Сталин – люди своей доктрины,

марксистской доктрины, их системы мысли, определяющей всю их жизнь. Чего требует доктрина? Переворота всей жизни общества, который может и должен быть произведен только путем насилия. Насилия, которое совершит над обществом какое-то активное, организованное меньшинство, но при одном непременном, обязательном условии – взявши предварительно в свои руки государственную власть. В этом альфа и омега: ничего не сделаешь, говорит доктрина, не взявши власть. Все сделаешь, все переменишь, взяв в свои руки власть. На этой базе построена вся их жизнь.

Власть приходит в руки Ленина, а потом Сталина не только потому, что они маниакально, безгранично к ней стремятся, но и потому, что они в партии являются и наиболее полными, наиболее яркими воплощениями этой основной акции партийной доктрины. Власть – это все, начало и конец. Этим живут Ленин и Сталин всю жизнь. Все остальные вынуждены идти за ними следом.

Но власть взята активным меньшинством при помощи насилия и удерживается этим же активным меньшинством при помощи насилия над огромным большинством населения. Меньшинство (партия) признает только силу. Население может как угодно плохо относиться к установленному партией социальному строю, власть будет бояться этого отрицательного отношения и маневрировать (Ленин – нэп), только пока будет считать, что ее полицейская система охвата страны недостаточно сильна и что есть риск потерять власть. Когда система полицейского террора зажимает страну целиком, можно применять насилие, не стесняясь (Сталин – коллективизация, террор 30-х годов), и заставить страну жить по указке партии, хотя бы это стоило миллионов жертв».

Сталин внес важное принципиальное дополнение в ленинскую модель социалистического (коммунистического) государства. Генсек распространил возможность применения государственного насилия на несогласных с ним членов партии, тогда как Ленин никогда не говорил о такой возможности, полагая, что по отношению к товарищам по партии надо применять только методы убеждения. Кроме того, Сталин, имея опыт практического осуществления террора в Царицыне в 1918 году, очень хорошо представлял себе как пропагандистские возможности террора для сплочения народа, так и возможности использования террора для того, чтобы заставить работать на новую власть тех, кто без какого-либо сочувствия относится к идее построения коммунистического государства.

В своей монографии «Сталин», закончить которую помешала смерть от ледоруба подосланного главным героем книги убийцы, Лев Троцкий утверждал, что на XI съезде РКП(б) (март 1921) «Ленин в тесном кругу, возражая против назначения Сталина генеральным секретарем, произнес свою знаменитую фразу: «Не советую, этот повар будет готовить только острые блюда!»

Несомненно, Ленин понимал, что Сталин и грубее его, и более жесток по отношению к своим партийным товарищам (по отношению к остальному населению оба вождя не уступали друг другу в жестокости), но никакой реальной альтернативы Сталину не видел. По мнению А. Безансона, «Сталин довольствовался тем, что с ленинской решимостью и последовательностью применял ленинские принципы».

Ленин был личностью харизматической, обладал замечательным политическим чутьем и глубоким стратегическим мышлением. Недаром ему удалось убедить коллег по ЦК заключить «похабный» Брестский мир, поскольку он один из немногих тогда понимал, что находящаяся в расцвете своего могущества Германия долго не продержится. Ленин также убедил ряд колебавшихся соратников, что в октябре 17-го – самое время для новой революции и что столь благоприятный момент нескоро может повториться. Но вот в решении конкретных организационных задач как в партии, так и в правительстве, вождь большевиков не был силен. Доказательство тому – многие тысячи записок, которые Ильич оставил своему аппарату в попытках решать мельчайшие вопросы государственной жизни, вплоть до снабжения канцтоварами. Все

это как раз и говорит о неумении правильно организовать работу только еще становившейся на ноги советской бюрократии. Поэтому Ленину с самого начала требовался дуумвир-соправитель, который взял бы на себя решение всех организационных вопросов. И такой человек нашелся сразу же. Этот человек – Яков Михайлович Свердлов, еще в апреле 1917 года возглавивший секретариат ЦК партии, а после победы Октябрьского восстания ставший председателем ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов. Он играл важную, если не главную роль в ряде важнейших решений, например в принятии директивы о расказачивании или в решении вопроса об убийстве царской семьи. Практически он играл при Ленине ту же роль, которую в 1922 году стал играть Сталин, став генеральным секретарем партии. Если бы не внезапная смерть Свердлова от «испанки» в марте 1919 года, в возрасте всего 33 лет, Яков Михайлович наверняка стал бы преемником Ленина и выполнил бы примерно ту же программу террора и укрепления личной диктатуры, какую в реальности воплотил в жизнь Сталин. Тогда бы вместо «сталинщины» был бы в ходу термин «свердловщина», а сам Сталин был бы, скорее всего, расстрелян вместе с Бухариным, Рыковым и другими «правыми уклонистами». Хороший сюжет для романа в жанре альтернативной истории. И, кстати сказать, встает вопрос, пощадил бы Свердлов, придя к единоличной власти, своих дальних родственников – главу НКВД Генриха Ягоду и главу РАППа Леопольда Авербаха. Генрих Григорьевич был сыном Гирша Филипповича Ягоды, который приходился двоюродным братом Михаилу Израилевичу Свердлову, отцу Якова Свердлова. Также Ягода был женат на Иде Леонидовне Авербах, дочери родной сестры Якова Свердлова Софьи Михайловны, своей троюродной племяннице. Подозреваю, что Генрих Григорьевич все равно был обречен из-за своей должности главы карательного ведомства. В эпоху террора это была очень плохая должность с точки зрения выживаемости тех, кто ее занимал. Как известно, в реальности насильственной смертью умер не только Ягода, но и почти все преемники на этом посту – Ежов, Берия, Абакумов. Повезло только Семену Денисовичу Игнатьеву, который сменил во главе МГБ Абакумова. А вот у Леопольда Леонидовича Авербаха в случае, если бы диктатором стал не Сталин, а Свердлов, появился бы реальный шанс уцелеть. И, разумеется, Максим Горький, который, как и Свердлов, был родом из Нижнего Новгорода, имел бы возможность и при свердловской диктатуре играть роль первого советского писателя. Правда, учитывая национальность Свердлова, вряд ли бы послевоенная идеологическая кампания была бы посвящена не борьбе с «безродными космополитами», а только с «низкопоклонством перед Западом».

В своей биографии Сталина Троцкий писал: «Русские террористы были, по сути дела, мелкобуржуазными демократами, но крайне решительными и смелыми. Марксисты не раз называли их «либералами с бомбой». Сталин был и остается политиком золотой середины, не останавливающимся, однако, перед самыми крайними средствами. Стратегически он – оппортунист; тактически – «революционер». В своем роде оппортунист с бомбой».

Можно сказать, что Сталин был оппортунистом в плане идеологии, ради сохранения личной власти без труда отступая от тех или иных марксистских догм. По готовности же применять крайние средства в виде массового террора Сталин был настоящим ультрареволюционером, далеко превосходящим в этом отношении и Робеспьера, и Кромвеля, и Кальвина. В то же время, еще до своего прихода к власти Сталин сформулировал основные принципы работы и комплектования государственного аппарата, который при нем окончательно сросся с партийным аппаратом.

Как и у Ленина, революционными кумирами прошлого у Сталина были Кромвель и Робеспьер. Исаак Дойчер в своей «Политической биографии Сталина», впервые появившейся в 1949 г., писал: «Как Кромвель, Робеспьер и Наполеон, он начал как слуга восставшего народа и стал его хозяином. Как Кромвель, он воплощал преемственность революции во всех ее фазах и метаморфозах... Как Робеспьер, он обескровил свою собственную партию. Как Наполеон, он создал свою отчасти консервативную, отчасти революционную империю и распространил

революцию за пределы ее границ». Здесь Сталин назван «хозяином» народа. Что характерно, именно этим словом называли за глаза Сталина его соратники уже во второй половине 20-х годов, и генсек об этом наверняка знал. Несомненно, такое определение Сталину импонировало. Дойчер прав в том, что, подобно Наполеону, Сталин создал революционную империю и распространил коммунистические порядки далеко за пределы России. А вот тезис о том, что он обескровил партию, требует пояснения. Сталин действительно уничтожил много старых большевиков, тем самым создав послушную и подконтрольную себе партию. Но тем самым он как раз и создал послушное орудие для проведения своей политической линии, которая, в частности, предусматривала отказ от подготовки мировой революции и превращение России в коммунистическую империю, распространяющую влияние коммунизма на другие страны прежде всего силой оружия, а не силой идей.

В беседе с Г. Д. Уэллсом 23 июля 1934 г. Сталин прямо говорил о своих симпатиях к Кромвелю: «Коммунисты исходят из богатого исторического опыта, который учит, что отжившие классы добровольно не уходят с исторической сцены. Вспомните историю Англии XVII века. Разве не говорили многие, что сгнил старый общественный порядок? Но разве, тем не менее, не понадобился Кромвель, чтобы его добить силой?» А на возражение Уэллса, что «Кромвель действовал, опираясь на конституцию и от имени конституционного порядка», советский диктатор возразил: «Во имя конституции он прибегал к насилию, казнил короля, разогнал парламент, арестовывал одних, обезглавливал других!»

Что же касается Робеспьера, то Сталин еще во время ссылки в Курейке тщательно проштудировал «Политическую историю французской революции» Франсуа Виктора Альфонса Олара. Наверняка ему, как и Ленину, были особо близки слова из выступления Робеспьера в Конвенте 5 февраля 1794 г: «...первым правилом нашей политики должно быть управление народом – при помощи разума и врагами народа – при помощи террора». А в ноябре 1927 г. в статье «Международный характер Октябрьской революции» Сталин заявил: «Раньше «якобинец» был страшилищем всей буржуазии.

Теперь большевик является страшилищем буржуазии...

Как раньше, в период падения феодализма, слово «якобинец» вызывало у аристократов всех стран ужас и омерзение, так и теперь, в период падения капитализма, слово «большевик» вызывает у буржуазии всех стран ужас и омерзение».

Сталин ощущал свою связь с якобинцами, хотя и не слишком часто публично обращался к опыту Французской революции, поскольку эту тему во многом приватизировали троцкисты, обвинявшие Сталина в «термидорианском перерождении». И Кромвель импонировал Сталину, как и Ленину, прежде всего потому, что одержал политическую победу, тогда как Робеспьер оказался неудачником, заплатившим за проигрыш жизнью.

Важную роль в становлении Сталина как вождя в глазах масс сыграла его клятва, произнесенная над гробом Ленина. 26 января 1924 года, выступая на II Всесоюзном съезде Советов, Сталин произнес эту знаменитую клятву. Речь называлась «По поводу смерти Ленина», которую в дальнейшем стали называть «сталинской клятвой». Он заявил: «Товарищи! Мы, коммунисты, – люди особого склада. Мы скроены из особого материала. Мы – те, которые составляем армию великого пролетарского стратега, армию товарища Ленина (слово «армия», как и другие военные термины, Сталин любил. Они часто встречаются в его речах и статьях применительно к сугубо политическим и экономическим, а не военным вопросам. – Б. С.). Нет ничего выше, как честь принадлежать к этой армии. Нет ничего выше, как звание члена партии, основателем и руководителем которой является товарищ Ленин. Не всякому дано быть членом такой партии. Сыны рабочего класса, сыны нужды и борьбы, сыны невероятных лишений и героических усилий вот кто, прежде всего, должны быть членами такой партии. Вот почему партия ленинцев, партия коммунистов называется вместе с тем партией рабочего класса.

Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам держать высоко и держать в чистоте великое звание члена партии. Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы с честью выполним эту твою заповедь!..

Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам хранить единство нашей партии, как зеницу ока. Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы с честью выполним и эту твою заповедь!..

Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам хранить и укреплять диктатуру пролетариата. Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы не пощадим своих сил для того, чтобы выполнить с честью и эту твою заповедь!

Диктатура пролетариата создавалась в нашей стране на основе союза рабочих и крестьян. Это первая и коренная основа Республики Советов. Рабочие и крестьяне не могли бы победить капиталистов и помещиков без наличия такого союза. Рабочие не могли бы разбить капиталистов без поддержки крестьян. Крестьяне не могли бы разбить помещиков без руководства со стороны рабочих. Об этом говорит вся история гражданской войны в нашей стране. Но борьба за укрепление Республики Советов далеко еще не закончена, – она приняла лишь новую форму. Раньше союз рабочих и крестьян имел форму военного союза, ибо он был направлен против Колчака и Деникина. Теперь союз рабочих и крестьян должен принять форму хозяйственного сотрудничества между городом и деревней, между рабочими и крестьянами, ибо он направлен против купца и кулака, ибо он имеет своей целью взаимное снабжение крестьян и рабочих всем необходимым. Вы знаете, что никто так настойчиво не проводил эту задачу, как товарищ Ленин.

Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам укреплять всеми силами союз рабочих и крестьян. Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы с честью выполним и эту твою заповедь!..

Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам укреплять и расширять Союз республик. Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы выполним с честью и эту твою заповедь!..

Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам верность принципам Коммунистического Интернационала. Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы не пощадим жизни для того, чтобы укреплять и расширять союз трудящихся всего мира – Коммунистический Интернационал!»

Французский философ Ален Безансон так комментирует следующее место из «сталинской клятвы»: «Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам держать высоко и держать в чистоте великое звание члена партии. Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы с честью выполним эту твою заповедь!

Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам хранить единство нашей партии, как зеницу ока. Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы с честью выполним и эту твою заповедь!»: «Понять «клятву» Сталина позволяет следующее: унаследованная от Ленина триада «идеология – партия – власть» не может быть разъята. Ленин свободно ее сформулировал, и она стала необходимостью. Отныне ее приходится терпеть. В свое время Ленину пришла в голову первая часть триады. Он выковал вторую. Он завоевал третью. Его наследникам следует читать триаду в обратном порядке. Если они хотят сохранить власть, они должны защищать единство партии, а для этого надо сохранять ее нематериальную душу, идеологию. И теперь в России невозможно потерять власть, не потеряв жизнь. Сохранение идеологии, не важно, живой или мертвой, стало вопросом жизни и смерти».

Здесь французский философ верно подметил, что с приходом Сталина к власти сама власть уже полностью отождествлялась с партией. Весьма показательно, что Сталину не пришлось даже наследовать ленинский пост председателя Совнаркома. До 1930 г. он спокойно терпел на этом посту «правого» Рыкова, а потом до 1941 г. – послушного Молотова. Главным постом в советской системе власти окончательно стал пост Генерального секретаря. Теперь любое покушение на единство партии (а под «единством» понималось теперь исключительно следование сталинским программным установкам) рассматривалось как преступление с применением к провинившемуся всех средств государственного насилия. В этом, безусловно, было

новаторство Сталина. При Ленине объектом репрессий и вообще объектом деятельности ВЧК не могли быть члены партии. Прежде, чем передать жертву в руки Дзержинского, ее обязательно исключали из партии. При этом основанием для привлечения к ответственности могли послужить либо явный переход на сторону контрреволюции, либо свершение какого-либо уголовного преступления, в том числе должностные: убийства, грабежи, хищения казенного имущества, в том числе конфискованного у буржуазии, и т. п. При Сталине же основанием для исключения из партии и последующих репрессий, вплоть до расстрела, могла послужить только принадлежность к одной из партийных фракций, отличной от сталинской. И «сталинская клятва» впервые закрепила нарушение партийного единства как страшное преступление против ленинского завещания, хотя такого завещания не существовало в природе. Единственный документ, который впоследствии называли «завещанием Ленина», – это «Письмо к съезду», продиктованное Лениным в конце декабря 1922 г. и адресованное XII съезду партии. Оно было оглашено только в мае 1924 г. перед XIII съездом партии. Но как раз в этом письме Ленин предлагал переместить Сталина с поста генерального секретаря. Однако, поскольку Ленин имени сталинского преемника не назвал, руководство партии, где в то время существовал блок Сталина, Зиновьева и Каменева против Троцкого, пожелание Ленина проигнорировало. И в дальнейшем почти все его члены за это заплатились жизнью. Теперь измена сталинской идеологии на самом деле стоила высшим партийным функционерам жизни.

После смерти Ленина Троцкий в борьбе со Сталиным изначально был обречен на поражение. Хотя Владимир Ильич и предупреждал в «Письме к съезду», чтобы Льву Давыдовичу не ставили в вину его прежний «небольшевизм», большинство в Политбюро и ЦК думало иначе. В борьбе за овладение руководством большевистской партии Троцкий в принципе не мог одержать верх. Тут главную роль, однако, сыграло не столько предубеждение по отношению к нему основной части старых членов партии, помнящих о его выступлениях против большевиков, сколько сталинский контроль над партийным аппаратом. Борис Бажанов, бывший секретарь Политбюро, процитировал нехитрый принцип, сформулированный Сталиным: «Неважно, как голосуют, важно, как считают». Считали же, во время различных внутрипартийных дискуссий, проводившихся по инициативе троцкистов, подконтрольные Сталину чиновники. Так что результат предрешен. Особенно если учесть, что сталинский аппарат подбирал делегатов для партконференций и контролировал поток агитационных материалов.

Лев Троцкий первым обосновал теорию советского бонапартизма применительно к Сталину. О советском бонапартизме Лев Давыдович писал, уже будучи в эмиграции, в книге «Преданная революция» и статьях «Бюллетеня оппозиции»: «Классовая природа советского государства», «О термидорианстве и бонапартизме», «Бонапартизм и фашизм», «Рабочее государство, термидор и бонапартизм», «Еще к вопросу о бонапартизме», «Бонапартистская философия государства», «Бонапартизм, фашизм и война». Над последней статьей Троцкий работал в тот момент, когда Р. Меркадор обрушил на него удар ледоруба.

Для него его главный противник Сталин был таким же жалким персонажем, как и Наполеон III для Карла Маркса. Но если последний паразитировал на буржуазном государстве, которое, как считал Маркс, должно было быть уничтожено, и бонапартизм только приближал момент его краха, то Сталин, как считал Троцкий, паразитировал на пролетарском, коммунистическом государстве, созданию и укреплению которого Лев Давыдович отдал всю свою жизнь. Поэтому, критикуя Сталина и не сомневаясь в его скором падении, Троцкий беспокоился о том, чтобы при его свержении непременно уцелело советское социалистическое государство.

Впервые Троцкий применил термин «бонапартизм» по отношению к советскому государству в 1933 г. в статье «Классовая природа советского государства». Здесь уже присутствовал параграф «Бонапартизм», где данный феномен определялся следующим образом: «Поскольку бюрократическое лавирование увенчалось личным плебисцитарным режимом Сталина, можно

говорить о советском бонапартизме. Но если бонапартизм обоих Бонапартов, как и нынешних жалких последышей, развертывался и развертывается на основе буржуазного режима, то бонапартизм советской бюрократии имеет под собой почву пролетарского режима. Терминологические новшества или исторические аналогии могут представлять те или иные удобства для анализа, но не могут изменить социальной природы советского государства».

В статье «Рабочее государство, термидор и бонапартизм», опубликованной в «Бюллетене оппозиции» 1 февраля 1935 года, он утверждал: «Было бы нелепым педантизмом пытаться приурочить отдельные этапы русской революции к сходным событиям в конце XVIII века во Франции. Но прямо-таки бросается в глаза, что нынешний политический режим Советов чрезвычайно напоминает режим первого консула, притом к концу консульства, когда оно приближалось к империи. Если Сталину не хватает блеска побед, то режимом организованного пресмыкательства он, во всяком случае, превосходит первого Бонапарта. Такая власть могла быть достигнута лишь путем удушения партии, советов, рабочего класса в целом. Та бюрократия, на которую опирается Сталин, связана материально с результатами завершившейся национальной революции, но не имеет с развивающейся интернациональной революцией никаких точек соприкосновения. По образу жизни, интересам, психологии нынешние советские чиновники отличаются от революционных большевиков не менее, чем генералы и префекты Наполеона отличались от революционных якобинцев». И Троцкий делал из этого следующие выводы:

«Нынешний политический режим СССР есть режим «советского» (или антисоветского) бонапартизма, по типу своему ближе к империи, чем к консульству...

По своим социальным основам и хозяйственным тенденциям СССР продолжает оставаться рабочим государством...

Противоречие между политическим режимом бонапартизма и потребностями социалистического развития представляет важнейший источник внутренних кризисов и непосредственную опасность самому существованию СССР как рабочего государства...

Неизбежное крушение сталинского политического режима лишь в том случае приведет к установлению советской демократии, если устранение бонапартизма явится сознательным актом пролетарского авангарда. Во всех других случаях на смену сталинизму могла бы прийти только фашистско-капиталистическая контрреволюция».

Тем самым Троцкий намекал, что бонапарта Сталина может свергнуть другой бонапарт, только «фашистско-капиталистический». Троцкого же устраивало только свержение Сталина посредством демократической революции.

В том же 43-м выпуске «Бюллетеня оппозиции» Троцкий дал следующее определение бонапартизма: «Под бонапартизмом мы понимаем такой режим, когда экономически господствующий класс, способный к демократическим методам правления, оказывается вынужден в интересах сохранения своей собственности терпеть над собою бесконтрольное командование военно-полицейского аппарата, увенчанного «спасителем». Подобное положение создается в периоды особого обострения классовых противоречий: бонапартизм имеет целью удержать их от взрыва. Буржуазное общество не раз проходило через такие периоды, но это были, так сказать, лишь репетиции. Нынешний упадок капитализма не только окончательно подкопал демократию, но и обнаружил полную недостаточность бонапартизма старого типа: его место занял фашизм. Однако мостом между демократией и фашизмом (в России 1917 г. – «мостом» между демократией и большевизмом) оказывается «личный режим», поднимающийся над демократией, лавирующий меж двух лагерей и охраняющий в то же время интересы господствующего класса: достаточно дать это определение, чтоб термин «бонапартизм» оказался полностью обоснован».

В написанной в эмиграции работе «Преданная революция» (1936–1937) Троцкий утверждал: «Цезаризм, или его буржуазная форма, бонапартизм, выступает на сцену в те моменты истории, когда острая борьба двух лагерей как бы поднимает государственную власть над

нацией и обеспечивает ей, на вид, полную независимость от классов, а на самом деле – лишь необходимую свободу для защиты привилегированных. Сталинский режим, который возвышается над политически атомизированным обществом, опирается на полицейский и офицерский корпус и не допускает над собою никакого контроля, представляет явную вариацию бонапартизма, нового, еще не виданного в истории типа. Цезаризм возник в условиях потрясаемого внутренней борьбой рабского общества. Бонапартизм есть одно из политических орудий капиталистического режима, в его критические периоды. Сталинизм есть разновидность той же системы, но на фундаменте рабочего государства, раздираемого антагонизмом между организованной и вооруженной советской аристократией и безоружными трудящимися массами».

Доказательство сталинского бонапартизма Лев Давыдович видел и в предстоящих выборах в Верховный Совет: «В каждой из отдельных республик Советского Союза, в каждой из областей, в каждом районе происходит кровавая чистка, не менее свирепая, чем в Москве, но более анонимная. Под аккомпанемент массовых расстрелов, сметающих с земли поколение революции, идет подготовка «самых демократических в мире» выборов. В действительности, предстоит один из тех плебисцитов, секрет которых так хорошо известен Гитлеру и Геббельсу. Будет ли иметь Сталин за себя 100 %, или «только» 98,5 %, зависит не от населения, а от предписания, данного сверху местным носителям бонапартистской диктатуры. Будущий московский «рейхстаг» имеет своим назначением – это можно предсказать заранее – короновать личную власть Сталина, под именем ли полномочного президента, пожизненного вождя, несменяемого консула или – кто знает? – императора».

Причину торжества бонапартизма в СССР Троцкий видел в «запоздалости мировой революции». По той же причине в европейских странах появился фашизм. Если бы мировая революция произошла вскоре после Октябрьской революции 1917 года в России, то бонапартистский режим в СССР, по мнению Троцкого, вообще не был бы установлен.

Другие вожди революции, в том числе Ленин и Сталин, под бонапартизмом понимали нечто иное, чем Маркс и Троцкий. Они рассматривали бонапартизм как классический вариант захвата власти выдвинутым революцией победоносным полководцем. Такое определение, кстати сказать, исключало из числа бонапартистских установленный Сталиным режим, поскольку он не был полководцем, тем более победоносным, по крайней мере, к моменту захвата власти. Сталин пришел к власти исключительно как партийный аппаратчик. Он понял, что даже те массы, которые поддерживали большевистскую революцию, устали от нестабильности и лишений. Поэтому его противники, вроде Троцкого или Зиновьева, по-прежнему апеллировавшие к массам, были обречены на поражение. Сталин же апеллировал прежде всего к аппарату, партийному и государственному, т. е., другими словами, к бюрократии, чиновничеству.

Именно классического бонапартизма советские вожди опасались с самой победы Октябрьской революции. Первым кандидатом на роль Бонапарта в их глазах являлся бывший подполковник царской армии М.А. Муравьев, успешно командовавший советскими войсками во время выступления Керенского – Краснова на Петроград и последующего успешного похода на Украину в январе 1918 года.

Видный британский троцкист Тэд Грант в книге «Россия: от революции до контрреволюции» (1997) писал, что Троцкий в 1935 году определил сталинский режим как формы пролетарского бонапартизма. Грант также в специальном параграфе «Сталинизм: форма бонапартизма» подчеркивал, что в СССР государство «явно представляет интересы сталинской бюрократии. Но как особая форма бонапартизма, в конечном счете, оно представляет рабочий класс, пока оно защищает национализированные средства производства, планирование и монополию внешней торговли». По его мнению, «сталинская бюрократия являлась не новым правящим классом, как утверждали Дж. Бурнхэм, М. Шахтман, М. Джилас, Дж. Куронь и Т. Клифф (в компании с буржуазией и правым крылом лейбористской партии), а паразитической

кастой, не играющей никакой роли в процессе производства. Именно по этой причине значительные реформы сверху были исключены». Грант утверждал: «Рабочая демократия, существовавшая при Ленине и Троцком, была заменена бюрократическим режимом Сталина. Хотя политические формы и были совершенно другими, чем в первые годы революции, отношение к национализированной собственности сохранилось».

Тут не вполне понятным остается вопрос, а каким образом противники Сталина собирались строить новое государство без бюрократии. Такое государство на практике быстро скатилось бы к анархии. Или они надеялись на быструю победу мировой революции и отмирание государства? Однако Троцкий уже в конце гражданской войны, после неудачи польского похода Красной Армии, крайне скептически смотрел на возможность скорого наступления мировой революции в Европе, а, следовательно, должен был ориентироваться на более или менее длительное существование советского государства. Реальная разница между Троцким и Сталиным была в том, что первый предполагал сохранение внутрипартийной демократии, допускавшей борьбу и конкуренцию различных платформ и фракций, что должно было, по замыслу Троцкого, ограничить всевластие бюрократии, тогда как второй планировал установить единоличную диктатуру.

Грант следующим образом формулировал отличия между сталинизмом и фашизмом: «Фашистская бюрократия опиралась на частную собственность на средства производства и была наиболее чудовищным выражением упадочного режима. Сталинская бюрократия опиралась на новые отношения собственности, установленные революцией, которые на протяжении целой эпохи демонстрировали колоссальную жизненную силу. До недавнего времени российская бюрократия была вынуждена защищать государственную собственность как источник своей власти и доходов. Этот факт позволял играть ей относительно прогрессивную роль в развитии производительных сил. Однако даже в лучшие периоды она оставалась паразитическим наростом на рабочем государстве, источником бесконечных убытков, коррупции и ошибок в управлении. Она имела все пороки, но никаких добродетелей правящего класса». Грант признавал, что после смерти Сталина «были проведены большие реформы, которые привели к росту жизненных стандартов, улучшению социального обслуживания и так далее. Но все это время жесткий контроль оставался в руках бюрократии. Такие реформы всегда проводились сверху и никоим образом не модифицировали отношения между рабочим классом и правящей кастой. Не имелось никаких элементов рабочей демократии».

Несмотря на то, что Троцкий и его последователи, вроде Т. Гранта, старались поместить советский бонапартизм в прокрустово ложе марксистских схем, они верно указывали на главную опору Сталина в виде им же созданной и от него же зависимой бюрократии, которая постепенно оттесняла старых большевиков и выходцев из других партий от реальных рычагов власти.

Для председателя Реввоенсовета и наркома по военным и морским делам единственным реальным путем к власти оставался путь военного переворота. Троцкий был по-прежнему популярен среди командного состава и рядовых красноармейцев. В его руках был контроль над аппаратом Красной Армии. Технически вооруженный захват власти после смерти Ленина был бы для Троцкого достаточно простой операцией. Многие сторонники искушали Льва Давыдовича этой заманчивой перспективой. Но Троцкий мысль о перевороте отверг. Чем бы в таком случае он отличался от какого-нибудь латиноамериканского диктатора или только что, в 1922 году, осуществившего успешный «поход на Рим» вождя итальянских фашистов Бенито Муссолини? Троцкому нужна была не просто власть в России, а власть для осуществления определенной идеи – мировой пролетарской революции. Россия нужна была как плацдарм, но главным образом – как пример для такой революции. В экспорт мировой революции на штыках Красной Армии Лев Давыдович после неудачи польского похода не верил. Но в утопию самой мировой революции продолжал, в отличие от Сталина, свято верить до своего последнего дня.

Между тем, триумвират Сталин – Зиновьев – Каменев действовал. Троцкий еще при жизни Ленина почувствовал себя в Политбюро в полной изоляции. Однажды на заседании Сталин так прямо и сказал ему: «Разве вы не видите, что вы в «обруче» (так на партийном жаргоне называли триумвират Сталина, Зиновьева и Каменева. – Б. С.)? Ваши фокусы не пройдут, вы в меньшинстве, в единственном числе». Кроме того, в последние месяцы жизни Ленина и в решающий период в январе-феврале 1924 года Лев Давыдович был тяжело болен, страдал эпилепсией и не мог поэтому активно участвовать в политической борьбе. Позднее он все же попробовал обратиться к партийной массе, но остался в меньшинстве. Идея мировой революции не вдохновляла партийцев, после гражданской войны мечтавших о мирном существовании и возможности спокойно насладиться предоставленными материальными благами, с началом нэпа более обильными, чем во времена военного коммунизма. А со смещением Троцкого в январе 1925 года с поста председателя Реввоенсовета и наркома по военным и морским делам для него исчезла даже теоретическая возможность военного переворота. Впрочем, справедливости ради замечу, что такой возможности он никогда не рассматривал, хотя вроде бы кое-кто из соратников и пытался подбить его на переворот. Даже находясь в эмиграции, Троцкий надеялся, что Сталина низвергнет широкое восстание недовольных масс, наподобие революции 1917 года, но отнюдь не выступление руководителей Красной Армии.

Идея бонапартистского переворота родилась у одного из ближайших соратников Троцкого Николая Ивановича Муралова, командующего Московским военным округом с марта 1921 по май 1924 г. Именно о нем говорил Маяковский, когда описывал в поэме «Хорошо» похороны Ленина:

И вот издалека, оттуда, из алого
В мороз, в караул умолкнувший наш
Чей-то голос, как будто Муралова,
Скомандовал: «Шагом марш».

В мемуарах Троцкий упомянул о своей «неразрывной боевой и политической дружбе» с Мураловым. Одна из современниц вспоминала: «В день похорон я пришла к Мураловым под вечер. В полутемной столовой из угла в угол ходил Николай Иванович, негромко повторяя: «Что нас ждет? Это очень страшно». Я опешила и сказала: «Что вы, Николай Иванович, ведь у Ленина есть достойный наследник». Николай Иванович зло посмотрел на меня и сказал: «Не говори о том, чего не знаешь. Страшный человек. Что будет со страной! Что будет со всеми нами!».

Когда в 1923 году во время болезни В.И. Ленина ставший генсеком И.С. Сталин начал активно захватывать власть, Муралов пришел к Троцкому и предложил ему силой сместить с поста и расстрелять Сталина, Г.Е. Зиновьева и Л.Б. Каменева и провозгласить вождем Троцкого. В войсках округа Муралов был популярен, тем более что он создавал Московский округ в 1917–1919 гг., когда был его первым командующим. Солдаты округа распевали: «Нам не надо генералов, у нас есть солдат Муралов». Популярность Муралова и авторитет Троцкого гарантировали успех переворота. Красная Армия не выступила бы против своего вождя, а наоборот, поддержала бы его, а других, сравнимых с ней по мощи вооруженных сил в стране не было. Однако Троцкий не позволил командующему войсками Московского военного округа осуществить этот план. 27 декабря 1923 года начальник Политического управления РККА В.А. Антонов-Овсеенко написал в Политбюро письмо с угрозой «обратиться к крестьянским массам, одетым в красноармейские шинели, и призвать к порядку зарвавшихся вождей». Он признал, что «среди военных коммунистов уже ходят разговоры о том, что нужно поддержать, как один, т. Троцкого». За это он уже в январе 1924 г. поплатился снятием с поста, а в 1938 г. – расстрелом.

В течение 1924 года Троцкий постепенно потерял контроль над армией. И прежде всего уже в мае из Московского военного округа был удален Н.И. Муралов. Но ранее, на протяжении 1923 года и в первые месяцы 1924 г., пока во главе МВО оставался Муралов, у Троцкого была возможность совершить военный переворот. Но Лев Давыдович от этой возможности вполне сознательно отказался. Почему?

Троцкий мыслил исключительно в идеологических категориях мировой коммунистической (пролетарской) революции. Для того чтобы продолжать дело мировой революции, ему надо было стать главным вождем партии большевиков, полноправным членом которой он стал только с середины 1917 г. Но борьба на этом фронте была для Троцкого заведомо проигрышной. Ведь не только весь партийный аппарат контролировался Сталиным, но и среди старых партийцев преобладало отношение к Троцкому как к выскочке, который и большевиком стал в 1917 г. только по конъюнктурным соображениям. Однако Лев Давыдович не собирался захватывать власть путем военного переворота и становиться бонапартом-диктатором. Ведь тогда бы он ничем не отличался от какого-нибудь латиноамериканского каудильо. Это означало бы конец русской революции и крах всех надежд на мировую революцию. А Троцкому власть нужна была не сама по себе, а лишь для того, чтобы иметь возможность проводить определенные идеи, причем в мировом масштабе. И в этом отношении он безнадежно проигрывал Сталину, для которого власть представляла безусловную ценность сама по себе. Троцкий вспоминал: «В январе 1925 г. я был освобожден от обязанностей народного комиссара по военным делам. Больше всего боялись... моей связи с армией. Я уступил пост без боя... чтобы вырвать у противников оружие инсинуаций насчет моих военных замыслов».

Троцкий был едва ли не единственным из советских политиков, кто имел реальную возможность осуществить бонапартистский переворот, но сознательно отказался от этой возможности, исходя из высших интересов революции, как он их понимал.

Между прочим, Зиновьев и Каменев тогда, в январе 1925 года, предложили вместо Троцкого назначить главой военного ведомства Сталина, очевидно, надеясь тем самым ослабить его влияние на партаппарат. Они прекрасно понимали, что Коба не пользуется популярностью в Красной Армии и использовать ее в борьбе за власть в обозримом будущем не сможет. Однако Сталин превосходно понимал все выгоды поста генсека, и честь стать председателем Реввоенсовета и наркомвоенмором решительно отверг. Триумvirат фактически распался. Укрепив свои позиции в Политбюро и ЦК, Сталин больше не нуждался в Зиновьеве и Каменеве.

Здесь проявилось одно из важнейших качеств Сталина, которое помогло ему в борьбе за власть, – постепенность. Он никогда не форсировал события, заключая блок с союзниками против того, кого считал наиболее опасным противником в данное время. Затем постепенно укреплял Политбюро и ЦК верными людьми, не игравшими никакой самостоятельной политической роли, чтобы в подходящий момент отказаться от услуг союзников, мнивших себя самостоятельными политиками. При этом Сталин искусно устраивал дело так, что инициатива разрыва исходила от его прежних союзников. Сначала Зиновьев и Каменев, почувствовав, что Сталин оттеснил их на второй план, затеяли авантюру с изначально провальной ленинградской «новой оппозицией». Затем Бухарин и его сторонники выступили против начатой без их согласия «сплошной коллективизации», но легко оказались биты, ибо не имели поддержки партийных масс. Аппарат рассчитывал, что коллективизация только укрепит его позиции. А рядовые партийцы – в основном из рабочих и крестьян-бедняков ничего не имели против раскулачивания, рассчитывая, что и им от этой акции что-то перепадет. Ведь коллективизация предпринималась под флагом обеспечения продовольствием городов и преодоления нищеты в деревне.

31 октября 1925 года, в результате неудачной полостной операции умер преемник Троцкого на посту наркома по военным и морским делам и председателя Реввоенсовета, кандидат в члены Политбюро ЦК РКП(б) Михаил Васильевич Фрунзе. Его смерть породила много слухов

о том, что она была неслучайна, а явилась результатом целенаправленных действий Сталина, стремившегося избавиться от опасного политического конкурента.

Надежда Владимировна Брусилова, жена генерала Алексея Алексеевича Брусилова, так прокомментировала смерть Фрунзе в своем дневнике «Мои впечатления»:

«Сегодня утром умер М.В. Фрунзе. Этого давно все ждали, так как болезнь его, по отзывам врачей, была очень серьезна. (Его на днях оперировали очень неудачно). Алексей Алексеевич очень жалел этого человека, так как много раз я слышала от него, что он ему очень симпатичен...

Сегодня звонили из газеты «Правда», прося отзыва Алексея Алексеевича о военных заслугах Фрунзе. Он велел мне ответить, что не может касаться этой стороны дела, совершенно не зная ее, так как в гражданской войне не участвовал, но что очень сожалеет о кончине этого незаурядного человека.

И действительно, вся деятельность Фрунзе была в Туркестане и на юге России, и совместно с ним мой муж никогда не служил. Следить издали или по газетам трудно, тем более, что все эти годы Алексей Алексеевич вначале от раны, а потом от общего состояния много болел и по этим вопросам ничего не читал. Не мог же он сообщить, что слышал о том, будто Фрунзе и Котовский, оба бессарабцы, мечтали отделить Украину, соединить ее с Бессарабией и устроить там правление без Москвы. За что те, кому это не нравилось, одного зарезали, другого убили. И не мог Алексей Алексеевич сообщить в газеты, что о некоторых вопросах с полуслова понимал дело и сочувствовал и одобрял некоторые их планы. (Всего один раз Алексей Алексеевич виделся с Котовским без меня, в Манеже кавалерийской школы. Мне в тот же день говорил об этом один курсант. Я спросила мужа, о чем он с ним говорил, и он очень загадочно улыбнулся: «Почему-то он мне очень хвалил Фрунзе, рассказывал о своей южной кавалерии, о «червонном казачестве». Он толковый, этот бывший разбойник, а я как бывший генерал, вполне его планы одобряю. Ведь эти места Волынской, Подольской губерний, границы Бессарабии, мои дорогие места по воспоминаниям. Но все это еще настолько туманно, что лучше об этом не говорить».) Несколько лет назад, когда по делам наркомата В.П. Засецкий (с семьей В.П. Засецкого мы были очень хороши, но ввиду своего выезда за границу, они несколько отделились от нас. Мы это хорошо понимали. Алексей Алексеевич говорил: «Не надо им мешать в их хлопотах!») ездил на юг, то вернувшись говорил нам, что слышал много хорошего о Фрунзе и даже видел его, и что он очень хорошо относится к бывшим военным и что он просил передать Алексею Алексеевичу от него поклон. Затем, полтора года назад, когда понадобилось место инспектора кавалерии для Буденного, наконец было дано согласие, после нескольких просьб Алексея Алексеевича об отставке, дать ее ему. Вместо него был назначен Буденный, и в то же время, вместо Троцкого, был назначен Фрунзе...

Когда Алексею Алексеевичу назначили пенсию, то Фрунзе так устроил, что она идет через военное ведомство и будто он не в отставке, а «состоит при Р.В.С. по особо важным поручениям». Когда, вернувшись из санатории «Узкое», Алексей Алексеевич поехал к Фрунзе и спросил его, зачем он это сделал, то он ему ответил:

Вам несравненно будет удобнее быть как бы на службе. Никаких поручений мы вам давать не будем, а в случае каких-либо придинок или неприятностей мы вас в обиду не дадим. Да притом вы можете еще многое сделать, сказал он, понизив голос и внимательно посмотрев мне в глаза, говорил мне тогда Ал. Ал., прося не повторять даже своим этих загадочных слов, которые слышал он от Фрунзе.

И во многих житейских затруднениях нынешнего времени Фрунзе сдержал слово и поддерживал Алексея Алексеевича, чаще всего, когда ему приходилось хлопотать о других. Когда я заболела, и нам стало необходимо ехать за границу лечиться, то Фрунзе все для нас устроил и помог во всех отношениях, даже сестре моей Елене Владимировне дали возможность с нами ехать. Мужа моего отпустили за границу на лечение в Карлсбад, на лечение под личное пору-

чительство Фрунзе перед ЦИКом. Фрунзе спросил тогда Ал. Ал.: «Вы даете мне слово, что вернетесь и едете только для лечения?» Мой муж ответил утвердительно, и дело было сделано. Ал. Ал. говорил мне тогда: «Если он мне поверил, значит, он сам умеет держать слово или хотя бы понимает всю силу его!..»

А затем и ранее и позднее от многих военных и юристов мы много раз слышали, что отношение Фрунзе по вопросу пенсий бывших военных и во многих других вопросах достойно всякого уважения и одобрения.

Вот все, что Алексей Алексеевич знает о М.В. Фрунзе. Но мы с сестрой, лично не зная умершего, подали сегодня частицу об упокоении души «новопреставленного Михаила». Он был коммунист и, следовательно, ни во что не верил, и ему здесь, на земле, не нравились наши христианские обряды, таинства и вероисповедания, но кто знает, может быть там, за гробом, проснувшись, он поймет свою ошибку и будет нам благодарен...»

Супруги Брусиловы, как и многие другие, кого большевики считали «внутренними эмигрантами», равно как и большинство настоящих эмигрантов, мечтали о том, чтобы явился какой-нибудь Бонапарт и их сверг, восстановив историческую Россию, пусть даже без императора, но зато уж точно без Третьего Интернационала. И видели потенциального Бонапарта в любом понравившемся им военном. Фрунзе и Котовский были среди них, хотя ни у того, ни у другого бонапартистских планов не было. Котовский вообще играл вспомогательную роль и был по-настоящему популярен лишь среди бойцов своей кавбригады. Алексей Алексеевич и Надежда Владимировна прислушивались к каждому их слову, ища за ними какие-то скрытые смыслы, которых на самом деле не было. Так, слова Фрунзе Брусилову при проводах на фактическую пенсию – должность для особых поручений при Реввоенсовете, что он, Брусилов, может еще много сделать – это просто дежурная вежливая фраза. При этом и Фрунзе, и другие советские руководители были заинтересованы в имени прославленного генерала, чтобы можно было при случае заявить, что он не коротает время полным пенсионером, отставленным от дел, а, дескать, работает в Реввоенсовете Республики.

Точно так же слухи о том, что Фрунзе и Котовский собирались отделить Украину от СССР и соединить ее с Бессарабией, воспринимались четой Брусиловых как доказательство их стремлений создать жизнеспособное антикоммунистическое государство, к которому постепенно присоединятся остальные части бывшей Российской империи. В действительности, слухи о том, будто Фрунзе с Котовским могут отделить Украину, очевидно, отражали реально существовавший в Кремле план по присоединению Бессарабии. Для этого войска Котовского и, вероятно, Фрунзе, командовавшего тогда войсками Украины и Крыма, должны были временно «выйти из повиновения», быстро, без официального объявления войны, разбить румынскую королевскую армию и, благополучно присоединив Бессарабию к Украине, вернуться в состав Красной Армии и СССР. Но Алексей Алексеевич и Надежда Владимировна готовы были, ради воплощения своих мечтаний, простить Фрунзе и Котовскому и атеизм, и борьбу против царского правительства. А стоило Котовскому похвалить Фрунзе, а заодно и своих «червонных казаков», как генералу Брусилову пригрезилось, что это – подготовка к походу на Москву, и он даже намекнул, что планы Котовского и Фрунзе одобряет. И хорошее отношение Фрунзе к бывшим офицерам и генералам царской армии, служившим у большевиков «военспецами», также истолковывалось как стремление восстановить «национальную» армию. Между тем, и Троцкий, и Фрунзе рассматривали привлечение в Красную Армию царских офицеров как временную необходимость, пока не подрастут свои, «пролетарские» командные кадры. Сразу после окончания гражданской войны царских офицеров и генералов стали массово увольнять с командных должностей в войсках, а с середины 20-х – вообще из армии, оставляя, в лучшем случае, преподавателями академий, институтов и военных школ.

Что же касается Фрунзе, то, вопреки распространенному мнению, на роковой операции настаивали не Сталин и Политбюро, а прежде всего сам Михаил Васильевич. Вот что писал

Фрунзе своей жене Софье Алексеевне в Ялту: «Я все еще в больнице. В субботу будет новый консилиум. Боюсь, как бы не отказали в операции». «На консилиуме было решено операцию делать». Михаил Васильевич пишет жене, что этим решением удовлетворен. И ни слова о том, что хотел бы отказаться от операции. Наоборот, он полон оптимизма:

«Ну вот, наконец, подошел и конец моим испытаниям! Завтра (фактически переезд состоялся 28.10.1925. – *Авт.*) утром я переезжаю в Солдатенковскую больницу, а послезавтра (в четверг) будет и операция. Когда ты получишь это письмо, вероятно, в твоих руках уже будет телеграмма, извещающая о ее результатах. Я сейчас чувствую себя абсолютно здоровым и даже как-то смешно не только идти, а даже думать об операции. Тем не менее, оба консилиума постановили ее делать. Лично этим решением удовлетворен. Пусть же раз навсегда разглядят хорошенько, что там есть, и попытаются наметить настоящее лечение. У меня лично все чаще и чаще мелькает мысль, что ничего серьезного нет, ибо, в противном случае, как-то трудно объяснить факт моей быстрой поправки после отдыха и лечения. Ну, уж теперь нужно делать... После операции думаю по-прежнему недельки на две приехать к вам. Твои письма получил. Читал их, особенно второе – большое, прямо с мукой. Что это действительно навалилось на тебя все болезни? Их так много, что прямо не верится в возможность выздоровления. Особенно если ты, не успев начать дышать, уже занимаешься устройством всяких других дел. Надо попробовать тебе серьезно взяться за лечение. Для этого надо прежде всего взять себя в руки. А то у нас все как-то идет хуже-хуже. От твоих забот о детях, выходит, хуже тебе, а в конечном счете и им. Мне как-то пришлось услышать про нас такую фразу: «Семья Фрунзе какая-то трагическая... Все больны, и на всех сыплются все несчастья!...» И правда, мы представляем какой-то непрерывный, сплошной лазарет. Надо попытаться изменить это все решительно. Я за это дело взялся. Надо сделать и тебе».

Фрунзе ничего не пишет ни о каком-либо принуждении, ни о давлении со стороны врачей. Он сам надеется как можно скорее сделать операцию, чтобы можно было полноценно жить и работать.

А вот что говорилось в протоколе вскрытия, которое после смерти Фрунзе провел известный хирург А.И. Абрикосов:

«Анатомический диагноз. Зажившая круглая язва двенадцатиперстной кишки с резко выраженным рубцовым уплотнением серрозного покрова соответственно местоположению упомянутой язвы. Поверхностные изъязвления различной давности выхода желудка и верхней части двенадцатиперстной кишки, фиброзно-пластический перитонит в области выхода желудка, области печеночно-двенадцатиперстной связки, области слепой кишки и области рубца старой операционной раны правой подвздошной области. Острое гнойное воспаление брюшины.

Паренхиматозное перерождение мышцы сердца, печени, почек.

Ненормально большая сохранившаяся зубная железа. Недоразвитие (гипоплазия) аорты и крупных артериальных стволов. Рубец стенки живота в правой подвздошной области и отсутствие червеобразного отростка после бывшей операции. (1916 г.)

Заключение. Заболевание Михаила Васильевича Фрунзе, как показало вскрытие, заключалось, с одной стороны, в наличии круглой язвы двенадцатиперстной кишки, подвергшейся рубцеванию и повлекшей за собой развитие рубцовых разрастаний вокруг двенадцатиперстной кишки, выхода желудка и желчного пузыря; с другой стороны, в качестве последствий от бывшей в 1916 году операции – удаления червеобразного отростка, имелся старый воспалительный процесс в брюшной полости. Операция, предпринятая 29 октября 1925 года по поводу язвы двенадцатиперстной кишки, вызвала обострение имевшего место хронического воспалительного процесса, что повлекло за собой острый упадок сердечной деятельности и смертельный исход. Обнаруженные при вскрытии недоразвитие аорты и артерий, а также сохранившаяся

зобная железа являются основой для предположения о нестойкости организма по отношению к наркозу и в смысле плохой сопротивляемости его по отношению к инфекции.

Наблюдавшиеся в последнее время кровотечения из желудочно-кишечного тракта объясняются поверхностными изъязвлениями (эрозиями), обнаруженными в желудке и двенадцатиперстной кишке и являющимися результатом упомянутых выше рубцовых разрастаний».

Практически Михаила Васильевича обрекли на смерть скрытые патологии, проявившиеся в ходе операции, которые выявить ранее не представлялось возможным. Тут и неудачная операция по удалению аппендицита в 1916 году, и больное сердце, и увеличенный зуб. Объективно говоря, операция Фрунзе требовалась, так как уплотнения, возникшие в результате язвы, можно было ликвидировать только хирургическим путем. Роковым же стал застарелый локальный перитонит, вызвавший после операции острое гнойное воспаление брюшины, что вызвало повышенную нагрузку на сердце и его остановку. Ни перитонит, ни врожденное сужение сердечных артерий и аорты заранее обнаружить медицина того времени не могла. Спасти Фрунзе могли бы только антибиотики, но их тогда не было. Если бы операции не было, то Фрунзе, вероятно, прожил бы еще несколько лет, постоянно страдая от желудочных болей и обладая очень ограниченной работоспособностью. Очевидно, ему пришлось бы выйти в отставку и вести размеренную жизнь пенсионера. Но о такой судьбе Фрунзе даже не помышлял, потому и настаивал на скорейшей операции, не подозревая, что она будет смертельной. Однако ее трагический исход заранее прогнозировать не могли ни Сталин, ни врачи, проводившие консилиум.

«Бывшие» думали и надеялись, что такие большевики, как Фрунзе и Котовский (потом в этом списке стал фигурировать Тухачевский), могут «переродиться» и свергнуть наследников Ленина, вернув Россию на путь здорового национального развития.

Уже в июне 1924 г. Фрунзе был сделан кандидатом в члены Политбюро – единственным из членов Реввоенсовета, кроме Троцкого. Было очевидно, что именно его готовят Троцкому на смену.

Писатель Борис Пильняк в «Повести непогашенной луны» отразил широко распространенную версию о том, что Фрунзе был убит по приказу Сталина, причем убийство было замаскировано под неудачную хирургическую операцию. Повести было предпослано посвящение: «Воронскому, скорбно и дружески». А.К. Воронский был другом Пильняка и другом и земляком Фрунзе, а также видным марксистским литературным критиком, близким к Троцкому. Версию о причастности Сталина к смерти Фрунзе было решено использовать в борьбе против генсека и его союзников. Повесть была опубликована в 1926 г. в журнале «Новый мир». Номер журнала с повестью был вскоре после выхода конфискован и изъят из библиотек и даже по возможности – у подписчиков. В запретительном постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) от 13 мая 1926 года «О № 5 «Нового мира» говорилось:

«...а) Признавая, что «Повесть о непогашенной луне» (так! – *Авт.*) Пильняка является злостным, контрреволюционным и клеветническим выпадом против ЦК и партии, подтвердить изъятие пятой книги «Нового мира»... в) Предложить тов. Воронскому письмом в редакцию «Нового мира» отказаться от посвящения Пильняка с соответствующей мотивировкой, которая должна быть согласована с Секретариатом ЦК... Запретить какую-либо перепечатку или переиздание рассказа Пильняка «Повесть о непогашенной луне»...».

В предисловии, как будто призванном усыпить бдительность цензоров, читателю ясно давалось понять, что прототип главного героя – Фрунзе:

«Фабула этого рассказа наталкивает на мысль, что поводом к написанию его и материалом послужила смерть М.В. Фрунзе. Лично я Фрунзе почти не знал, едва был знаком с ним, видел его раза два. Действительных подробностей его смерти я не знаю, – и они для меня не очень существенны, ибо целью моего рассказа никак не являлся репортаж о смерти наркомвоенна. – Все это я нахожу необходимым сообщить читателю, чтобы читатель не искал в нем подлинных фактов и живых лиц. Москва. 28 янв. 1926 г. Бор. Пильняк».

Сталин не хуже Пильняка понимал, что Фрунзе никаким кандидатом в бонапарты не являлся и никакой опасности для его власти не представлял. Иначе бы не стал исподволь готовить его в преемники Троцкому в Реввоенсовете. Но для всей антисталинской оппозиции (не только троцкистской, но и любой другой, включая ту, что возникла после разоблачения культа личности Сталина на XX съезде партии) Фрунзе стал жертвой Сталина, а для того, чтобы как-то мотивировать это «убийство», подспудно подразумевалось, что у него могли быть бонапартистские замыслы. На самом деле Сталин никогда не рассматривал Фрунзе как угрозу для своей власти. Михаил Васильевич политических амбиций никогда не выказывал.

В чисто военной иерархии он стоял ниже С.С. Каменева, М.Н. Тухачевского и А.И. Егорова, которые в гражданскую войну командовали более крупными и важными фронтами. Его выдвижение на пост главы военного ведомства обосновывалось главным образом тем обстоятельством, что он был старым большевиком. Большой популярности в армии у него не было. Не было и лично преданных ему дивизий, которые он сам формировал и во главе которых сражался. Поэтому никакого военного переворота с его стороны опасаться не стоило. Зато в послесталинской традиции было принято противопоставлять «хорошего» Фрунзе «плохому» Сталину, хотя в реальности такого противостояния никогда не было. Фрунзе ни разу не критиковал Сталина и не имел с ним конфликтов, не состоял ни в одной из оппозиционных группировок. Он был одним из первых мнимых бонапартов в советской традиции.

4 января 1931 года с просьбой о помощи обратился к Сталину Борис Пильняк. Повод для деятелей культуры был вполне традиционен: ОГПУ не выпускало подвергавшегося резкой критике в печати писателя за границу. Пильняк писал:

«Глубокоуважаемый товарищ Сталин.

Я обращаюсь к Вам с просьбой о помощи. Если бы у Вас нашлось время принять меня, я был бы счастлив гораздо убедительнее сказать о том, ради чего я пишу.

Позвольте сказать первым делом, что решаясь, навсегда я связываю свою жизнь и свою работу с нашей революцией, считая себя революционным писателем и полагая, что и мои кирпичики есть в нашем строительстве. Вне революции я не вижу своей судьбы.

В моей писательской судьбе множество ошибок. Я знаю их лучше, чем кто-либо. Оправдываться в них надо только делами. Должен все же сказать, как это ни парадоксально, – обдумывая свои ошибки, очень часто наедине с самим собою, я видел, что многие мои ошибки вытекали из убеждения, что писателем революции может быть лишь тот, кто искренен и правдив с революцией: мне казалось, что, если мне дано право нести великую честь советского писателя, то ко мне есть и доверие.

Последней моей ошибкой (моей и ВОКСа) было напечатание «Красного Дерева». Наша пресса обрушилась на мою голову негодованием. Я понес кары. Ошибки своей я не отрицал и считал, что исправлением моих ошибок должны быть не только декларативные письма в редакции, но дела: с величайшим трудом (должно быть, меня боялись) я нашел издателя и напечатал мой роман «Волга впадает в Каспийское море» (который ныне переведен и переводится на восемь иностранных языков и немецкий перевод которого я сейчас посылаю Вам), – я поехал в Среднюю Азию и печатал в «Известиях ЦИК» очерки о Таджикистане, последнее, что я напечатал, в связи с процессом вредителей, я прилагаю к этому письму и прошу прочитать хотя бы подчеркнутое красным карандашом. Содержание этих вещей я считал исправлением моих писательских ошибок, – этими вещами я хотел разрушить то недоверие, которое возникло к моему имени после печатной кампании против «Красного Дерева».

Мои книги переводятся от Японии до Америки, и мое имя там известно. Ошибка «Красного Дерева» комментировалась не только прессой на русском языке, но западноевропейской, американской и даже японской. Буржуазная пресса пыталась изобразить меня мучеником, – я ответил на это «мученичество» письмом в европейской прессе и вещами, указанными выше. Но мне казалось, что это мученичество можно было бы использовать и политически, что был

бы неплохой эффект, если бы этот «замученный» писатель в здоровом теле и уме, неплохо одетый и грамотный не меньше писателей европейских, появился б на литературных улицах Европы и САСШ (уже в течение трех лет я имею от американских писателей приглашение в САСШ, а в Европе я оказался бы принятым, как равный, писателями, кроме пролетарских, порядка Стефана Цвейга, Романа Роллана, Шоу), – если б этот писатель заявил хотя б о том, что он гордится историей последних лет своей страны и убежден, что законы этой истории будут и есть уже перестраивающими мир, – это было бы политически значимо. Мне казалось, что именно для того, чтобы окончательно исправить свои ошибки и использовать мое положение для революции, мне следовало бы съездить за границу, тем паче, что это было у меня в обычае, так как с 1921 года, когда я впервые был за границей, я переезжал советские границы четырнадцать раз, а сейчас не был там с 1928 года.

Кроме этого, у меня есть другие причины, по которым мне надо ехать за границу.

Полупричиной я считаю то обстоятельство, что, не приехав на место, я никак не могу наладить моих переводно-литературных дел, когда переводчики меня безбожно обворовывают, – хотя эта полупричина дала бы Госбанку в год тысячу-полторы валютных рублей, если бы я наладил получение гонораров.

Главная причина – следующая. Годы уходят, и время не ждет, и с дней десятилетия годовщины Октября я задумал написать роман, к которому я подхожу, как к первой моей большой и настоящей работе. Мой писательский возраст и мои ощущения говорят мне, что мне пора взяться за большое полотно и силы во мне для него найдутся. Этот роман посвящен последним полуторадесятилетиям истории земного шара, – и я хочу противопоставить нашу, делаемую, строящую, создаваемую историю всей остальной истории земного шара, текущей, проходящей, происходящей, умирающей, – ведь на самом деле перепластование последних лет истории гигантско, – и на самом деле историю перестраиваем мы. Сюжетная сторона этого романа уже продумана, уже лежит в моей голове, – место действия этого романа – СССР и САСШ, Азия и Европа, – Азию и Европу я представляю, в САСШ я не был, – у меня не хватает знаний, а роман я должен сделать со всем напряжением.

Эти мои соображения я излагал ряду моих товарищей-партийцев, и по совету с ними я подал ходатайство о разрешении мне выезда за границу, месяцев на три – на шесть. Валюты я не прошу, так как все же часть моих переводов оплачена.

В разрешении выехать за границу мне отказано.

Почему – я не знаю. Неужели мне надо предположить, что обо мне думают, что я убегу, что ли, – но ведь это же чепуха! Не могу же я убежать от самого себя и от своей писательской судьбы, от революции, от своей страны, от языка, от жены, от детей!?

Надо предположить, что это есть продолжение недоверия ко мне, – или меня наказывают? Я оказался в положении мальчишки, потому что, после разговоров с товарищами, я был убежден в получении паспорта, – озабочился в связи с этим об иностранных визах, переговорил с отделом печати НКВД, с ВОКСом о моих маршрутах и о предполагаемых делах и выступлениях за границей. Если это есть наказание, то оно очень жестоко.

Иосиф Виссарионович, даю Вам честное слово всей моей писательской судьбы, что, если Вы мне поможете выехать за границу и работать, я сторицей отработаю Ваше доверие. Я могу поехать за границу только лишь революционным писателем. Я напишу нужную вещь.

Позвольте в заключение сказать о моем теперешнем состоянии. Я говорил о моих ошибках и о том методе, который я избрал, чтобы их исправить. Всем сердцем и всеми помыслами я хочу быть с революцией, и очень часто у меня за последний год возникает ощущение, что кто-то меня отталкивает от нее, – я окружен недоверием, в окружении которого работать нельзя, – если бы Вы знали хотя б о том, сколько я обивал порог «Известий», чтобы напечатать ту статью, которую я шлю Вам, и обиваю до сих пор, чтобы допечатать мои таджикские очерки, которые приняты, но для которых катастрофически отсутствует в газете место.

Не ходить же мне ко всем и не говорить: верьте мне.

Но Вас я могу просить об этом, – и я прошу Вас мне помочь.

С величайшим нетерпением жду Вашего ответа.

Позвольте пожелать Вам всего хорошего».

Разумеется, Сталин ничему из того, в чем клялся Пильняк, не поверил. Иосиф Виссарионович был убежден, что осторожно помянутая писателем «полупричина» – желание наладить положение с переводами и получить причитающиеся гонорары – и есть подлинная причина его стремления на Запад. Сталин же Пильняка не простил и вполне справедливо считал своим врагом. И отнюдь не из-за «Красного дерева», старательно поминаемого Пильняком в письме, а из-за «Повести непогашенной луны».

В тот раз Пильняка после покаянного письма в тот же «Новый мир» как будто простили, постановлением Политбюро от 24 января 1927 года сняв запрет на сотрудничество в журналах и на публикацию пильняковских сочинений. Однако дело было в том, какие именно слухи отразил Пильняк в злополучной повести. Это были слухи о том, что глава военного ведомства старый большевик и бывший земгусар М.В. Фрунзе под давлением Сталина должен был согласиться на роковую операцию язвы желудка, причем Иосиф Виссарионович был заранее уверен, что Михаил Васильевич этой операции не перенесет. Эти слухи вряд ли соответствовали истине. В конце концов, вопрос об операции решал консилиум врачей, и Политбюро, обязав Фрунзе пойти на операцию, лишь выполняло рекомендации профессуры. Да и не было у Сталина серьезных мотивов убирать Фрунзе, к Троцкому никаких симпатий не питавшего и в близости ни к кому из потенциальных соперников в Политбюро не замеченного. Для Сталина в случае с «Повестью непогашенной луны» важнее было другое. Писатель понял, что Сталин мог так поступить с одним из ближайших соратников по партии. Значит, вождь способен уничтожить любого, кто станет на его пути. В этом своем прогнозе Пильняк не ошибся, но и Сталин, естественно, собирался рано или поздно перевести такого человека из разряда живых в разряд мертвых. Хотя, впрочем, Иосиф Виссарионович, быть может, допускал возможность, что Пильняк предпочтет остаться в «эмигрантском далеко». И не видел в этом ничего особенно страшного, полагая, что иностранной публике он интересен только как революционный писатель из России, рискующий критиковать неприглядные стороны социалистической действительности. В качестве писателя-эмигранта его очень быстро забудут и на родине, и за ее пределами.

Но пока что Сталин сделал вид, что внял аргументам Пильняка. И предложил членам Политбюро выезд писателя за границу разрешить. Самому же Пильняку Сталин 7 января 1931 года писал:

«Уважаемый тов. Пильняк!

Письмо Ваше от 4.I. получил. Проверка показала, что органы надзора не имеют возражений против Вашего выезда за границу. Были у них, оказывается, колебания, но потом они отпали. Стало быть, Ваш выезд за границу можно считать в этом отношении обеспеченным.

Всего хорошего».

В тот момент вождь, очевидно, не сомневался, что Пильняк благополучно вернется назад, и его заграничное путешествие можно будет разрекламировать как образец терпимости Советской власти и ее заботы о литературных кадрах. Вот, хоть и подвергали не раз Пильняка суровой критике (последней – в 1929 году, в связи с «Красным деревом»), но беспрепятственно выпустили в Европу. А он, как надеялся Сталин, постарается показать себя революционным писателем, чтобы и в дальнейшем иметь право прикоснуться к европейской жизни.

В середине мая 1935 года Пильняк вновь обратился с просьбой к Сталину, на этот раз, чтобы его выпустили за границу вместе с женой: «Прошу мне и жене моей Кире Георгиевне

(Андроникашвили. – Б. С.), студентке Государственного института кинематографии, выдать заграничные паспорта для поездки в Латвию, Эстонию, Финляндию, Швецию и Норвегию. В Латвии, Эстонии и Финляндии я сделал бы доклады в связи с продлением пактов о ненападении, что находит необходимым отдел печати НКВД, где и возникла мысль о моей поездке. Швецию и Норвегию я никогда не видел и хотел бы написать о них для советского читателя, равно как написал бы и о лимитрофах, бывших российских губерниях. Моя жена никогда не была за границей, и я считаю нужным взять ее с собой для того, чтобы будущий советский режиссер за границу знал. Мы намереваемся пробыть за границей не больше двух месяцев. Я хотел бы выехать за границу около пятнадцатого мая». И опять благополучно выехал. Сталин начертал на письме резолюцию: «Можно удовлетворить». Члены Политбюро, разумеется, не возражали.

Если бы Пильняк сделал логически верные выводы из истории с «Повестью непогашенной луны», то должен был бы сообразить, что Сталин его не простит и не пощадит. Однако он так и не остался за границей ни в одной из своих зарубежных поездок, последовавших после письма Сталину. Может быть, то, что его теперь легко выпускали за кордон, создавало иллюзию, что время в запасе еще есть.

Американский журналист Юджин Лайонс, корреспондент ЮПИ в СССР, вспоминал: «Весной 1931 года Борис Пильняк, над которым всего несколько лет назад сгущались грозные политические тучи, получил визу для заграничного путешествия. Это стало литературной сенсацией сезона. Вставал молчаливый вопрос, готов ли писатель вернуться в Советский Союз. Однажды вечером в Нью-Йорке я задал ему этот вопрос. «Нет, – ответил Пильняк задумчиво. – Я должен ехать домой. Вне России я чувствую себя словно рыба, вынутая из воды. Я просто не могу писать, и даже ясно думать нигде, кроме как на русской почве». Любовь к родной почве обернулась для Пильняка трагедией. В октябре 1937 года он был арестован, а 21 апреля 1938 года расстрелян.

Не помогло писателю даже публичное славословие в адрес Сталина. Так, в 1935 году он писал о Сталине в одной из своих статей как о «поистине великом человеке, человеке великой воли, великого дела и слова». Он послушно клеймил подсудимых на процессе «параллельного троцкистского центра» в январе 1937 года, требуя им смертного приговора, призывал «уничтожить каждого, кто посягнет на нашу Конституцию». Иосиф Виссарионович в эту риторику, тем не менее, не поверил и уничтожил самого Пильняка.

Интересно, что в разговоре с Лайонсом Пильняк фактически полемизировал со знаменитым булгаковским письмом к правительству от 28 марта 1930 года, текст которого был ему известен. Кстати сказать, Булгаков подавал прошение о заграничной поездке одновременно с Пильняком, но его, вдоволь поиздевавшись, так и не выпустили в Европу. В том письме Михаил Афанасьевич открыто заявил себя «горячим поклонником» свободы печати и высказал мнение: «...Если кто-нибудь из писателей задумал бы доказывать, что она ему не нужна, он уподобился бы рыбе, публично уверяющей, что ей не нужна вода». Он задавался вопросом: «Мыслим ли я в СССР?» и просил правительство: «...Приказать мне в срочном порядке покинуть пределы СССР...» Пильняк же готов был идти на компромисс относительно свободы, лишь бы только остаться в родной стране, вне которой своего творчества не мыслил. За что и поплатился пулей в затылок.

Борис Андреевич Пильняк (Вогау) был арестован 28 октября 1937 года и расстрелян 21 апреля 1938 года по ложному обвинению в шпионаже в пользу Японии. В 1956 году его реабилитировали.

Уже знакомый нам американский журналист Юджин Лайонс в 1953 году выпустил книгу «Наши секретные союзники – народы России». Здесь впервые было употреблено выражение «Гомо советикус», тоже, как кажется, имеющее в основе русский источник – еще в 1918 году философ о. Сергей Булгаков в «современных диалогах» «На пиру богов» говорил о появлении

в России «Гомо социалистикуса». Лайонс доказывал, что новый человек, сформировавшийся в СССР, «Гомо советикус», существо с мучительно раздвоенным сознанием, советскую идеологию воспринимает лишь по необходимости, из чувства самосохранения, в глубине души оставаясь русским патриотом и противником большевизма. Эта его подлинная сущность рано или поздно проявится и сделает его союзником Запада в начавшейся «холодной войне». Американский журналист был убежден, что старая Россия, которую большевики стремились представить отсталой страной, оказавшейся на обочине мирового развития, вовсе не была «интеллектуальной Сахарой», хотя в какой-то мере была «Сахарой экономической». «Лучшим доказательством этого... служат ее вершинные достижения в литературе, искусстве, науке, – писал Лайонс. – Они выражены в именах, которые пересекли границы России, чтобы сделаться частью достояния цивилизованного человечества, – имена, вроде Пушкина, Гоголя, Тургенева, Достоевского, Льва Толстого, Чехова, Мережковского, Горького в литературе, Чайковского, Глинки, Римского-Корсакова, Скрябина, Рахманинова, Прокофьева в музыке, Репина в живописи, Станиславского и Немировича-Данченко в театре, Менделеева в химии, Мечникова в медицине, Павлова в физиологии, Струве в астрономии, Бакунина, Кропоткина и, да, Ленина в социальной теории. Весь мир вдохновлен русской литературой, Московским Художественным театром, русским балетом».

В качестве примера «Гомо советикуса» Лайонс привел Алексея Толстого, с которым был близко знаком. Однажды Лайонс с женой были на вечере в особняке Толстого в Детском Селе, стены которого украшали эрмитажные гобелены и картины. Стол ломился от вин и закусок, хотя в то время горожане сидели на карточках, а крестьяне пухли с голода. После изрядной выпивки хозяин вдруг пригласил американца наверх в мансарду, где располагалась его библиотека. В комнате Лайонс увидел массивный рабочий стол в центре и множество книг по стенам. Из окна открывался типично русский пейзаж: деревянная церковь, коровы на лугу, мужики за работой. Толстой показал Лайонсу посмертную маску Петра Великого, над романом о котором как раз работал. Затем обернулся к окну и тихо сказал: «Джин, вот это настоящая Россия, моя Россия... Остальное – обман. Когда я вхожу в эту комнату, то стряхиваю с себя советский кошмар, закрываюсь от его зловония и ужаса. На то малое время, пока я со своим Петром, я могу сказать этим мерзавцам (это слово Лайонс процитировал по-русски): идите к чертям... В один прекрасный день, поверьте, вся Россия пошлет их к чертям... Это все, что я хотел, чтобы вы знали. А теперь вернемся к гостям».

Лайонс так прокомментировал этот монолог: «Хотя он больше никогда не высказывал мне своих подлинных чувств, это осталось между нами тихим секретом. С тех пор всегда, когда я слышу рассуждения о том, что приверженный традиции русский человек умер, что его заменил роботоподобный «Гомо советикус», я вспоминаю тот случай в библиотеке. Это был один из многочисленных случаев, которые убедили меня, что поверхностный слой советского конформизма может быть очень тонким. Сотни раз я видел, как под воздействием водки или еще более пьянящей обстановки конфиденциальности, этот слой разрушался, и вскоре перестал удивляться, когда люди, на виду у всех казавшиеся образцами правоверных коммунистов, внезапно начинали ругать все советское. Одержимость Толстого эпохой Петра была, в определенном смысле, бегством от ненавистного настоящего. Были и другие, кто пытался спрятаться в прошлом, в произведениях на историческую тему, чтобы избежать необходимости врать о современности».

Итак, по мнению Юджина Лайонса, «Гомо советикуса» нет и никогда не было, по крайней мере, среди русской интеллигенции (а он приводит немало примеров искренней ненависти к «нашим новым барам» со стороны рабочих, домохозяек и крестьян).

Алексей Толстой, как и Демьян Бедный, слишком любил жизненные блага, чтобы согласиться хотя бы на полудиссидентское существование в литературе, хотя бы на то, чтобы, как Пастернак, существовать главным образом переводами и неидеологизированной литературной

поденщиной. Вот о чем свидетельствует Осаф Литовский: «Алексей Николаевич любил рассказывать про еду. Он с увлечением описывал мне особый способ изготовления печеной картошки, так, чтобы соль выступила наружу («Ты ее сначала помой, потом мокрую посоли – и в духовку... Соль-то и выступит кристаллами, шкурка сморщится, хрустит... Хороша! Ну, и выпить, конечно!»). Печеная картошка была любимой закуской Алексея Николаевича.

С полным пониманием дела мог Толстой поговорить и о сравнительном качестве разных кусков мяса, и о преимуществе вареной говядины над жареной. У Алексея Николаевича вкус к еде был одной из сторон его полнокровного, радостного существования.

Здоровый человек, который не любит есть и пить, – пропащий человек, в этом Алексей Николаевич был убежден. А по мнению Демьяна Бедного, такой человек даже и доверия не заслуживал...

Когда я сейчас его вспоминаю, я вижу широкую, исключительно приветливую улыбку и озорной глаз Толстого: он разглядывает со всех сторон только что вынутый из щей большой дымящийся кусок вареного мяса. Разговор идет своим чередом: он спрашивает, я отвечаю, но главное не забывается.

Поставлена «серьезная задача»: захватить мозговую косточку и все, что вокруг нее. И хотя мы знаем наперед, что лакомый кусочек непременно попадет Алексею Николаевичу – таковы уж правила игры, – все-таки во взгляде Толстого азарт.

Итак, трофей захвачен!

Толстой радостно, совершенно по-детски, смеется, издевается надо мной. И лишь после этого мы приступаем к священнодействию...

Можно было бы при тяготении к литературным образам назвать Алексея Николаевича Толстого Гаргантюа, но мне кажется, что никакое иностранное сравнение не подошло бы к этой чисто русской фигуре. Русский, русский с головы до пят!»

Не с Толстого ли писал Булгаков Никанора Ивановича Босого во время обеда в «Мастере и Маргарите»? Сравните: «Супруга его принесла из кухни аккуратно нарезанную селедочку, густо посыпанную зеленым луком. Никанор Иванович налил лафитничек водки, выпил, налил второй, выпил. Подхватил на вилку три куса селедки... и в это время позвонили. А Пелагея Антоновна внесла дымящуюся кастрюлю, при одном взгляде на которую сразу можно было догадаться, что в ней, в гуще огненного борща, находится то, чего вкуснее нет в мире, – мозговая кость...

Никанор Иванович разливательной ложкой поволок из огнедышащего озера – ее, кость, треснувшую вдоль. И в эту минуту в столовую вошли двое граждан, а с ними почему-то очень бледная Пелагея Антоновна».

Дальнейшее – известно.

И Алексей Толстой, и Демьян Бедный, и другие писатели и деятели искусства прекрасно сознавали, что за ними в любой момент могут прийти двое в штатском или в форме, и спешили пить чашу жизни до дна, как и, кстати сказать, герой булгаковского рассказа «Чаша жизни».

Сталин стремился выстроить в партии строгую иерархию, при этом постепенно растворяя в аппарате старых большевиков, для которых он не был безусловным вождем, теми, кто вступил в партию уже после 1917 года и настроениями которых было куда легче манипулировать. Еще 17 апреля 1923 года, выступая с организационным отчетом на XII съезде партии – последнем, прошедшем при жизни Ленина, Сталин заявил: «Внутри ЦК имеется ядро в 10–15 человек, которые до того наловчились в деле руководства политической и хозяйственной работой наших органов, что рискуют превратиться в своего рода жрецов по руководству. Это, может быть, и хорошо, но это имеет и очень опасную сторону: эти товарищи, набравшись большого опыта по руководству, могут заразиться самомнением, замкнуться в себе самих и оторваться от работы в массах... Если они не имеют вокруг себя нового поколения будущих

руководителей, тесно связанных с работой на местах, то эти высококвалифицированные люди имеют все шансы заостенеть и оторваться от масс... Ядро внутри ЦК, которое наострилось в деле руководства, становится старым, ему нужна смена. Вам известно состояние здоровья Владимира Ильича; вы знаете, что и остальные члены основного ядра ЦК достаточно поизносились. А новой смены еще нет – вот в чем беда. Создать руководителей партии очень трудно: для этого нужны годы, 5—10 лет, более 10-ти; гораздо легче завоевать ту или другую страну при помощи т. Буденного, чем выковать 2—3-х руководителей из низов, могущих в будущем действительно стать руководителями страны». Так исподволь Сталин готовил замену старой гвардии в ЦК своими аппаратными выдвиженцами, будто бы «тесно связанными с массами» и зачастую не имевшими ни нормального образования, ни опыта дореволюционной подпольной борьбы. Объявленный же после смерти Ленина массовый так называемый «ленинский призыв» в партию еще больше укрепил позиции Сталина. Ведь призывом управлял его аппарат, а для новообращенных партийцев Сталин был уже почитаемым вождем.

Когда Зиновьев и Каменев заключали со Сталиным блок против Троцкого, они рассчитывали что Коба не будет представлять для них, опытных ораторов и публицистов, популярных в массах, никакой серьезной опасности. Но, помимо прочего, Григорий Евсеевич и Лев Борисович не учли одного важного обстоятельства. К тому времени гражданская война закончилась, и в стране установилась однопартийная диктатура. Убеждать массы в своей правоте и искать их популярности вождям больше не требовалось. За них это делал пропагандистский аппарат. А организационный аппарат занимался подбором людей на съезды и конференции, а также подбором кадров во все партийные и государственные учреждения. Сталин же, как генеральный секретарь, успел подчинить себе партаппарат, что предопределило его победу. И в дальнейшем в схватках за власть, когда возникал вопрос о преемнике, победу неизменно одерживал тот из вождей, кто контролировал партию: так Хрущев одолел Маленкова, а Брежнев – Шелепина и других конкурентов в борьбе за власть. Сталину же только на руку было то, что Каменев и Зиновьев недооценили его как выдающегося политического тактика, а также его способность в нужный момент предавать товарищей по партии, с которыми только недавно заключил блок или союз. Разумеется, ни Зиновьев, ни Каменев не были людьми особо моральными, и с «чуждыми элементами» могли поступать вполне аморально. Троцкий, по словам Б. Бажанова, несколько отличался в этом плане от других партийных вождей: «Я бы сказал, что Троцкий – тип верующего фанатика. Троцкий уверовал в марксизм; уверовал затем в его ленинскую интерпретацию. Уверовал прочно и на всю жизнь. Никаких сомнений в догме и колебаний у него никогда не было видно. В вере своей он шел твердо. Он мог только капитулировать перед всей партией, которую он считал совершенным орудием мировой революции, но он никогда не отказывался от своих идей и до конца дней своих в них твердо верил; верил с фанатизмом. Из людей этого типа выходят Франциски Ассизские, и Петры Отшельники, и Савонаролы; но и Троцкие, и Гитлеры...

Не приняв специфической морали Ленина, он был в отличие от него человеком порядочным. Хотя и фанатик, и человек нетерпимый в своей вере, он был отнюдь не лишен человеческих чувств – верности в дружбе, правдивости, элементарной честности. Он в действительности не был ленинским большевиком».

Подчеркну, что эти качества Троцкого – фанатизм, честность и следование моральным принципам хотя бы в отношениях с однопартийцами – решающим образом ослабляли его позиции в борьбе со Сталиным. Тот фанатиком не был, и поэтому проявлял необходимую гибкость в схватке за власть, с легкостью заключал временные союзы, чтобы завтра же предать и даже уничтожить союзников. Кстати, позднее фанатизм Гитлера, невозможность отказаться от расовой доктрины и привлечь на свою сторону народы СССР сослужили фюреру плохую службу в борьбе со Сталиным.

Характерно, что проблема террора ни Зиновьева, ни Каменева, ни Троцкого, ни Бухарина не беспокоила, пока они сами в конце концов не стали его жертвами. Но по отношению к партийцам они еще считали нужным соблюдать хоть какие-то партийные нормы и не думали, что Сталин поступит с ними столь круто и подло, сначала выбросив на обочину политической жизни, а затем уничтожив – сперва морально, а потом физически.

Мощным орудием в руках Сталина стала система номенклатуры. 8 ноября 1923 года ЦК РКП(б) принял постановление о порядке подбора всех руководящих партийных и государственных работников. Еще в 1919 году в ЦК был создан Учетно-распределительный отдел, ведавший распределением по ответственным должностям наиболее надежных и проверенных коммунистов. Уже к 1922 году Учраспред произвел назначения на 10 тысяч постов. И вот в 1923 году постановление ЦК завершило формирование в основных чертах номенклатурной системы. В дальнейшем вошли в обиход выражения «номенклатура ЦК», «номенклатура обкома». Для масс существовала Советская власть, которую они, пусть и весьма условно, особенно после «сталинской конституции» 1936 года, но все-таки выбирали. Действительное же назначение на все посты осуществляли партийные органы, которые утверждали, в том числе, и кандидатов в Советы всех уровней, и деятельность которых проходила под покровом тайны.

Само слово «номенклатура» – латинское. В античном Риме был специальный раб, в обязанность которого входило громко выкрикивать имена гостей. Его называли «номенклатор». Отсюда «номенклатура» – список имен или названий.

Согласно постановлению 1923 года было создано 7 комиссий по пересмотру состава работников основных государственных и хозяйственных органов. Комиссии занимались промышленностью, кооперацией, торговлей, транспортом и связью, финансово-земельными органами, органами просвещения, административно-советскими органами. Отдельная комиссия курировала наркоматы иностранных дел и внешней торговли. Список 3500 наиболее важных постов, в том числе членов Совнаркома, ВЦИК, ЦИК СССР, членов президиумов и коллегий наркоматов, руководство ВЦСПС и ВСНХ и т. д., вплоть до руководителей крупнейших промышленных предприятий и кооперативов, составил номенклатуру № 1. Заместители начальников главков и управлений центральных органов попали в другой список – номенклатуру № 2, а руководители на местах составили номенклатуру № 3. Всего в номенклатуру тогда было включено 13 163 человека. Это была номенклатура ЦК РКП(б). Дальше следовали номенклатуры работников, находящихся в ведении республиканских, областных, городских и районных комитетов партии. Как отмечалось в советском учебнике «Партийное строительство», «номенклатура – это перечень наиболее важных должностей, кандидатуры на которые предварительно рассматриваются, рекомендуются и утверждаются данным партийным комитетом (райкомом, горкомом, обкомом партии и т. д.). Освобождаются от работы лица, входящие в номенклатуру партийного комитета, также лишь с его согласия. В номенклатуру включаются работники, находящиеся на ключевых постах». Наряду с партийной, существовала подчиненная ей хозяйственная номенклатура. Были должности номенклатуры министерства, главка и т. д. И, разумеется, ни в каких конституциях и законах номенклатура никогда не отражалась – только в документах с грифом «секретно» или, в крайнем случае, «для служебного пользования».

Советские органы существовали только как ширма, прикрывавшая от народа диктатуру партии. Все решения как бы принимались от имени Совета министров, исполкомов местных Советов, правительств союзных республик. Широкая публика не ведала, что каждому такому решению предшествовала соответствующая директива партийного органа. Когда в 1923 году заместитель наркома внешней торговли М.И. Фрумкин передал постановление пленума ЦК ВКП(б) о монополии внешней торговли уполномоченному Наркомвнешторга Украины и сослался на это постановление в телеграмме торгпредам, то удостоился гневной отповеди от Бюро Секретариата ЦК: «Постановления ЦК оформляются в советском порядке в виде законодательных актов или распоряжений. Поэтому сами вопросы часто по существу не являются сек-

ретными, но, наоборот, доводятся до сведения широких слоев населения в советском порядке. Секретным является порядок прохождения вопросов через партийную организацию, постановления которой являются директивой партии тому или иному члену. Поэтому каждый член партии, получив директиву партийного органа, проводит таковую в жизнь от своего имени по занимаемой должности».

Инициатором официального оформления номенклатурных списков был именно Сталин. В апреле 1923 года на XII партсъезде он заявил: «Доселе дело велось так, что дело учраспреда ограничивалось учетом и распределением товарищей по укомам, губкомам и обкомам. Теперь учраспред не может замыкаться в рамках укомов, губкомов, обкомов... Необходимо охватить все без исключения отрасли управления». Система номенклатуры стала основой неограниченной диктатуры партийного вождя.

Сталин на февральско-мартовском пленуме ЦК 1937 года, давая старт кампании репрессий против представителей партийного аппарата, говорил, выражая свою приверженность к военному порядку построения партии и общества: «В составе нашей партии... около 3–4 тысяч высших руководителей. Это, я бы сказал, – генералитет нашей партии. Далее идут 30–40 тысяч средних руководителей. Это – наше партийное офицерство. Дальше идут около 100–150 тысяч низшего партийного командного состава. Это, так сказать, наше партийное унтер-офицерство». Перед нами – на военный манер построенная вертикаль исполнительной власти в отсутствие власти законодательной и власти судебной – тот идеал, который построил Сталин.

Автор классического труда «Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза», изданного в СССР только в год его падения, Михаил Восленский писал: «Главное в номенклатуре – власть. Не собственность – власть». У номенклатуры путинского призыва, особенно из числа силовиков, задача другая – власть как можно быстрее трансформировать в собственность. И тот же Восленский заметил, что на ответственные посты обычно выдвигали людей, которые не слишком к этим постам подходили. Это делалось умышленно – чтобы человек ощущал, что он поставлен на это место только благодаря воле начальства и только лояльность начальству гарантирует его выживание. А поскольку бездарностью управлять легче, чем талантом, в номенклатуре преобладали люди неяркие, посредственные, иногда просто глупые. Стоит посмотреть на нынешних членов путинской команды, хотя бы на главу Совета Федерации, чтобы уяснить себе, что данная номенклатурная заповедь здесь свято соблюдается.

Против номенклатурной системы попытался робко возразить Каменев. 21 декабря 1925 года, на XIV съезде партии, где зиновьевцы попытались дать бой Сталину, Лев Борисович заявил: «Мы против того, чтобы создавать теорию «вождя», мы против того, чтобы делать «вождя». Мы против того, чтобы Секретариат, фактически объединяя и политику и организацию, стоял над политическим органом. Мы за то, чтобы внутри наша верхушка была организована таким образом, чтобы было действительно полновластие Политбюро, объединяющее всех политиков нашей партии, и вместе с тем чтобы был подчиненный ему и технически выполняющий его постановления Секретариат... Лично я полагаю, что наш генеральный секретарь не является той фигурой, которая может объединить вокруг себя старый большевистский штаб... Именно потому, что я неоднократно говорил это т. Сталину лично, именно потому, что я неоднократно говорил группе товарищей-ленинцев, я повторяю это на съезде: я пришел к убеждению, что тов. Сталин не может выполнить роли объединителя большевистского штаба... Эту часть своей речи я начал словами: мы против теории единоначалия, мы против того, чтобы создавать вождя!»

Это был глас вопиющего в пустыне. Ведь делегатов съезда за пределами лояльной Зиновьеву ленинградской парторганизации назначал все тот же ненавидимый Каменевым, но полностью подвластный Сталину секретариат. Это одно уже предreshало исход борьбы со всеми оппозициями. Восстание секретариата случилось лишь один раз в истории – против Хрущева,

который уж очень нервировал аппаратчиков своими экспериментами и критикой Сталина, критикой, во многом лишавшей их смысла существования.

Сталин опирался на «сынов нужды и борьбы» – выходцев из рабочих и крестьян, пополнивших партию после октября 1917 года, а еще больше – после января 1924 года, в рамках так называемого «ленинского призыва». Заняв номенклатурные посты, они были обязаны своим выдвижением только Сталину и поддержали его во всех перипетиях внутрипартийной борьбы, что все равно не избавило многих из них от печальной участи в 1937 году и позже.

В период борьбы с оппозицией Сталин не раз прибегал к угрозе своей отставкой. Это был чисто риторический прием, призванный сплотить вокруг него партийные ряды. Впервые Сталин написал заявление об отставке 19 августа 1924 года. Это была хорошо рассчитанная игра на высокопоставленную партийную публику, ибо Иосиф Виссарионович прекрасно знал, что никто его отставку принимать не собирается. Заодно Сталин «опустил» в глазах соратников по партии своих коллег по «триумвирату» Каменева и Зиновьева, все более превращавшихся в конкурентов в борьбе за ленинское наследство и власть в партии и в стране. Его письмо пленуму ЦК РКП(б) гласило:

«Полуторагодовая совместная работа в Политбюро с тт. Зиновьевым и Каменевым после ухода, а потом и смерти Ленина, сделала для меня совершенно ясно невозможность честной и искренней совместной политической работы с этими товарищами в рамках одной узкой коллегии. Ввиду этого прошу считать меня выбывшим из состава Пол. Бюро ЦК.

Ввиду того, что ген. Секретарем не может быть не член Пол. Бюро, прошу считать меня выбывшим из состава Секретариата (и Оргбюро) ЦК.

Прошу дать отпуск для лечения месяца на два.

По истечении срока прошу считать меня распределенным либо в Туруханский край, либо в Якутскую область, либо куда-либо за границу на какую-либо невидную работу.

Все эти вопросы просил бы Пленум разрешить в моем отсутствии и без объяснений с моей стороны, ибо считаю вредным для дела дать объяснения, кроме тех замечаний, которые уже даны в первом абзаце этого письма.

Т-ща Куйбышева просил бы раздать членам ЦК копию этого письма.

С ком. прив. И. Сталин».

Сталин юродствовал, предлагая отправить себя на места былых ссылок, Сталин издевался над коллегами по Политбюро, которые все еще терпели эти издевательства, видя в генсеке единственную и желаемую альтернативу Троцкому. И, разумеется, пленум отставки не принял.

Еще раз Сталин попросился в отставку 27 декабря 1926 года, в разгар борьбы с троцкистско-зиновьевской оппозицией, мотивируя свою просьбу тем, что «не в силах больше работать на этом посту», и нисколько не сомневаясь, что товарищи по партии эту просьбу отвергнут. А третий раз, для законченности сюжета, Сталин заявил о намерении уйти в отставку 19 декабря 1927 года, в официальный день своего рождения и вскоре после окончательной победы над Троцким. Во всех трех случаях это был не более чем риторический жест, поскольку Иосиф Виссарионович нисколько не сомневался, что ЦК единогласно (или почти единогласно) попросит его остаться.

Все время своего нахождения на высшем партийном посту Сталин неизменно клялся именем Ленина, освящал все свои действия авторитетом создателя партии и главного архитектора Октябрьской революции. Например, 21 января 1925 года, в первую годовщину со дня смерти Ленина, Сталин писал в письме в редакцию «Рабочей Газеты»: «Помните, любите, изучайте Ильича, нашего учителя, нашего вождя (от избытка патетики Иосиф Виссарионович

невольно сбился на белый стих. – Б. С.). Стройте новую жизнь, новый быт, новую культуру, – по Ильичу. Боритесь и побеждайте врагов, внутренних и внешних, – по Ильичу. Никогда не отказывайтесь от малого в работе, ибо из малого строится великое, – в этом один из важных заветов Ильича».

Данный текст более всего напоминает народную сказку, адаптированную для детей. Простые слова, многократный, ритмический повтор слов и мыслей. Очень напоминает, замечу, гайдаровскую «Сказку о Мальчише-Кибальчише»: «Летят самолеты – салют мальчишу, плывут пароходы – салют мальчишу». Как и другие статьи и выступления Сталина, это письмо было рассчитано на полуграмотную массу, действовало на подсознание, должно было воодушевлять на трудовые подвиги и беспощадную борьбу с врагами, побуждать бездумно доверять живому вождю, воплощающему в жизнь заветы умершего вождя, превращенного теперь в нетленного бога.

Как сторонники, так и противники Сталина противопоставляли и до сих пор противопоставляют его Ленину. Одни, как Троцкий и те из «шестидесятников», кто пытался вернуться к «неискаженному ленинскому социализму», противопоставляли Ленина Сталину как положительного культурного героя – отрицательному. Другие, как, например, сторонники некоторых фашистских течений в русской эмиграции в 30–40-е годы и позднейшие националисты-сталинисты уже в СССР и в постсоветской России, противопоставляют Сталина Ленину уже в качестве положительного героя – истинного русского патриота, отказавшегося от ленинских «интернационалистских бредней» и «химер мировой революции» (последнее, впрочем, сталинисты в большей мере склонны приписывать Троцкому) и создавшего великую империю – мировую сверхдержаву. Порой сталинисты, особенно из числа национал-большевиков, смягчают это противопоставление, признавая определенные заслуги и за Лениным и делая также и его одним из своих культурных и политических героев, но все-таки – героем № 2, вслед за героем № 1 – Сталиным. Если же объективно сравнивать Ленина и Сталина, то можно сказать, что между ними не было сколько-нибудь принципиального различия. Оба делали упор на построение социализма прежде всего в одной стране. В этом было их принципиальное сходство. В борьбе и Ленин и Сталин беспощадно применяли террор, но первый использовал его только против «чужих», а второй – также и против своих оппонентов из числа большевиков. Принципиально отличался от них Троцкий, который мыслил себе победу коммунизма только в мировом масштабе. На самом деле даже теоретической возможности победы мировой революции, хотя бы в виде ее торжества не только в России, но еще также, например, в Германии и Италии, не было в принципе. Надежды на это были утопией. В более благополучных, чем Россия, странах лишь меньшинство населения желало радикального переустройства общества на коммунистических началах, и активность этого меньшинства в целом уравнивалась теми слоями, которых отнюдь не вдохновлял пример Москвы. И невозможно было себе представить, чтобы сразу в нескольких странах в один и тот же момент сложились бы столь экстремальные внешние и внутренние условия, как в России в 1917 году. Но Троцкий, ошибаясь насчет мировой революции, безусловно оказался прав в том смысле, что торжество ленинско-сталинского социализма в России так и не привело к его победе во всемирном масштабе и вообще, по историческим меркам, оказалось довольно коротким – каких-нибудь 70 лет.

Сравнение Ленина и Сталина стало, повторю, общим местом. Сталина и Троцкого сравнивают реже и часто не в пользу Троцкого. Расхожим является мнение, будто Сталин просто заимствовал программу Троцкого. Но в действительности Троцкий никогда не предполагал насильственную коллективизацию по типу сталинской, и когда она случилась, категорически осудил ее методы, хотя и приветствовал результат. Он также не предполагал делать индустриализацию за счет полного ограбления крестьянства и говорил о необходимости уменьшить ножницы цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию. Троцкий после неудачи похода на Варшаву (противником которого он был, считая непосильным для Красной Армии)

также придерживался мнения, что Красная Армия должна придерживаться стратегии истощения, а не сокрушения, и оборонительного, а не наступательного образа действий. Лев Давыдович видел мировую революцию как результат внутреннего взрыва, наподобие того, что произошёл в России в 17-м, а не как результат интервенции Красной Армии. Сталин в этом плане был куда большим реалистом и понимал, что за пределы СССР коммунистические порядки можно принести только на красноармейских штыках.

Внук одного из «отцов» советской водородной бомбы Игоря Тамма Леонид Вернский вспоминал, как однажды они с дедом и с другим «отцом» водородной бомбы Андреем Сахаровым обсуждали, «что бы вышло, приди к власти не Сталин, а Троцкий. Дед полагал, что жертв было бы в 10 раз меньше, АДС – в 100, а я – в 1000... Дед сравнивал Троцкого с Берией, подчеркивая их рационализм и проницательность. Ему запомнилось, как Троцкому удавалось быстро схватить суть совершенно незнакомых ему вопросов. (Ещё будучи наркомвоенмором, Троцкий посетил электроламповый завод, а Тамм давал ему необходимые пояснения.) Точно так же Берия во время «ядерных» совещаний мгновенно улавливал суть дела и задавал вполне разумные вопросы. Он совершенно игнорировал «неблагонадежность» тех, кто был нужен для дела... Он-то знал цену любому компромату...

Но дед Гора (так Вернский называл И.Е. Тамма. – Б. С.) вспоминал и о том, как «фанатик» Троцкий во время гражданской войны раскатывал в залитом электричеством бывшем царском салон-вагоне. Дед был настолько убежден (с 17-го года!) в преимуществах социалистического строя, что даже неоправданные жертвы пытался объяснить «детской болезнью».

Насчет салона-вагона Троцкого стоит заметить, что Сталин тоже не в теплушке по фронтам гражданской войны разъезжал. Однако разница в этом отношении между Сталиным и Троцким действительно существовала. Лев Давыдович был равнодушен к жизненным благам, будь хорошая одежда, гастрономические деликатесы или красивые женщины (у председателя Реввоенсовета было немало любовниц, и даже его убийство, осуществленное спецгруппой НКВД, сталинская пропаганда пыталась представить как результат разборок из-за женщин). Сталин тоже аскетом не был, в отличие от Гитлера, в пищу себя не ограничивал, от спиртных напитков не отказывался, да и прекрасным полом, как мы убедились на примере его амурных походов ещё в дореволюционные годы, отнюдь не пренебрегал. Однако в целом Иосиф Виссарионович к роскоши был равнодушен, модно и красиво одеваться не стремился. Как влез в 43-м в маршалский мундир, так и проходил в нем одно 10 лет, до самой смерти. Для Сталина на первом месте была власть и только власть, власть сама по себе, а не для осуществления какой-нибудь великой, с его точки зрения, идеи или какого-либо государственного замысла. В этом было отличие Сталина от Гитлера, для которого власть была тоже абсолютной ценностью, но необходимой только для реализации одной идеи – превосходства германской расы во всемирном масштабе. Троцкому же скорее важна была даже не власть, а идея. В принципе он готов был бы смириться, что она у кого-нибудь другого, если этот кто-то осуществит идею мировой «пролетарской революции». Для Льва Давыдовича было важно быть идеологом, теоретиком, мыслителем, чей авторитет признавали бы за ум и выдающиеся, как он полагал, административные качества, а отнюдь не ловкость в политической борьбе. То, что власть была главным и единственным принципом Сталина, давало ему громадное преимущество во внутривнутрипартийной борьбе, освобождало его от химеры идеологии и от каких-либо моральных оков. Троцкий был революционер, а не политик. Сталин был политик, а не революционер.

Ещё в январе 1918 года, выступая на III Всероссийском съезде Советов, Сталин откровенно заявил: «Нам, представителям рабочих, нужно, чтобы народ был не только голосующим, но и правящим. Властвуют не те, кто выбирает и голосует, а те, кто правит». Если вспомнить другое высказывание Сталина, можно сказать, что властвует не тот, кто выбирает, а тот, кто считает голоса. Отмечу, что постсоветская действительность дает тому массу примеров.

А вот пример типичной для Сталина передержки. В декабре 1925 года, на XIV съезде партии, где был дан бой ленинградской «новой оппозиции» во главе с Зиновьевым, Сталин провозгласил: «Превратить нашу страну из аграрной в индустриальную, способную производить своими собственными силами необходимое оборудование, – вот в чем суть, основа нашей генеральной линии».

Позиция оппонентов Сталина в его «Краткой биографии» была расценена следующим образом: «Сталинскому плану социалистической индустриализации Зиновьев и Каменев пытались противопоставить свой «план», согласно которому СССР должен был остаться аграрной страной. Это был предательский план закабаления СССР и выдачи его со связанными ногами и руками империалистическим хищникам». На самом деле «новая оппозиция» отнюдь не была противником индустриализации и критиковала Сталина не по этому, а по другим пунктам – за слишком большие, по ее мнению, уступки, сделанные кулаку, в угоду Бухарину, за отказ от провоцирования мировой революции, за ликвидацию внутрипартийной демократии. Но это было одним из приемов, который Сталин нередко использовал в полемике: подменить один тезис другим, чтобы поставить противника в неудобное положение и заставить аудиторию забыть, из-за чего, собственно, идет спор.

По поводу данной ему в ленинском завещании не самой лестной характеристики Сталин заявил, выступая 23 октября 1927 года на объединенном пленуме ЦК и ЦКК, где троцкистско-зиновьевской оппозиции был нанесен последний удар: «Говорят, что в этом «завещании» Ленин предлагал съезду ввиду «грубости» Сталина обдумать вопрос о замене Сталина на посту генерального секретаря другим товарищем. Это совершенно верно. Да, я груб, товарищи, в отношении тех, которые грубо и вероломно разрушают и раскалывают партию. Я этого не скрывал и не скрываю. Возможно, что здесь требуется известная мягкость в отношении раскольников. Но этого у меня не получается. Я на первом же заседании пленума ЦК после XIII съезда просил пленум ЦК освободить меня от обязанностей генерального секретаря. Съезд сам обсуждал этот вопрос. Каждая делегация обсуждала этот вопрос, и все делегации единогласно, в том числе и Троцкий, Каменев, Зиновьев, обязали Сталина остаться на своем посту.

Что же я мог сделать? Сбежать с поста? Это не в моем характере, ни с каких постов я никогда не убегал и не имею права убегать, ибо это было бы дезертирством. Человек я, как уже раньше об этом говорил, подневольный, и, когда партия обязывает, я должен подчиниться.

Через год после этого я вновь подал заявление в пленум об освобождении, но меня вновь обязали остаться на посту.

Что же я мог еще сделать?

Что же касается опубликования «завещания», то съезд решил его не опубликовывать, так как оно было адресовано на имя съезда и не было предназначено для печати».

Троцкий пожинал плоды собственной беспринципности. В 1925 году, подчиняясь решению Политбюро, он в отклике на книгу американского журналиста Истмена фактически отрицал подлинность опубликованного там текста ленинского завещания и утверждал: «Все разговоры о скрытом или нарушенном «завещании» представляют собой злостный вымысел и целиком направлены против фактической воли Владимира Ильича и интересов созданной им партии». Сталин со злорадством процитировал на пленуме эти слова своего главного оппонента. Тем более, что в бюллетене, предназначенном для руководящих партийных органов и изданном более чем десятитысячным тиражом, Иосиф Виссарионович ленинское завещание все-таки издал.

Внешнеполитическая программа Сталина в 20-е годы заключалась прежде всего в противостоянии с державами Антанты и ассоциировавшимися в его сознании с ними Соединенными Штатами Америки. Стратегической же задачей было вбить клин между Европой и Америкой, в частности отдалить США от решения германских дел. Именно неустойчивость положения в Германии создавала надежду на новую мировую войну. Но возможности влиять на евро-

пейские и мировые дела в то время у Сталина были весьма ограничены. Сокращенная после гражданской войны Красная Армия едва превышала по численности армии государств-лимитрофов, взятых вместе. Разумеется, опасаться совместного нападения этих государств на Советский Союз не было никаких оснований, хотя бы потому, что между ними существовали достаточно серьезные противоречия (взять хотя бы виленский спор между Литвой и Польшей). Что еще важнее, правительства лимитрофов совсем не хотели рисковать своей недавно обретенной государственностью или, в случае с Румынией, новыми территориями в столкновении с Советским Союзом. Но и сил у СССР для успешного нападения на пояс лимитрофов тогда еще не было. Как торговый партнер Советский Союз, ориентированный на автаркию и не имевший в своем распоряжении конкурентоспособных на мировом рынке товаров, большого интереса не представлял. Автаркия, а также бедность населения препятствовали также широкомасштабному импорту в СССР из Западной Европы потребительских товаров. Оставалось только с помощью местной компартии вносить свой вклад в поддержание политической нестабильности в Германии (благо такая нестабильность успешно сохранялась и без советского вмешательства) и делать упор на милитаризацию экономики (для широких масс она называлась модным словом «индустриализация»), результаты которой должны были дать Сталину возможность проводить политику с позиции силы.

В декабре 1925 года, выступая на XIV съезде партии, Сталин заявил: «В данный момент Америка не желает войны в Европе. Они как бы говорят Европе: я тебе ссудила миллиарды, ты не рыпайся, если хочешь и впредь получать денежки, если не хочешь, чтобы твоя валюта вверх тормашками полетела, сиди и работай, зарабатывай денежки и выплачивай проценты по долгам (сам Иосиф Виссарионович по долгам платить не любил и продолжил ленинскую традицию отказа от уплаты по обязательствам царского и Временного правительства тем, что отказался рассчитываться с Англией и США за ленд-лиз: «Мы не лохи, чтобы платить!» – Б. С.)...»

Со времени победы пролетарской революции в нашей стране из мировой системы капитализма выпала целая громадная страна с громадными рынками сбыта, с громадными источниками сырья, и это, конечно, не могло не повлиять на хозяйственное положение Европы. Потерять одну шестую часть мира, потерять рынки и источники сырья нашей страны это значит для капиталистической Европы сократить свое производство, поколебать его коренным образом. И вот для того, чтобы положить конец этой отчужденности европейского капитала от нашей страны, от наших рынков и источников сырья, оказалось необходимым пойти на некую полосу «мирного сожительства» с нами, чтобы пробраться к нашим рынкам и к источникам сырья, – иначе нет, оказывается, возможности достичь какой-нибудь хозяйственной устойчивости в Европе...»

Здесь Сталин, не знаю, искренне или лукаво, в пропагандистских целях, преувеличивал степень зависимости мировой экономики от России. Не то чтобы российские зерно или нефть совсем уж ничего не значили на мировом рынке. Но, в конце концов, зерно можно было покупать еще и в США, Канаде, Австралии или Аргентине. Да и на бакинской нефти свет клином не сошелся. Ее можно было закупать в той же Румынии, Иране, Индонезии, Венесуэле... Российский уголь вообще никогда не играл существенной экспортной роли. Что же касается России как рынка, то тот же текстиль или посуда с гораздо большим успехом могли найти спрос и у более состоятельного европейского потребителя.

Сталин был прав, что европейскую, да и мировую экономику еще до великой депрессии 1929–1933 годов серьезно лихорадило. Но причиной этого было вовсе не «выпадение России из системы мирового капиталистического хозяйства», как утверждал Сталин, а положение Германии, изнемогавшей под гнетом репарационных выплат и не способной в прежнем объеме поставлять промышленную продукцию своим соседям. Еще важнее было то, что Германия практически выпала из мировой финансовой системы, что делало последнюю заведомо нестабильной.

На XIV съезде Сталин предложил программу сотрудничества с капиталистическими странами – с тем, чтобы потом их вернее закопать: «Мы не можем отменить известного закона нашей страны, изданного в 1918 году, – об аннулировании царских долгов. Мы остаемся на основе этого закона. Мы не можем аннулировать тех декретов, которые были провозглашены и которые узаконили у нас экспроприацию экспроприаторов. На базе этих законов мы стоим и будем стоять в будущем. Но мы не прочь некоторые исключения, в плане в порядке практических переговоров, сделать и для Англии и для Франции по части бывших царских долгов, с тем чтобы малую толику выплатить и кое-что получить за это. Мы не прочь бывших частных собственников удовлетворить предоставлением им концессий, но опять-таки с тем, чтобы условия концессий были не кабальными...

Мы должны строить наше хозяйство так, чтобы наша страна не превратилась в придаток мировой капиталистической системы, чтобы она не была включена в общую систему капиталистического развития как ее подсобное предприятие, чтобы наше хозяйство развивалось не как подсобное предприятие мирового капитализма, а как самостоятельная экономическая единица, опирающаяся, главным образом, на внутренний рынок, опирающаяся на смычку нашей индустрии с крестьянским хозяйством нашей страны.

Есть две генеральные линии: одна исходит из того, что наша страна должна остаться еще долго страной аграрной, должна вывозить сельскохозяйственные продукты и привозить оборудование, что на этом надо стоять и по этому пути развиваться и впредь. Эта линия требует, по сути дела, свертывания нашей индустрии... Эта линия ведет к тому, что наша страна никогда, или почти никогда, не могла бы по-настоящему индустриализироваться, наша страна из экономически самостоятельной единицы, опирающейся на внутренний рынок, должна была бы объективно превратиться в придаток общей капиталистической системы. Эта линия означает отход от задач нашего строительства.

Это не наша линия.

Есть другая генеральная линия, исходящая из того, что мы должны приложить все силы к тому, чтобы сделать нашу страну страной экономически самостоятельной, независимой, базирующейся на внутреннем рынке, страной, которая послужит очагом для притягивания к себе всех других стран, понемногу отпадающих от капитализма и вливающихся в русло социалистического хозяйства. Эта линия требует максимального развертывания нашей промышленности, однако в меру и в соответствии с теми ресурсами, которые у нас есть. Она решительно отрицает политику превращения нашей страны в придаток мировой системы капитализма. Это есть наша линия строительства, которой держится партия и которой будет она держаться и впредь. Эта линия обязательна, пока есть капиталистическое окружение».

И еще Сталин коснулся государственной винной монополии: «Кстати, два слова об одном из источников резерва – о водке. Есть люди, которые думают, что можно строить социализм в белых перчатках. Это – грубейшая ошибка, товарищи. Ежели у нас нет займов, ежели мы бедны капиталами и если, кроме того, мы не можем пойти в кабалу к западноевропейским капиталистам, не можем принять тех кабальных условий, которые они нам предлагали и которые мы отвергли, – то останется одно: искать источники в других областях. Это все-таки лучше, чем закабаление».

Автаркия – вот какой экономический курс взял Сталин окончательно и бесповоротно. А автаркическую экономику, т. е. экономику, абсолютно не зависящую от импорта и ориентированную исключительно на внутренние ресурсы, создают те государства, которые готовятся к войне. Но для создания военной промышленности было необходимо современное оборудование, которое в СССР не производилось. Для его закупок требовалось продавать продукцию сельского хозяйства, а чтобы сподручнее было изымать ее у крестьян в пользу государства, Сталин провел коллективизацию и загнал крестьян в колхозы, где они не имели уже никаких прав на продукты своего труда. Вот когда Красная Армия получит с избытком вооружения и

боевой техники, тогда можно будет начать с ее помощью «притягивать» к СССР другие страны и помещать их «в русло социалистического хозяйства».

Сталин, как и Ленин, любил представлять СССР центром мирового развития, к которому будто бы постоянно обращены взоры как друзей, так и врагов. Но на самом деле в 20-е годы внутреннее положение Советского Союза и происходившая там борьба за власть не слишком волновало великие державы Запада, занятые преодолением последствий Первой мировой войны. А в той мере, в какой западных политиков все же волновало соперничество Сталина и Троцкого, первый казался меньшим из двух зол. С Троцким прочно ассоциировалась идея мировой революции, именно он был вождем Красной Армии, когда она пыталась ворваться в Польшу. Сталин казался более вменяемым политиком, с которым можно иметь дело, можно так или иначе договориться. И Кобе такая позиция была, безусловно, на руку.

На объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 23 октября 1927 года, где троцкистско-зиновьевской оппозиции был нанесен решающий удар и ее лидеры были выведены из руководства партии, Сталин говорил о себе уже в третьем лице: «Вы слышали здесь, как старательно ругают оппозиционеры Сталина, не жалея сил. Это меня не удивляет, товарищи. Тот факт, что главные нападки направлены против Сталина, этот факт объясняется тем, что Сталин знает лучше, может быть, чем некоторые наши товарищи, все плутни оппозиции, надуть его, пожалуй, не так-то легко, и вот они направляют удар прежде всего против Сталина. Что ж, пусть ругаются на здоровье (расстрелять мы их всегда успеем. – Б. С.).

Да что Сталин, Сталин человек маленький. Возьмите Ленина. Кому не известно, что оппозиция во главе с Троцким, во время Августовского блока, вела еще более хулиганскую травлю против Ленина. Послушайте, например, Троцкого:

«Каким-то бессмысленным наваждением кажется дрянная склока, которую систематически разжигает с их дел мастер Ленин, этот профессиональный эксплуататор всякой отсталости в русском рабочем движении» (см. Письмо Троцкого Чхеидзе в апреле 1913 г.).

Язычок-то, язычок какой, обратите внимание, товарищи. Это пишет Троцкий. И пишет он о Ленине.

Можно ли удивляться тому, что Троцкий, так бесцеремонно третирующий великого Ленина, сапога которого он не стоит, ругает теперь почему зря одного из многих учеников Ленина – тов. Сталина.

Более того, я считаю для себя делом чести, что оппозиция направляет всю свою ненависть против Сталина. Оно так и должно быть. Я думаю, что было бы странно и обидно, если бы оппозиция, пытаясь разрушить партию, хвалила Сталина, защищающего основы ленинской партийности».

Миф великого Ленина, который начал создаваться еще при жизни основоположника большевистской партии, в полной мере использовался Сталиным для возвеличивания собственной персоны. Он неоднократно скромно именовал себя одним из многих учеников великого Ленина. Однако только Иосиф Виссарионович на съездах и пленумах позволял говорить сам о себе в третьем лице. Уже одно это давало понять партийцам, кто есть самый верный и самый главный ленинский ученик. И, в полном соответствии с законами построения мифа, главный злодей Троцкий должен был стремиться извести главного культурного героя Сталина, но неизменно терпел неудачу. Здесь миф отнюдь не расходился с жизнью. Троцкий действительно избрал главной мишенью своей критики Сталина, но совсем не преуспел в борьбе с ним.

Кстати, Троцкий, как и Сталин, неоднократно подчеркивал, что является учеником Ленина, а своих сторонников называл «подлинными марксистами-ленинцами». В статье, посвященной памяти Ленина, он, в частности, писал: «Наши сердца поражены сейчас такой безмерной скорбью, что мы все, великой милостью истории, родились современниками Ленина, работали рядом с ним, учились у него... Как пойдем вперед? – С фонарем ленинизма в руках...»

Троцкому припомнили и его небольшевизм, и острую полемику с Лениным. О последних же ленинских записках, где Ленин во многом солидаризировался с Троцким и остро критиковал Сталина, Иосиф Виссарионович предпочитал не вспоминать. А послушное воле генсека большинство делегатов, естественно, вспоминало только об ошибках Троцкого, Зиновьева и Каменева и их действительных и мнимых разногласиях с Лениным.

В борьбе с троцкистско-зиновьевским блоком задачу Сталина сильно облегчало то обстоятельство, что еще вчера Троцкий, с одной стороны, и Зиновьев и Каменев – с другой, были врагами и объединились, по сути, только по тактическим соображениям – чтобы попытаться сместить Сталина с поста генсека и не допустить установления его диктатуры в партии и в стране. Поэтому Сталину не надо было грешить против истины, подводя на XV партсъезде в декабре 1927 года итоги борьбы с оппозицией: «Известно, что в конце 1924 года Троцкий издал брошюру под названием «Уроки Октября». Известно, что в этой брошюре Троцкий квалифицировал Каменева и Зиновьева как правое, полуменьшевистское крыло нашей партии. Известно, что брошюра Троцкого послужила причиной целой дискуссии в нашей партии. И что же? Прошло всего около года – и Троцкий отказался от своих взглядов, провозгласив, что Зиновьев и Каменев представляют не правое крыло нашей партии, а ее левое, революционное крыло.

Еще пример, уже из области истории зиновьевской группы. Известно, что Зиновьев и Каменев написали целый ворох брошюр против троцкизма. Известно, что еще в 1925 году Зиновьев и Каменев объявили, вместе со всей партией, о несовместимости троцкизма с ленинизмом. Известно, что Зиновьев и Каменев, вместе со всей партией, проводили резолюции как на съездах нашей партии, так и на V конгрессе Коминтерна, о мелкобуржуазном уклоне троцкизма. И что же? Не прошло и года после того, как они отреклись от своих взглядов, отказались от них и провозгласили, что группа Троцкого является подлинно ленинской и революционной группой в составе нашей партии. (Голос: «Взаимная амнистия!») ... Не ясно ли из этого, что никому еще в нашей партии не удавалось так легко и свободно отречься от своих принципов, как Троцкому, Зиновьеву и Каменеву? (Смех.)».

И тогда же, на XV съезде, Сталин уже наметил программу коллективизации, заявив о необходимости перехода «мелких и распыленных крестьянских хозяйств на крупные и объединенные хозяйства на основе общественной обработки земли... на базе новой, высшей техники». В тот момент Бухарин еще был союзником Сталина, и тот, чтобы успокоить друга и соратника, подчеркнул, что коллективизация должна иметь сугубо добровольный характер: «Выход в том, чтобы мелкие и мельчайшие крестьянские хозяйства постепенно, но неуклонно, не в порядке нажима, а в порядке показа и убеждения, объединять в крупные хозяйства на основе общественной, товарищеской, колхозной обработки земли, с применением сельскохозяйственных машин и тракторов, с применением научных приемов интенсификации земледелия. Другого выхода нет». И Бухарин поверил. А всего через год другой выход нашелся. К тому времени выяснилось, что «в порядке показа» крестьян завлечь в колхозы невозможно, что большинство из них не желает отдавать в безраздельную собственность государству плоды своего труда в обмен на жалкие подачки в виде трудодней и право обрабатывать себе на пропитание крошечные приусадебные участки. «Научные приемы интенсификации земледелия» не вышли за пределы опытных участков. Тракторов, правда, уже к концу 30-х годов появилось много, но только потому, что тракторные заводы вообще-то предназначались для выпуска танков. Оттого трактора получались громоздкие, тяжелые и не очень приспособленные для работы на земле.

Не знаю, действительно ли Сталин в 1927 году верил, что крестьян можно добром побудить вступать в колхозы. Думаю, вряд ли он так считал. Ведь на памяти был совсем недавний опыт продразверстки, когда крестьяне не проявляли никакой готовности даром отдавать хлеб, а оказывали продотрядам вооруженное сопротивление и поднимали восстания. Дать же им

что-то существенное взамен за сданный хлеб государство не могло ни в 1918 году, ни в конце 20-х годов. Ведь тогда даже костюмы, платья и сапоги выдавались только по ордерам. Развивать же в ходе первых пятилеток планировалось только тяжелую промышленность, которая никак не могла уменьшить потребительский голод в стране. К 1927 году валовой сбор зерна был уже почти на уровне довоенного 1913 года, а вот товарная часть урожая составляла лишь 37 процентов от уровня царских времен. Крестьяне побогаче, кулаки и середняки, не торопились продавать урожай, поскольку на вырученные деньги мало что можно было купить. Так что Сталин и в 1927 году наверняка понимал, что крестьян придется загонять в колхозы «в порядке нажима». А Бухарин еще питал иллюзии о возможности «мирного вrastания» крестьянина в социализм.

Комментируя параллельные официальным демонстрации, устроенные троцкистско-зиновьевской оппозицией в Москве и Ленинграде 7 ноября 1927 года, и другие акции своих противников, Сталин заявил: «Необходимость со всей ясностью поставить вопрос о троцкистской подпольной организации диктуется всей ее деятельностью последнего времени, которая заставляет партию и Советскую власть относиться к троцкистам принципиально иначе, чем относилась к ним партия до XV съезда.

7 ноября 1927 года открытое выступление троцкистов на улице было тем переломным моментом, когда троцкистская организация показала, что она порывает не только с партийностью, но и с советским режимом.

Этому выступлению предшествовал целый ряд антипартийных и антисоветских действий: насильственный захват государственного помещения для собрания (МВТУ), организация подпольных типографий и т. п. ...

Год, прошедший со времени XV съезда, показал правильность решения XV съезда, исключившего активных деятелей троцкистов из партии. В течение 1928 года троцкисты завершили свое превращение из подпольной антипартийной группы в подпольную антисоветскую организацию. В этом то новое, что заставило в течение 1928 года органы Советской власти принимать репрессивные мероприятия по отношению к деятелям этой подпольной антисоветской организации.

Не могут органы власти пролетарской диктатуры допускать, чтобы в стране диктатуры пролетариата существовала подпольная организация, хотя бы и ничтожная по числу своих членов, но имеющая все же свои типографии, свои комитеты, пытающаяся организовать антисоветские стачки, скатывающаяся к подготовке своих сторонников к гражданской войне против органов пролетарской диктатуры. Но именно до этого докатились троцкисты, бывшие некогда фракцией внутри партии и ставшие теперь подпольной антисоветской организацией.

Понятно, что все, что есть в стране антисоветского, меньшевистского, все это выражает сочувствие троцкистам и группируется теперь вокруг троцкистов».

А еще раньше, в докладе на XV Всесоюзной партконференции 1 ноября 1926 года Сталин заявил, обращаясь к троцкистам: «Партия не может больше терпеть и не будет терпеть, чтобы вы каждый раз, когда вы остаетесь в меньшинстве, выходили на улицу, объявляли кризис в партии и трепали партию... Партия не может и не будет терпеть того, чтобы вы, шельмуя партийный руководящий аппарат и ломая режим в партии, ломая железную дисциплину, объединяли и оформляли все и всякие осужденные партией течения в новую партию, под флагом свободы фракций... Мы знаем, что у нас имеются большие трудности на путях строительства социализма. Мы видим эти трудности и имеем возможность преодолевать их. Мы приветствовали бы всякую помощь со стороны оппозиции в преодолении этих трудностей. Но партия не может и не будет терпеть того, чтобы вы делали попытки использовать эти трудности для ухудшения нашего положения, для нападения на партию, для атак против партии... Партия не может и не будет терпеть того, чтобы оппозиционеры продолжали и впредь сеять идейную сумятицу в партии, преувеличивать наши трудности, культивировать пораженческие настрое-

ния, проповедовать идею невозможности построения социализма в нашей стране и подрывать тем самым основы ленинизма. Партия не может и не будет терпеть этого».

Фактически Троцкий и его сторонники не могли быть терпимы в тоталитарной системе, поскольку угрожали создать конкурирующую со сталинской вторую политическую партию, подвергали сомнению декларируемые Сталиным догматы, критиковали, и отнюдь нелицеприятно, его действия. А Сталину нужна была только одна, истинно верная линия, которая не должна была вызывать сомнения ни у рабочих, ни у крестьян. Интеллигенция пусть сомневается, лишь бы помалкивала. И столь же опасны были призывы повысить зарплату рабочим в тот момент, когда для создания тяжелой промышленности, предназначенной для войны, требовалось потуже затянуть пояса. Подготовку к войне можно было осуществлять в советских условиях только в отсутствие всякой оппозиции. Троцкий, Зиновьев, Каменев, а потом Бухарин, Рыков, Томский были обречены. Ради идеологической монолитности общества их требовалось уничтожить, сначала морально, а потом физически.

Кстати, на той же XV партконференции Троцкий как будто начал допускать возможность, что капитализм, быть может, еще совсем не загнивает, и тогда не только мировая пролетарская революция невозможна в сколько-нибудь обозримом будущем, но и Октябрьская революция в России теряет смысл. Лев Давыдович гнал от себя эту мысль, бежал от нее, как черт от ладана, но все же рискнул высказать товарищам по партии, пребывать в которой ему осталось всего лишь год, крамольное предположение: «А что же будет, если и в тридцать лет не будет мировой революции? Думаете ли вы, что капитализм может обеспечить себе новую полосу подъема, расширенное воспроизведение того процесса, который был до империалистической войны? Если считать, что это возможно (а я полагаю, что на это шансов у капитализма нет), если теоретически это допустить, то это означало бы, что капитализм в европейском и мировом масштабе своей миссии не исчерпал, что это не империалистический загнивающий капитализм, а развивающийся капитализм, ведущий хозяйство и культуру вперед, – но это означало бы, что мы пришли слишком рано».

Сталина подобные «тонкие материи» не волновали. Ему была важна власть, а не идея. Кобе важно было получить в свои руки власть в одной стране, а потом употребить ее и для достижения господства в соседних государствах, а дальше – как бог даст. Если при этом местный пролетариат восстанет, Красной Армии – очень хорошо. Но в идеале Красную Армию надо сделать настолько мощной, чтобы она не зависела от симпатий и антипатий иностранных трудящихся, а сам Сталин – от позиций местных компартий. Для того же, чтобы Красная Армия была сильной, нужна индустриализация, что и требовалось доказать.

В борьбе с троцкистами Сталин, пусть и не открыто, использовал, в форме своеобразной «серой» пропаганды, еврейское происхождение лидеров оппозиции, играя на антисемитских настроениях значительной части народа. Замечу, что в борьбе с руководством правых этот тезис был бесполезен, поскольку верхушка этой группировки состояла из этнических русских. А вот по отношению к молодым марксистам – теоретикам и журналистам из так называемой «школы Бухарина» этот прием также использовался, но в достаточно прикрытом виде.

В феврале 1937 года в статье «Термидор и антисемитизм» Троцкий утверждал: «Во время последнего московского процесса («параллельного троцкистского центра» в январе 1937 года. – Б. С.) я отметил в одном из своих заявлений, что в борьбе с оппозицией Сталин эксплуатирует антисемитские настроения в стране...

Евреи – типично городское население. На Украине, в Белоруссии, даже в Великороссии они составляют значительный процент городского населения. Советский режим нуждается в таком количестве чиновников, как никакой другой режим в мире. Чиновники вербуются из более культурного городского населения. Естественно, если евреи занимают в среде бюрократии, особенно в ее нижних и средних слоях, непропорционально большое место... Ненависть крестьян и рабочих к бюрократии есть основной факт советской жизни (поэтому в Великую

Отечественную войну население, особенно на недавно присоединенных территориях, нередко с энтузиазмом выдавало немцам партийных функционеров. – Б. С.). Деспотический режим, преследование всякой критики, удушение живой мысли, наконец, судебные подлоги представляют собой лишь отражение этого основного факта. Даже априорно невозможно допустить, чтобы ненависть к бюрократии не принимала антисемитской окраски, по крайней мере там, где чиновники-евреи составляют значительный процент населения.

В 1923 году я на партийной конференции большевистской партии Украины выставил требование: чиновник должен уметь говорить и писать на языке окружающего населения. Сколько по этому поводу было иронических замечаний, исходивших в значительной мере от еврейской интеллигенции, которая говорила и писала по-русски и не хотела учиться украинскому языку! Надо признать, что в этом отношении положение значительно изменилось к лучшему. Но мало изменился национальный состав бюрократии и, что неизмеримо важнее, антагонизм между населением и бюрократией чудовищно возрос за последние 10–12 лет. О наличии антисемитизма, причем не только старого, но и нового, «советского», свидетельствуют решительно все серьезные и честные наблюдатели, особенно те, которым приходилось длительное время жить среди трудящихся масс.

Советский чиновник чувствует себя морально в осажденном лагере. Он стремится всеми силами выскочить из своей изолированности. Политика Сталина по крайней мере на 50 % продиктована этим стремлением. Сюда относятся: лжесоциалистическая демагогия («социализм уже осуществлен», «Сталин даст, дает, дал народу счастливую жизнь» и пр. и пр.); 2) политические и экономические меры, которые вокруг бюрократии должны создать широкий слой новой аристократии (непропорционально высокий заработок стахановцев, чины, ордена, новая «знать» и пр.) и 3) подлаживание к националистическим чувствам и предрассудкам отсталых слоев населения...

Мои сыновья со дня рождения носят фамилию своей матери (Седова). Никогда никакой другой фамилии у них не было – ни в школе, ни в университете, ни в дальнейшей деятельности. Что касается меня, то я в течение 34 лет ношу фамилию Троцкий. За советский период никто и никогда не называл меня фамилией Бронштейн (строго говоря, называли. Например, Маяковский в поэме 1927 года «Хорошо» вложил в уста контрреволюционно настроенного штабс-капитана Попова (прототипом которого послужил вполне реальный мемуарист и писатель штабс-капитан 13-го Лейб-Гренадерского Эриванского полка Константин Сергеевич Попов) следующую тираду: «Офицерам – Суворова, Голенищева-Кутузова благодаря политикам ловким быть под началом Бронштейна бескартузого, какого-то бесштанного Левки?!» – Б. С.), как Сталина никто не называл Джугашвили. Чтоб не заставлять сыновей менять фамилию, я для «гражданских» надобностей принял фамилию жены (что по советским законам вполне допускается). После того, однако, как мой сын Сергей Седов был привлечен по совершенно невероятному обвинению в подготовке истребления рабочих, ГПУ сообщило советской и иностранной печати, что «настоящая»(!) фамилия моего сына не Седов, а Бронштейн. Если б эти фальшивомонетчики хотели подчеркнуть связь обвиняемого со мной, они назвали бы фамилию Троцкого, ибо политически фамилия Бронштейн никому ничего не говорит. Но им нужно было другое, именно: подчеркнуть мое еврейское происхождение и полуеврейское происхождение моего сына. Я остановился на этом эпизоде только потому, что он имеет животрепещущий и отнюдь не исключительный характер. Вся борьба против оппозиции полна таких эпизодов.

Между 1923 и 1926 годом, когда Сталин входил еще в «тройку» с Зиновьевым и Каменевым, игра на струнах антисемитизма носила очень осторожный и замаскированный характер. Особо вышколенные агитаторы (Сталин уже тогда вел подспудную борьбу против своих союзников) говорили, что последователями Троцкого являются мелкие буржуа из «местечек», не определяя национальности. На самом деле это было неверно (действительно, трудно было

вообразить себе не только евреев-нэпманов, но и мелких торговцев и ремесленников, которые были бы в большом восторге от Троцкого, с именем которого связывались террор и насилие в отношении «буржуазии». – Б. С.). Процент еврейской интеллигенции в оппозиции был, во всяком случае, не выше, чем в партии и в бюрократии. Достаточно назвать штаб оппозиции 23—25-х годов: И.Н. Смирнов, Серебряков, Раковский, Пятаков, Преображенский, Крестинский, Муралов, Белобородов, Мрачковский, В. Яковлева, Сапронов, В.М. Смирнов, Ищенко – сплошь коренные русские люди (строго говоря, из приведенного списка Раковский (Станчев) был болгарин, Мрачковский, скорее всего, имел если не еврейские, то польские корни, а Ищенко, скорее всего, был украинцем. Однако в целом преобладание в этом списке троцкистов этнических русских несомненно. – Б. С.). Радек в тот период был только полусочувствующим. Но, как и в судебных процессах взяточников и других негодяев, так и при исключении оппозиционеров из партии бюрократия охотно выдвигала случайные и второстепенные еврейские имена на первый план. Об этом совершенно открыто говорилось в партии, и в этом обстоятельстве оппозиция уже в 1925 году видела безошибочный симптом загнивания правящего слоя.

После перехода Зиновьева и Каменева в оппозицию положение резко изменилось к худшему. Теперь открылась полная возможность говорить рабочим, что во главе оппозиции стоят «три недовольных еврейских интеллигента». По директиве Сталина Угланов в Москве и Киров в Ленинграде проводили эту линию систематически и почти совершенно открыто. Чтоб легче продемонстрировать перед рабочими различие между «старым» курсом и «новым», евреи, хотя бы и беззаветно преданные генеральной линии, снимались с ответственных партийных и советских постов. Не только в деревне, но даже на московских заводах травля оппозиции уже в 1926 году принимала нередко совершенно явный антисемитский характер. Многие агитаторы прямо говорили: «Бунтуют жида». У меня были сотни писем, клеймившие антисемитские приемы в борьбе с оппозицией.

На одном из заседаний Политбюро я написал Бухарину записку: «Вы не можете не знать, что даже в Москве в борьбе против оппозиции применяются методы черносотенной демагогии (антисемитизма и пр.)». Бухарин уклончиво ответил мне на той же бумажке: «Отдельные случаи, конечно, возможны». Я снова написал ему: «Я имею в виду не отдельные случаи, а систематическую агитацию партийных секретарей на больших московских предприятиях. Согласны ли вы отправиться со мной для расследования, например, на фабрику «Скороход» (я знаю ряд других предприятий)». Бухарин ответил: «Что ж, можно отправиться...» Тщетно, однако, я пробовал заставить его выполнить обещание: Сталин строго-настрого запретил ему это.

В месяцы подготовки исключения оппозиции из партии, арестов и ссылок (вторая половина 1927 года) антисемитская агитация приобрела совершенно разнузданный характер. Лозунг «бей оппозицию» окрашивался нередко старым лозунгом: «Бей жидов, спасай Россию». Дело зашло так далеко, что Сталин оказался вынужден выступить с печатным заявлением, которое гласило: «Мы боремся против Троцкого, Зиновьева, Каменева не потому, что они евреи, а потому, что они оппозиционеры» и пр. Для всякого политически мыслящего человека было совершенно ясно, что это сознательно двусмысленное заявление, направленное против «эксцессов» антисемитизма, в то же время совершенно преднамеренно питало его. «Не забывайте, что вожди оппозиции – евреи», таков был смысл заявления Сталина, напечатанного во всех советских газетах. Когда оппозиция в ответ на репрессии перешла к более открытой и решительной борьбе, Сталин в виде многозначительной «шутки» сказал Пятакову и Преображенскому: «Вы теперь против ЦК прямо с топорами выходите, тут видать вашу «православную» работу; Троцкий действует потихоньку, а не с топором». Пятаков и Преображенский рассказали мне об этом разговоре с горячим возмущением. Попытки противопоставить мне «православное» ядро оппозиции делались Сталиным десятки раз».

Оппозиционеры, будучи интернационалистами и сторонниками мировой революции, никогда не опускались в антисталинской пропаганде до тезиса, например, о «кавказском заси-

лье» в Политбюро. Хотя повод для подобной спекуляции на чувствах славянского большинства был – в сталинской группировке в Политбюро, кроме Сталина, были еще Орджоникидзе и Микоян, а позднее, в 1939 году, кандидатом в члены Политбюро Берия, которому и довелось организовать убийство Троцкого.

В дальнейшем, в 30-е годы, слово «троцкист» стало синонимом слова «враг». Самыми страшными политическими статьями стали «контрреволюционно-троцкистская» и «троцкистско-террористическая» деятельность. Сторонников Троцкого обвиняли в шпионаже в пользу всех «империалистических держав», в том числе и нацистской Германии, объявляли их «пятой колонной» Германии и Японии в СССР, обвиняли в террористических намерениях против Сталина и других партийных и государственных руководителей. Троцкистами называли не только действительных сторонников Троцкого, но и всех, к кому НКВД намеревался применить особо жестокие политические репрессии. Троцкистами называли и сторонников Бухарина, и деятелей прежней «рабочей оппозиции», и «децистов», и любых других участников партийных оппозиций. Да и вообще всех, кто особо не нравился органам, даже если в оппозициях и даже в партии несчастный никогда не состоял. Считалось, что все троцкисты – изменники и предатели, которые спят и видят, как бы помочь иностранным интервентам поработить Советскую страну.

Действительность Великой Отечественной войны, разумеется, все эти пропагандистские построения начисто опровергла. Из настоящих троцкистов никто не встал и не мог встать в ряды вермахта, не стал пособником Гитлера. Да иного и нельзя было ожидать. И не только потому, что среди сторонников Троцкого было значительное число (но отнюдь не большинство) евреев, которым расовая доктрина Третьего рейха не оставляла места на земле. Главным было то, что троцкисты были искренними приверженцами идеи мировой пролетарской революции и ни с какими империалистами, а тем более фашистами (нацистами) сотрудничать никогда не собирались, даже если бы ценой такого сотрудничества можно было надеяться свергнуть горячо ненавидимого ими Сталина. Видный деятель троцкистского подполья на Украине в начале 30-х годов журналист Эммануил Казакевич, ставший впоследствии известным писателем, войну начал в ополчении, а закончил ее в Германии помощником начальника разведки армии. Видный троцкист поэт Иосиф Уткин в 1944 году погиб на фронте. Многие другие троцкисты вступили в ополчение рядовыми (офицерами их не брали из-за неблагонадежности, несмотря на то, что многие имели опыт командования в гражданскую войну), и уцелевшие порой сделали довольно успешную карьеру. Кадры же коллаборационистов рекрутировались совсем из других людей. Прежде всего, это были сторонники национальных партий, выступавших за независимость соответствующих территорий, особенно на Северном Кавказе, а также донские и кубанские казаки, жители недавно присоединенных Прибалтики и Западной Украины и Западной Белоруссии, а также некоторые ветераны Белого движения, ориентировавшиеся на ту (меньшую) часть белой эмиграции, которая сотрудничала с Гитлером. Наиболее крупное русское коллаборационистское движение – Русскую освободительную армию возглавил кадровый генерал Красной Армии А.А. Власов, всю свою карьеру сделавший при Сталине и ни в каких партийных оппозициях никогда не состоявший. Среди других руководителей РОА были как люди, подвергшиеся репрессиям (Малышкин, Мальцев), или выходцы из дворян (Трухин), но и вполне правоверный сталинский партийный функционер Жиленков. Сложнее обстоит дело с одним из идеологов власовского движения М. Зыковым, чья подлинная биография до сих пор не написана (он бесследно исчез в Берлине в 1944 году). Однако, судя по имеющимся отрывочным сведениям, он был сторонником не Троцкого, а Бухарина, хотя, возможно, и не подвергся за это репрессиям и, во всяком случае, избежал ГУЛАГа.

Руководителей же другого крупного коллаборационистского формирования – Русской освободительной народной армии (РОНА) – инженеров Воскобойника и Каминского, НКВД причислял к сторонникам мифической Трудовой крестьянской партии. Изучение же докумен-

тов РОНА заставляет думать, что взгляды ее создателей были близки эсеровским, например лозунг «Все для народа, все через народ».

Террористических намерений, которые им приписывал Сталин, троцкисты в действительности не имели, и уж тем более они не были агентами иностранных государств. Деятельность троцкистского подполья ограничивалась агитацией – распространяли печатавшийся за границей «Бюллетень оппозиции» или сами изготовляли листовки. Особой угрозы Сталину от этой деятельности, надо признать, никогда не было. Тиражи троцкистских листовок были мизерными, их авторы чаще всего рано или поздно попадали в руки ОГПУ – НКВД, и большого влияния на общество троцкистская пропаганда иметь никак не могла.

В отличие от троцкистов, которые действительно боролись против Сталина, в том числе и в подполье, те, кого Сталин отнес к «правому уклону», борьбы против него не вели. Бухарин, Рыков, Томский и другие вместе со Сталиным громили Троцкого и Зиновьева. Когда же между ними и Сталиным обнаружились принципиальные разногласия по вопросу о методах и темпах коллективизации сельского хозяйства, то «правые», в отличие от троцкистов, не пытались сместить Сталина с поста генсека, а лишь старались убедить его в правильности своего курса. Лишь когда стало ясно, что это – пустая затея, Бухарин и Рыков в июле 1928 года попытались вступить в союз с опальными Сокольниковым и Каменевым, но не представляя ни способов, каким может быть осуществлен подобный блок, ни методов, какими надо бороться со Сталиным. Этим они лишь приблизили свой трагический конец. Тем более, что троцкисты, когда в начале 1929 года стало ясно, что песенка Бухарина спета, обнародовали факт встречи и содержание переговоров Каменева и Бухарина в специальной листовке. После этого доверие Сталина к Бухарину было подорвано окончательно и бесповоротно.

Сталин, выступая на пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в апреле 1929 года, утверждал: «Рыков говорил здесь в своей речи, что генеральная линия у нас одна, и если у нас имеются некоторые «незначительные» разногласия, то это потому, что существуют оттенки в понимании генеральной линии».

Верно ли это? К сожалению, неверно. И не только неверно, но прямо противоположно истине. В самом деле, если линия у нас одна и существуют между нами лишь оттенки, то почему Бухарин бегал ко вчерашним троцкистам, во главе с Каменевым, пытаясь устроить с ними фракционный блок против ЦК и его Политбюро? Разве это не факт, что Бухарин говорил там о «гибельности» линии ЦК, о принципиальных разногласиях Бухарина, Томского и Рыкова с ЦК партии, о необходимости коренного изменения состава Политбюро? Если линия одна, почему Бухарин конспирировал со вчерашними троцкистами против ЦК и почему его поддерживали в этом деле Рыков и Томский? Если генеральная линия одна, то как можно допустить, чтобы одна часть Политбюро, придерживающаяся одной общей генеральной линии, строила подкопы против другой части Политбюро, придерживающейся той же самой генеральной линии?

Разве можно допускать такую политику перелетов при наличии одной общей генеральной линии?..

Рыков уверял здесь, что Бухарин является одним из самых «безупречных» и «лояльных» членов партии в отношении ЦК нашей партии.

Позвольте в этом усомниться. Мы не можем верить на слово Рыкову. Мы требуем фактов. А фактов-то и нет у Рыкова.

Взять, например, такой факт, как закулисные переговоры Бухарина с группой Каменева, связанной с троцкистами, об организации фракционного блока, об изменении политики ЦК, об изменении состава Политбюро, об использовании хлебозаготовительного кризиса для выступления против ЦК. Спрашивается, где же тут «лояльность», «безупречность» Бухарина в отношении своего ЦК?

Не есть ли это, наоборот, нарушение всякой лояльности со стороны одного из членов Политбюро в отношении своего ЦК, в отношении своей партии? Если это называется лояльностью в отношении ЦК, то что называется тогда предательством своего ЦК?

Бухарин любит говорить о лояльности, о честности, но почему он не попытается взглянуть на себя и спросить себя: не нарушает ли он самым нечестным образом элементарные требования лояльности в отношении своего ЦК, ведя закулисные переговоры с троцкистами против своего ЦК и предавая таким образом свой ЦК?

Бухарин говорил здесь об отсутствии коллективного руководства в ЦК партии, уверяя нас, что требования коллективного руководства нарушаются большинством Политбюро ЦК...

Конечно, наш пленум все терпит. Он может стерпеть и это бесстыдное и лицемерное заявление Бухарина. Но нужно действительно потерять чувство стыда, чтобы взять на себя смелость выступить на пленуме в таком духе против большинства ЦК.

В самом деле, о каком коллективном руководстве может быть здесь речь, если большинство ЦК, запрягшись в государственную телегу, двигает ее вперед с напряжением всех своих сил, прося группу Бухарина помочь ему в этом трудном деле, а группа Бухарина не только не помогает своему ЦК, а, наоборот, – всячески мешает ему, бросает палки в колеса, угрожает отставкой и сговаривается с врагами партии, с троцкистами, против ЦК нашей партии?

Кто же, кроме лицемеров, может отрицать, что Бухарин, устраивающий блок с троцкистами против партии и предающий свой ЦК, не желает и не будет осуществлять коллективное руководство в Центральном Комитете нашей партии?

Кто же, кроме слепых, может не видеть, что если Бухарин все же болтает о коллективном руководстве в ЦК, кивая против большинства ЦК, то это он делает для того, чтобы замаскировать таким образом свою предательскую позицию?..»

Главным пунктом разрыва Сталина с Бухариным стала коллективизация. Во время поездки по Сибири в январе 1928 года Сталин так обосновал необходимость коллективизации в связи со срывом плана хлебозаготовок: «Кулаки ждут не просто повышения цен, а требуют повышения цен втрое в сравнении с государственными ценами. Думаете ли вы, что можно удовлетворить кулаков? Беднота и значительная часть середняков уже сдали государству хлеб по государственным ценам. Можно ли допустить, чтобы государство платило втрое дороже за хлеб кулакам, чем бедноте и середнякам? Стоит только поставить этот вопрос, чтобы понять всю недопустимость удовлетворения кулацких требований...

Предлагаю:

А) потребовать от кулаков немедленной сдачи всех излишков хлеба по государственным ценам;

Б) в случае отказа кулаков подчиниться закону, – привлечь их к судебной ответственности по 107 статье Уголовного кодекса РСФСР и конфисковать у них хлебные излишки в пользу государства, с тем чтобы 25 процентов конфискованного хлеба было распределено среди бедноты и маломощных середняков по низким государственным ценам или в порядке долгосрочного кредита...

Но нет гарантий, что саботаж хлебозаготовок со стороны кулаков не повторится в будущем году. Более того, можно с уверенностью сказать, что пока существуют кулаки, будет существовать и саботаж хлебозаготовок. Чтобы поставить хлебозаготовки на более или менее удовлетворительную основу, нужны другие меры. Какие именно меры? Я имею в виду развертывание колхозов и совхозов.

Колхозы и совхозы являются, как вам известно, крупными хозяйствами, способными применить тракторы и машины. Они являются более товарными, чем помещичьи и кулацкие хозяйства. Нужно иметь в виду, что наши города и наша промышленность растут и будут расти с каждым годом. Это необходимо для индустриализации страны. Следовательно, будет расти с каждым годом спрос на хлеб, а значит, будут расти и планы хлебозаготовок. Поставить нашу

индустрию в зависимость от кулацких капризов мы не можем. Поэтому нужно добиться того, чтобы в течение ближайших трех-четырёх лет колхозы и совхозы, как сдатчики хлеба, могли бы дать государству хотя бы третью часть потребного хлеба. Это оттеснило бы кулаков на задний план и дало бы основу для более или менее правильного снабжения хлебом рабочих и Красной Армии...»

Для полной же победы социализма и советского строя Сталин потребовал в близкой перспективе не частичной, а полной коллективизации сельского хозяйства – «чтобы поставить на прочную базу вполне достаточное снабжение всей страны продовольствием с обеспечением необходимых резервов продовольствия в руках государства» и «добиться победы социалистического строительства в деревне, в земледелии». Он призывал: «Нужно покрыть все районы нашей страны, без исключения, колхозами (и совхозами), способными заменить, как сдатчика хлеба государству, не только кулаков, но и индивидуальных крестьян». Тем самым будут ликвидированы «все источники, рождающие капиталистов и капитализм», и удастся «уничтожить возможность реставрации капитализма». Здесь Сталин сослался на мысль Ленина о том, что преобладающее в России индивидуальное крестьянство постоянно порождает капиталистов и капитализм и тем самым создает угрозу капиталистической реставрации. Коллективизация, утверждал Сталин, создаст «прочную базу для бесперебойного и обильного снабжения всей страны не только хлебом, но и другими видами продовольствия с обеспечением необходимых резервов для государства». А также – создаст «единую и прочную социалистическую базу для советского строя, для Советской власти».

Уже через несколько лет, после страшного голода 1932–1933 годов с миллионами жертв, слова о продовольственном изобилии воспринимались злой иронией. «Бесперебойного снабжения различными видами продовольствия» так и не удалось достичь за все 70 с лишним лет Советской власти. Что же касается «реставрации капитализма», то она, может быть, и не слишком благополучно, но все-таки состоялась в начале 90-х годов. И если бы провозглашенные Сталиным цели действительно были бы для него главными, можно было бы сказать, что в исторической перспективе он оказался полным политическим банкротом. Но такое суждение вряд ли справедливо. Дело в том, что жизненные цели у Сталина были совсем другие. Коллективизация, недопущение капиталистической реставрации служили главному – обеспечению абсолютной власти вождя и созданию могучей империи, если не на ближайшую тысячу лет, то хотя бы до конца своего земного бытия и хотя бы на несколько десятилетий после смерти: чтобы помнили. И, признаем, этих целей Сталин в основном достиг. В идеале грезилось ему мировое господство, но оно Сталину не было дано и не столько потому, что слишком слаба в социально-экономическом отношении оказалась для этого страна, доставшаяся ему во владение, – Сталину не удалось завоевать даже всю Европу. Мировое господство, как показывает мировой опыт, в принципе недостижимо. Если бы было иначе, прекратилось бы развитие человечества как социального организма.

Сталин любил скромно подчеркивать, что он – лишь ученик великого Ленина. Что же касается приверженности интернационализму или, наоборот, российским государственным ценностям, то Иосиф Виссарионович в разное время выступал в роли сторонника и того, и другого – в зависимости от обстоятельств. Например, в беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом он утверждал: «Что касается меня, то я только ученик Ленина, и цель моей жизни – быть достойным его учеником. Задача, которой я посвящаю свою жизнь, состоит в возвышении... рабочего класса. Задачей этой является не укрепление какого-либо «национального» государства, а укрепление государства социалистического, и значит – интернационального, причем всякое укрепление этого государства содействует укреплению всего международного рабочего класса. Если бы каждый шаг в моей работе по возвышению рабочего класса и укреплению социалистического государства этого класса не был направлен на то, чтобы укреплять и улучшать положение рабочего класса, то я считал бы свою жизнь бесцельной». А Бухарин

и Преображенский, например, еще в 1920 году писали в «Азбуке коммунизма», что новый коммунистический человек должен отречься от любви к отечеству, и до поры до времени это положение никаких возражений у Сталина не вызывало и отнюдь не мешало его дружбе с Бухариным.

27 декабря 1929 года, выступая на конференции аграрников-марксистов, Сталин выдвинул лозунг перехода к сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса. Он назвал коллективизацию вторым этапом Октябрьской революции в деревне (первым была конфискация помещичьих земель).

«Год великого перелома» ознаменовался широким празднованием 50-летнего юбилея вождя. Годом его рождения был объявлен 1879 год, вероятно, без какого-либо хитрого политического умысла. Просто до 1917 года люди и в России, и в Грузии праздновали день ангела, а не день рождения, и точный день и год своего появления на свет часто не помнили, и Сталин в этом отношении не был исключением. Отвечая на многочисленные поздравления, он заявил, что «готов и впредь отдать делу рабочего класса, делу пролетарской революции и мирового коммунизма все свои силы, все свои способности и, если понадобится, всю свою кровь, каплю за каплей». Очень скоро Сталину пришлось обильно пролить кровь, только не свою, а, как водится у всех диктаторов, чужую. Начиналась насильственная коллективизация, а затем последовала Великая чистка 1936–1938 годов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.